

Скрипкин Г.В.

**ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
МЕЧЕНОСЦА**

Москва
2013

ББК 84

Скрипкин Г.В.

«ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МЕЧЕНОСЦА». — М.: «ИРИС ГРУПП», 272
с.

*Издание выпущено в авторской редакции с сохранением
орфографии, пунктуации и стилистики автора.*

ISBN 978-5-452-04968-5

© Скрипкин Г.В.

Явление на свет

Пашка родился в маленьком сибирском городке, расположенном на берегу такой же маленькой речки Балуйки в семье столяра местной табуретной фабрики Петра Акимовича Филаретова.

Жена Петра Акимовича Авдотья разродилась Пашкой как раз в канун Международного женского дня 8 марта, что сулило новорожденному счастливое и интересное будущее.

Петр Акимович был безмерно рад появлению Пашки, так как до него Авдотья приносила ему только дочерей. Пятилетняя Наталья и трехлетняя Ольга по вечерам ластились к Петру Акимовичу, обмазывая его обильными соплями, но ...

– Девки что, – думал Петр Акимович, беря голеню Пашку на руки, – выскочат замуж и поминай, как звали, а тут продолжатель фамилии, Филаретов Павел Петрович. Это тебе не хухры–мухры.

А в это время не хухры–мухры Пашка включил свой напрягшийся фонтанчик и окатил отца теплой соленой струей.

– Ах ты, баловник, – покачал головой Петр Акимович, – окатил отца с ног до головы.

– Чай, мужик, – вступила в разговор Авдотья, – ишь, как тужится.

– Да уж, забирай-ка ты нашего мужичка, пока он меня не заговнял, – сказал Петр Акимович и передал сына Авдотье.

И только приняла Авдотья Пашку из рук своего мужа, как тот поднатужился, пукнул и выдал приличную кучу детской неожиданности.

По избе потянуло чем-то кисленьким, отчего лица у Натальи и Ольги неестественно перекошились. Заткнув носы руками, они отошли в дальний угол комнаты и, усевшись на скамейку, стали следить за действиями матери.

Авдотья, зачерпнув из бочки ковш холодной воды, принялась замывать обгаженную детскую попку.

Пашка от неожиданности весь съежился, потом, поняв, что над ним измываются, принялся кричать, как ошпаренный. На мат его крик явно не походил, но сестренки все же заткнули пальцами свои уши.

Чтобы утихомирить малыша, Авдотья вытащила из блузки одну из своих мощных грудей и попыталась воткнуть сосок в рот Пашке.

Пашка сначала завертел головой, словно пытаясь увернуться от груди, но, учуяв приятный запах материнского молока, ухватился деснами за сосок и принялся активно всасывать приятную теплую жидкость. Его глаза при этом медленно закрылись то ли от приятной близости материн-

ской груди, то ли оттого, что после нервного потрясения сон сморил маленькое создание.

Уложив Пашку в люльку, Авдотья накрыла на стол, и глава семьи разрешил детям занять свои места.

В центре стола в чугунке томилась картошка, а рядом с ним лежала большая краюха хлеба и стояла деревянная тарелка с квашеной капустой. Петр Акимович взял большой нож и отрезал от краюхи хлеба несколько толстых кусков.

Да, чуть не забыл. В самый последний момент Авдотья достала из буфета початую четверть самогону и поставила ее возле Петра Акимовича.

Петр Акимович наполнил стакан мутноватой жидкостью, перекрестился и, сказав: «Ну и с богом», осушил его одним залпом. Потом зацепил рукой большой пучок квашеной капусты и забросил его в рот. Проглотив капусту, он взял деревянную ложку и положил себе в тарелку четыре дымящихся картофелины.

И только после этого Авдотья принялась раскладывать дымящуюся картошку по тарелкам дочерей. Таков был устоявшийся порядок – сначала отцу, а потом всем остальным.

Наполнив стакан во второй раз, Петр Акимович вновь перекрестился и произнес:

– За сына, за мою кровинушку.

Сказав это, он, как и в первый раз, осушил стакан за один глоток. Закусив картошкой с капустой, Петр Акимович посмотрел масляными глазами на Авдотью и произнес:

– Молодец ты у меня, Авдотья, сначала двух помощниц принесла, а вот теперь богатыря сподобила.

Говоря это, он наполнил свой стакан в третий раз – бог любит троицу.

Выпив в третий раз, он перевернул стакан, доел картошку и встал из-за стола.

В будние дни больше трех стаканов Петр Акимович себе не позволял. Только в воскресенье он мог расслабиться и пропустить за день стаканчиков пять, а иногда и десять.

Крепок был Петр Акимович в свои тридцать пять лет и сколько бы не выпивал водки, голову не терял, а только затягивал свою любимую песню: «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина, все отдал бы за ласки взоры, чтоб ты владела мной одна.....»

А вообще, водки за новорожденного Пашку было выпито много и до его крещения, и после того.

Да и как не выпить с дружбанами да родственниками, повод-то какой. Пусть все знают, что у Петра Филаретова сын родился.

Смотрите, вот он я, Петр Филаретов, у которого не только девки получаются.

Детские забавы

Пока пили взрослые, Пашка интенсивно подрастал и уже в три года стал гонять свою шестилетнюю сестренку Ольку и подсматривать за восьмилетней Наташкой.

Интерес к противоположному полу проявился у Пашки очень и очень рано. Его сверстники только шмыгали своими сопливыми носами, а Пашка, прежде чем носом шмыгнуть, поворачивал его в сторону какой-нибудь девчонки.

Надо сказать, что некоторые из них ему очень нравились. Одни за длинные косы, другие за вздернутые носики, а третьи за соски, торчащие из-под платьев. Не оставался он равнодушным и к девчоночьим попкам, по которым, нет-нет, да и проходил своей детской ладонью.

Раньше других он сообразил сделать дырку в задней деревянной стенке дворовой уборной и через нее подсматривал за подрастающими девчонками, пока его не поймала за этим делом бабка Ефросинья. Схватив его за ухо, она принялась всячески стыдить Пашку, а под конец выдала ему такую оплеуху, что Пашкина щека полыхала потом красным цветом несколько часов кряду. Но щека полыхать кончила, и Пашка вновь принялся за свои подглядывания.

Более того, к треклятой дырке стали все чаще приходить и другие дворовые мальчишки. Дырку заделывали в одном месте, она появлялась в месте другом.

В конце концов, взрослые плюнули на вновь появившуюся дырку, и заделывать ее больше не стали.

А мальчишек тянуло к этой дырке, как пчел на мед. Обдирая руки, они пробирались к ней через густые кусты и, затаив дыхание, ждали появления желанного объекта, но иногда вместо объекта мальчишеских желаний в уборную заходил какой-нибудь мужик и выдавал там такие очереди, что у мальчишек закладывало уши и противно шекотало в носах.

Может быть, поэтому через некоторое время у Пашки пропал всякий интерес к этой притягательной дырке. Но след свой в его судьбе эта

дырка все же оставила, так как тяга к девчоночьим индивидуальностям у него только усилилась.

А так как голова у Пашки была сообразительной, то тяга к представительницам женского пола сподобила его на новые ухищрения. Уже через неделю он нашел интересные места для обзора девчоночьих прелестей.

Один из наблюдательных пунктов он организовал на крыше двухэтажного дома, соседствовавшего с городской баней, и оттуда исследовал женское отделение с помощью бинокля, купленного им у какого-то старьевщика. Насмотрелся он там и на аккуратные сосочки юных, и на ядренные полушария молодых, и на обвисшие груди старушек. Насмотрись сам, дай посмотреть товарищам.

За сеанс просмотра через бинокль брал Пашка с пацанов по одной подушечке. Были раньше такие карамельки, которые казались Пашке вкуснее, чем всякие шоколады, да пастила. Хотя настоящего шоколада Пашка тогда и не пробовал.

Только однажды отец расслабился и, получив получку, принес домой плитку соевого шоколада, который разделил поровну между детьми, но до настоящего шоколада дело так и не дошло.

Кроме того, с помощью бинокля насмотрелся Пашка на разные любовные утехы, и эти сцены описывал потом в своей тетрадке в линейку под названием «Дневник наблюдений».

Вот некоторые выдержки из этого «Дневника».

«07.01. 1937 года. У соседки Варвары собрались гости, чтобы отметить Рождество Христово. Много пели, танцевали и тискались. Кучерявый мужик все норовил ухватить за задницу Варварину подругу, а другой мужик обнимался с Варварой. А когда Варвара с мужиком остались одни, то стали целоваться. Мужик стащил с Варвары блузку и она, зараза, выключила свет».

«12.02. К сапожнику Тимофею пришла в гости дородная баба лет сорока. Они выпили по две стопки водки, после чего Тимофей скинул свои портки и остался в кальсонах. Баба, не долго думая, залезла в кальсоны рукой, обхватила Тимофея и стала его целовать, а когда тот упал с табуретки, то села на него и запрыгала, как егоза. А еще голову назад запрокидывала, толстуха».

«21.03. В соседний дом к врачихе пришел какой-то усатый военный с бутылкой вина и коробкой конфет. После первого тоста, он стал ей что-то рассказывать, наверное, о своих подвигах. Вдруг врачиха вскочила со стула и, схватившись за голову, стала метаться по комнате. Военный, не долго думая, схватил бутылку вина и сиганул из окна, а ведь был второй этаж. Врачиха запрятала большие рюмки с конфетами под кровать и от-

крыла дверь. Когда вошел муж, она бросилась его обнимать, но тот оттолкнул ее и подошел к открытому окну. Пока он смотрел в окно, врачиха скинула с себя кофточку с юбкой и развалилась на кровати. Дальше свет выключили».

И подобных сцен в «Дневнике» было с десятка три. Были там сцены в помещении и на природе, вдвоем и в компании, с вином и без вина, с ласками и без оных.

В общем, первого опыта любовных обхождений Пашка поднабрался через бинокль.

А вот первое возбуждение от прикосновения девчонки он получил на берегу речки, когда соседская Нюрка села на его загорающую поясницу и стала барабанить ладошками по спине. При этом она ерзала своей попкой по Пашкиному задку и приговаривала:

– Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, едет поезд запоздалый.

Пашка сначала почувствовал только неприятное шлепанье по спине, но, через несколько мгновений, Нюркино ерзанье возбудило его так, что чувство неприятности исчезло и осталось только возбуждение.

Улучив момент, когда Нюрка в очередной раз высоко подпрыгнула, Пашка быстро перевернулся на спину, и она села на его напряженный торчок. Вскочив с Пашки, Нюрка в недоумении уставилась на оттопыренные Пашкины трусы, смутилась и, отвернувшись, быстро от него отошла.

Пашка после этого не сразу успокоил свое мужское сокровище, а Нюркино прикосновение ему еще долго вспоминалось.

С этого дня он стал совсем по-другому смотреть на девчонок, стараясь сделать все, чтобы им понравиться, но чаще он засматривался на тех девчонок, которые были значительно старше его.

Одна из таких девчонок, подружка его сестры Наташки и соблазнила тринадцатилетнего Пашку. В теплый июньский день она зашла за Наташкой, чтобы пригласить ее на речку, но в комнате, кроме Пашки, никого не застала.

Она уже собиралась выйти из комнаты, но, посмотрев на Пашку, вдруг спросила:

– Пашка, а ты с девчонками-то целовался?

Пашка посмотрел на Наташкину подружку и, выпитив грудь, уверенно сказал:

– Конечно, целовался.

– А покажи, как ты с ними целовался, – попросила она.

Пашка неуверенно подошел к Наташкиной подружке и, когда та наклонилась, чмокнул ее в щеку.

– Разве так с девчонками целуются, – сказала подруга. Взяв в руки Пашкину голову, она повернула его лицо к себе и впилась своими сочными губами в Пашкины губы.

У Пашки, аж, дух перехватило.

А когда Наташкина подруга засунула в его рот свой язык, Пашка окончательно возбудился.

Пашкино возбуждение передалось Наташкиной подруге, и она, не сдержав своих эмоций, завалила Пашку на кровать и полностью переключилась на его торчок. В это мгновение Пашка окончательно потерял дар речи и на какое-то мгновение провалился в приятное беспамятство.

Очнувшись, он увидел Наташкину подругу, которая поправляла свою юбку и чему-то улыбалась.

Уходя, Наташкина подруга произнесла:

– Какой же ты шустрый Пашка, учись себя сдерживать, а то как-то уж очень быстро.

В тот раз Пашка не понял смысла слов, вылетевших из уст Наташкиной подруги, но приятное беспамятство ему очень понравилось.

С этого момента ему частенько стали сниться эротические сны, в которых Наташкина подруга и другие знакомые девчонки приходили к нему и доводили его до извержений, о которых он узнавал поутру по невысохшим трусам.

А еще, не найдя общего языка с девчонками, Пашка научился удовлетворять себя сам, используя для этого открытки с красотками. При этом, он разговаривал с ними, как с живыми существами и всячески нахваливал их за красоту и грудастость.

Правда, вредная Ольга, обнаружив открытки, в тайне от Пашки выменяла их на какие-то фантики. Расстроенный Пашка долго не мог понять, куда же подевались его красотки, но через несколько дней вовсе о них забыл.

В общем, к пятнадцати годам половой темперамент Пашки окончательно оформился, и за похотный взгляд ему смело можно было дать лет семнадцать.

А где-то была война

На четвертый месяц Пашкиного пятнадцатилетия началась война, и отголоски ее докатились до маленького сибирского городка. Все призывное население отправилось на фронт, а в городке остались только бабы, инвалиды, старики и дети.

Пашка тоже попытался сбежать на фронт, но военные дяди записали его в разряд детей и посоветовали выбросить из головы невыполнимое желание. Знали бы эти дяди, в какого мужичка превратиться через некоторое время паренек по имени Пашка.

Оставшиеся в городке верили в скорую победу Красной армии над врагом, но наступила осень, а война все не кончалась и не кончалась. На табуретной фабрике стали выпускать ящики для снарядов, а сердобольные женщины, предчувствуя затяжной характер войны, вязали для фронтовиков носки с варежками и отправляли их в сторону фронта.

Авдотья с Ольгой занимались домашним хозяйством, посылали Петру Акимовичу нехитрые посылки и с нетерпением ждали от него хоть какой-нибудь весточки. Двадцатилетняя Наталья с утра до вечера работала на лесозаготовках и уставала так, что, дотащившись до дому, с трудом забиралась на полаты и проваливалась в глубокий сон. Утром, наспех перекусив картошки с хлебом и салом, Наталья вновь уезжала в тайгу, чтобы вечером ни живой, ни мертвой вернуться назад.

Первое время Пашка, как мог, помогал матери по хозяйству. Авдотья делегировала ему обязанности по заготовке на зиму дров, и он с рвением приступил к выполнению этой непростой задачи. Благо деревьев в тайге было видимо-невидимо.

Договорившись с хромым стариком Никодимом, у которого была худосочная лошадь, он каждое утро отправлялся в тайгу, а к вечеру тот забирал Пашку вместе с дровами.

Так у Пашки с Никодимом образовался своеобразный кооператив по заготовке дров. Заготовив дрова для себя, они свои услуги стали предлагать окружающим. А спрос на их услуги был большой. Во-первых, потому, что не у каждого хватало времени и сил, чтобы возиться с деревьями, а, во-вторых, лошадей в городке было по пальцам пересчитать.

За их услуги люди расплачивались по-разному: кто деньгами, кто продуктами, а кто и натурой.

Что касалось Никодима, то натура ему была вовсе не нужна в силу его возраста, поэтому всю причитающуюся натуру Пашка стал брать себе. И это ему все больше и больше нравилось.

Удовлетворенные женщины были благодарны Пашке вдвойне. Вот малец, так малец, и дровами обеспечил, и кой-чему не дал зарастить. А некоторые из них так приросли к Пашке, что времени на всех у Пашки не стало хватать.

Правда, были и курьезные случаи, когда Пашка не справлялся со своими натуральными обязанностями, отчего настроение его резко портилось и, чтобы его поправить, он стал пропускать во внутрь стаканчик, другой.

На нескольких курьезных случаях стоит остановиться отдельно.

Под самый конец осени заготовили наши кооператоры дровишки для тридцатилетней медсестры Анфисы. Прожив свои тридцать лет, она до войны так замуж и не вышла и теперь жила одна в маленькой комнатушке недалеко от больницы, в которой работала.

Пот к ней-то и пришел Пашка после заготовки дров.

Маленький столик был накрыт Анфисой по случаю встречи совсем даже неплохо. На столике дымилась картошка в мундире, стояли тарелка с солеными огурцами и помидорами, открытая банка шпрот и бутылка медицинского спирта, все-таки Анфиса работала не где-нибудь, а в медицинском учреждении.

Как ранее отмечалось, Пашка уже пробовал на зубок некоторые виды спиртного, но вот чистого спирту еще никогда не пил. Это обстоятельство и сыграло с Пашкой злую шутку.

Выпив за знакомство по одной, причем Анфиса при этом только пригубила из стакана, они выпили по второй. А после второй голова у Пашки стала медленно кружиться. Он попытался привстать, чтобы обнять Анфису, но вместо этого завалился на кушетку и провалился в глубокий сон.

Утром он проснулся с тяжелой головой, пересохшим горлом и растегнутой ширинкой.

В комнате не было никого, а на столике стоял стакан с молоком, и лежала записка, написанная карандашом. В записке Анфиса просила его хорошенько закрыть за собой дверь, а ключ положить под коврик. И больше ничего.

Во время чтения записки по Пашке пробежала такая волна стыда, что он быстро протрезвел и, даже не попробовав молока, выскочил на улицу. Только глотнув свежего воздуха, он полностью пришел в себя и быстрым шагом направился в сторону своего дома.

С этого момента он стал стороной обходить дом, в котором жила Анфиса, но с Анфисой ему в дальнейшем пришлось встретиться еще не один раз.

В другой раз Пашка пришел в гости к сорокапятилетней учительнице местной школы Альбине Витальевне. Помня о том, как он совсем недавно оконфузился у Анфисы, Пашка слегка пригубил ежевичной настойки и, закусив ее сладким пирожком, испеченным по этому случаю Альбиной Витальевной, приступил к своим любовным приставаниям.

Когда он стал снимать с Альбины Витальевны белую блузочку, она захотела выключить свет, но Пашка уговорил ее этого не делать и продолжил раздевание при свете. В процессе раздевания он так возбудился, что готов был вонзить свой торчок даже в прорезь груди, но, сорвав с

нее лифчик, на одной из грудей увидел большущее родимое пятно, усеянное густым волосяным покровом. При виде пятна его возбуждение как ветром сдуло. Уж, как только ни пыталась Альбина Витальевна поднять Пашкин торчок, тот никак не хотел возбуждаться. Так, промучившись с торчком часа два, Альбина Витальевна оставила тщетную попытку возбудить Пашку и не совсем вежливо попросила его убираться домой.

А следующий курьезный случай произошел с ним в декабре, когда сибирские морозы накрыли маленький городок, и люди прятались от него в многообразии теплых одежд.

Провожал он тогда домой озорную и симпатичную Верку, которой отроду было около двадцати пяти лет. До войны выйти замуж она не смогла, потому что была слишком разборчива, а уж во время войны выйти замуж и вовсе не представлялось возможным.

Но молодая кровь будоражила Веркино тело, и в один из таких моментов на глаза ей попался свеженький Пашка.

Так как жила Верка с мамой и сестрами, то пригласить домой Пашку она не могла, поэтому тискаться они решили в сарае. И если до Пашкиного хозяйства добраться было попроще, то до Веркиных прелестей нужно было добираться через несколько преград, и основной преградой были зимние рейтузы с начесом, да еще и на резинках.

В общем, пока Пашка добирался до Веркиных прелестей, вся охота у него пропала, что ужасно расстроило Верку, и ее острый язычок прошепелязвительно по Пашкиному самолюбию.

Такого обхождения Пашка стерпеть не смог и, обозвав Верку нехорошим словом на букву б., ретировался из сарая. Правда, после этого он еще долго жалел, что испортил отношения с такой симпатичной девчонкой. Иногда ему даже хотелось подойти к ней и, извинившись, вновь затащить ее в сарай, но, зная Веркин характер, Пашка так и не решился сделать такой шаг. Он даже в мыслях предположить не мог, что Верка дожидалась в тайне его нового приглашения.

После того случая Пашка решил не допускать эмоциональных всплесков, которые могли бы обидеть представительниц прекрасного пола.

«Я должен быть внимательным и нежным, я должен видеть в женщине только достоинства и не замечать недостатков», – сказал он сам себе.

Еще один случай стоит вспомнить потому, что в Пашкиной памяти этот случай оставил неизгладимый след.

Зимой, когда жители городка уже запаслись дровами, Пашка приоткрыл для себя новое дело, а так как Никодим совсем не хотел заниматься этим делом, то за определенные проценты выпросил у него ло-

шадь с саними. По утрам он стал выезжать на саних в сторону рынка и там поджидал озабоченного клиента, которому требовалось подвезти до дома крупногабаритный товар.

Одной из таких клиенток оказалась жена местного снабженца Анастасия Гавриловна. Было Анастасии Гавриловне лет тридцать – тридцать пять и отличалась она от затраханых работой и проблемами женщин своими пышными формами и непривычной ухоженностью. В этот день Анастасия Гавриловна приобрела в местном лабазе какую-то резную тумбочку, и обходительный Пашка согласился довести Анастасию Гавриловну вместе с тумбочкой до ее дома.

Внеся тумбочку в трехкомнатную квартиру, Пашка, как вкопанный, застыл в проеме двери гостиной и, раскрыв рот, стал рассматривать невиданную доселе обстановку. Больше всего его поразил аквариум, который стоял возле окна, и в нем плавали разноцветные рыбки. Таких рыбок он сроду не видел, как не видел никогда и аквариума.

Заметив Пашкино оцепенение, Анастасия Гавриловна посоветовала:

– Да ты поставь тумбочку-то, а потом уж рот разевай.

Пашка на автомате выполнил ее совет и, поставив тумбочку в угол, подошел к аквариуму.

Пока Пашка любовался рыбками, Анастасия Гавриловна разделась и, подойдя к нему, обдала его такой приятной волной каких-то заморских духов, что у того дух перехватило.

Справившись с собой, Пашка показал на одну из рыбок и спросил:

– А как зовут эту рыбку?

– Эту? – переспросила Анастасия Гавриловна, задев Пашку своей пышной грудью, – это гуппи.

– А эту? – показал Пашка на другую рыбку.

– А эту, – Анастасия Гавриловна втиснула свою грудь в Пашкину спину, – это меченосец.

– Меченосец, – повторил Пашка, – какое красивое имя.

– А хочешь, я расскажу тебе об этой рыбке? – предложила Анастасия Гавриловна.

Пашке, конечно же, захотелось выслушать рассказ о меченосце. Он снял фуфайку, сел на стул и приготовился слушать, но Анастасия Гавриловна согласилась рассказать о рыбке только в спальне.

А в спальне она не только рассказала ему о меченосце, но и показала, как эти рыбки совокупаются. Целых три часа продолжались практические занятия по совокуплению, и эти занятия Пашка запомнил на всю оставшуюся жизнь. Во-первых, потому, что еще никогда не видел такого красивого женского белья, во-вторых, потому, что Анастасия Гавриловна научила его таким способам совокупления, которых Пашка и представить

себе не мог и, в-третьих, потому, что после практических занятий Анастасия Гавриловна одарила его не только большими деньгами, но и пузырьком одеколona. Здесь можно бы было и продолжить: и в-четвертых, и в-пятых и т.п., но первые три позиции были наиболее запоминаемы.

С этого дня одеколон для Пашки стал одним из основных атрибутов, который помогал ему успешно завлекать представительниц прекрасного пола. От его «Красной Москвы» впадали в беспамятство как девственницы, так и зрелые женщины сибирского городка.

Кроме того, после встречи с Анастасией Гавриловной он к месту и не к месту стал вспоминать про меченосца, за что от сверстников получил кликуху Пашка–меченосец.

Со временем от этой кликухи осталась только вторая часть, и Пашка стал Меченосцем.

Любовь на линии фронта

Когда Меченосцу исполнилось 18 лет, он вновь пришел к военкому, и тот с превеликим удовольствием отправил его в действующую армию. В это время Меченосец уже знал, что его отец, Филаретов Петр Акимович, пал смертью храбрых где-то под Сталинградом.

По дороге на фронт Меченосец представлял себе, как он будет яростно сражаться с фашистской нечистью. Почему-то фашистская нечисть представлялась ему в образе чертей, с ног до головы обвешанных доспехами и оружием.

В своих видениях Меченосец смело бросался на вражеские укрепления и крушил врага своими крепкими кулачищами. Ох, и досталось же в сновидениях от него фашистам.

Правда, несколько раз фашистская нечисть представилась ему в образе белокурой блондинки, и тогда он, со всей пролетарской ненавистью, обрабатывал белокурую бестию в хвост и в гриву. После такого сражения просыпался Меченосец весь мокрый, то ли от пота, то ли от избытка сени.

Наконец, их эшелон прибыл на Украинский фронт, но бойцы не успели поучаствовать в победоносном освобождении Кривого рога. Три дня тому назад наши доблестные войска отбили у фашистов этот украинский город. Никакая война не смогла остановить весеннего цветения, и разрушенный город утопал в бело-розовом море цветущих яблонь, вишен и абрикосов.

В Кривом роге Меченосец сумел убедиться в том, что украинские дивчины действительно гарны. Правда, они были не только гарны, но и очень разборчивы. И только «Красная Москва» помогала Меченосцу в их успешном обольщении. Но несколько раз пришлось Меченосцу испытывать и силу крепкой девичьей руки. Как ни напяливал он на лоб свою пилотку, она все равно оказывалась в придорожной пыли после увесистых ударов украинских молодок.

Но Меченосец был не из тех, кто при первом сопротивлении отступал с поля любовного противостояния. Его сладкие речи продолжали ласкать слух строптивой дивчины до тех пор, пока она ни отдавалась в шаловливые руки наодеколоненного Меченосца. А уж руками Меченосец творил чудеса. Из его объятий не торопилась вырваться ни одна из попавших в них молодух.

Его эротический массаж доводил до безумия самую твердокожую женщину. От жарких ласк ее кожа размягчалась, груди не сдерживали своих сосков, и они вырывались на свободу, еще больше возбуждая шаловливые ручки Меченосца. Это возбуждение моментально передавалось всему его телу, и тогда он пускал в ход свой шершавый язык – лучший массажер из всех массажеров. С этого момента охи и ахи купающейся в ласках девицы заглушали артиллерийскую канонаду, какой бы сильной она ни была.

Но, на войне, как на войне. Наши войска активно наступали, вытесняя фашистов с родной земли и, наконец, перейдя границу, приступили к освобождению Польши.

Всюду на польской земле наших бравых бойцов встречали цветами и жаркими поцелуями симпатичные польские женщины. Июльский ветерок охотно играл подолами их легких крепдешиновых платьев, словно нарочно дразня пропитанных пылью и гарью советских воинов. И большинству из них хотелось прижаться к молодому девичьему телу и хоть на секунду забыть о том, что где-то грохочут пушки, строчат пулеметы и рвутся бомбы, унося в мир иной не самых плохих представителей человечества. Но не всем суждено было пережить эти секунды. Как всегда, к числу избранных относился и наш Меченосец.

Польские женщины поразили Меченосца, прежде всего, тем, что неумовимым движением руки или брови они могли довести человека до третьей степени возбуждения. Вторая степень возбуждения наваливалась на мужчину в процессе расстегивания полячкой верхней пуговицы облегающей блузки, а первая степень возбуждения с попытками затвердевшего торчка вырваться на волю парализовала бойца, когда полячка наклонялась перед ним, обнажая свою белоснежную грудь. А если полячка садилась перед бойцом и закидывала ногу на ногу, показывая подвязки и

шелковые чулки, несчастный немел и порывался забраться на воображаемую стену.

Вот она, поражающая сила женского соблазнения, которой польские женщины владели в совершенстве. И Меченосец с наслаждением подставлял себя под шквал этой всепобеждающей силы. Он вытворял тогда такие чудеса, что женские руки с остервенением скребли его просаленную гимнастерку, а ноги сходились у него за спиной, стараясь удержать его как можно дольше. А когда женские объятия ослабевали, он покрывал тело женщины горячими поцелуями, и ее ноги вновь сходились у него за спиной.

Да, опыт, полученный у Анастасии Гавриловны, очень пригодился восемнадцатилетнему Меченосцу. Она научила его не только способам совокупления, но и умению сдерживать подступающее к выходу семяизвержение.

А после любовной игры прощальный поцелуй без слез и сантиментов, и команда «вперед». Вперед на запад, в логово самого фюрера. До окончательной победы оставалось еще шесть с половиной месяцев, но об этом бойцы только догадывались.

В Германии Меченосец столкнулся как с нескрываемым страхом, который поселился в глазах некоторых немок, так и с менторской холодностью многих из них.

Ему пришлось применить весь арсенал доброжелательных улыбок и вынуть из заначки запас приятного обхождения, чтобы растопить холодные сердца высокомерных и снять пелену страха у испугавшихся.

Первыми поддались на доброжелательные улыбки испугавшиеся. Оставив свою робость за порогом дома, в спальне они окончательно успокаивались и проявляли такой темперамент, что широкие кровати начинали нутужно скрипеть в такт ускоряющемуся движению их пухленьких попочек. Каждый оргазм заканчивался обязательным гортанным «гут» и подбадривающим похлопываньем по плечу Меченосца. С этого момента у ранее напуганных загорелись глаза, и они были готовы заниматься сексом с утра до вечера и с вечера до утра.

От зависти менторская холодность у их землячек стала постепенно уменьшаться, а через некоторое время и вовсе исчезла. Оказалось, что за менторской холодностью скрывались профессиональное кокетство и неудержимый темперамент, который нужно было только чуть-чуть пощекотать.

Ох, уж эти фрау, начинающие недотроги и матерые любовницы, сдержанные потаскушки и любвеобильные шаловницы. Сколько вас прошло через полевое ложе Меченосца и не сосчитать. И вряд ли хоть одна из тех, кто попробовал его ласк, осталась неудовлетворенной.

Раненый, но е.., то есть верткий

В мае 1945 года война победоносно завершилась и нетронутые смертью мужички стали возвращаться в родные пенаты. Меченосцу в это время исполнилось только девятнадцать лет, и если бы не ранение в зад, которое он получил незадолго до окончания войны, служить бы ему как медному котелку.

Если вы спросите: «Откуда у нашего Меченосца ранение в зад», то однозначного ответа можете и не получить.

Существует несколько интерпретаций данного ответа.

Одни говорят, что ранение в зад наш доблестный Меченосец получил во время его боевого дежурства, когда, отвернувшись от передовой в сторону голубоглазой медсестры, выставил свою задницу на обозрение противнику, а тот, не выдержав такого хамства, саданул по ней из автомата. Слава богу, что только одна пуля вошла в мягкое место доблестного Меченосца.

Другие дают голову на отсечение за то, что в зад Меченосцу пуля—дура угодила, срикошетив от бронзовой люстры, что висела в покоях одной симпатичной мамзель.

А третьи настаивают на том, что подпортила его задницу неудовлетворенная немецкая фрау, выстрелив в нее из пистолета.

Сам же Меченосец является автором четвертого варианта, который повествует о том, что хитрый враг зашел на позицию его взвода с тыла, и только отличная реакция спасла его от верной гибели. Он успел вовремя подпрыгнуть, и пуля не пробила его благородное сердце. Теряя кровь, он все же сумел обезвредить врага, за что был награжден командованием часами. Правда, часы, которые он показывал, были сняты им с убитого немецкого офицера.

В общем, любой из вариантов приводил к тому, что нашему доблестному Меченосцу тоже досталась отметка, которую беспощадная война сделала на его заднице.

После войны отмеченный Меченосец решил не возвращаться в сибирский городок. Во—первых, потому, что вернувшиеся мужички могли прознать про его детские шалости, а во—вторых, потому, что один из однопольчан больно красиво рассказывал ему про Ленинград.

После этих рассказов Меченосец твердо решил поехать на невские берега, чтобы воочию увидеть Зимний дворец и Аврору, Адмиралтейство и Русский музей.

И Ленинград встретил Меченосца цветами, музыкой духовых оркестров и веселыми улыбками горожан. Но Меченосца интересовали только улыбки молоденьких жительниц славного города.

С вокзала Меченосец проследовал на Невский проспект, по которому прогуливались толпы радостных ленинградцев и гостей города.

Приподнятое настроение людей читалось в их оттаявших взглядах, в жестах и даже в одежде, которую ленинградцы вытащили по случаю Победы из своих сундучков.

Небо, еще совсем недавно забитое аэростатами, сияло своей голубизной и не обижалось на праздничные фейерверки, которые то здесь, то там высвечивали его глубины.

Отхлебнув из фляжки солидный глоток спирту, Меченосец скинул с себя остаток робости и стал внимательней присматриваться к молодым ленинградкам. Некоторым девушкам он даже осмелился подмигнуть, а одной из них задал ничему не обязывающий вопрос:

– Не подскажете, как пройти на Невский проспект.

Девушка с удивлением посмотрела на него, потом мило улыбнулась и произнесла:

– Невский перед Вами, молодой человек –, и рассмеявшись, побежала догонять своих подружек.

– Нет, – подумал Меченосец, – с молодыми каши не сварить, вряд ли у них найдется место для заезжего бойца.

С этого момента Меченосец переключился на женщин повзрослей, и они с удовольствием ловили на себе его молодецкий взгляд.

В один из моментов его взгляд оторвался от женщин и остановился на красочной гастрономической витрине. Постояв возле витрины несколько минут, он вошел в гастроном и, увидев симпатичную продавщицу лет тридцати пяти, подошел к прилавку.

– Скажите, пожалуйста, – начал он, – какую колбаску можно взять на закуску?

– Колбаску, – оживилась женщина, – если для водочки, то докторскую, а для винца, можно и копчененькой.

– А Вы, какую предпочитаете? – спросил Меченосец.

– Я больше люблю копчененькую, – ответила продавщица.

– Тогда двести грамм копченой колбасы и обещание встретиться со мной после работы, – предложил Меченосец.

Продавщица сначала густо покраснела, потом лукаво посмотрела на странного покупателя и произнесла:

– Долго ждать придется, я сегодня до десяти.

– Ничего, – ответил Меченосец, – такую симпатичную женщину можно ждать целую ночь...., то есть, целую вечность.

Откуда что берется. Чувствую, что еще немного и наш Меченосец заговорит стихами.

Какая женщина сможет устоять против таких слов. Наша продавщица тоже расслабилась и игриво сказала:

– А Вы, боец, романтичны. Кстати, зовут меня Таня, то есть, Татьяна.

– Очень приятно, Павел, – представился Меченосец, – фронтовик и гость Вашего прекрасного города.

Глазенки у продавщицы забегали, она поняла, что сегодня ночью ее постель может обогреть симпатичный парень по имени Павел.

– Надо брать мальчика, пока он не передумал, – подумала продавщица.

– Павел, какое прекрасное имя, – заворковала она, – какое благородное имя. Может быть, Вы подождете меня в подсобке?

Меченосец для пушей важности задумался, но все же согласился:

– Ну, как откажешь женщине с таким прекрасным именем.

Татьяна отвела его в подсобку, угостила бутербродами с колбасой, и Меченосец полностью размяк.

В таком размякшем состоянии он пробыл в подсобке около двух часов, пока трудовой день у Татьяны не закончился.

Выйдя с Татьяной в темноту ленинградских улиц, Меченосец немного стушевался, но когда Татьяна взяла его под руку, снова выпятил молодецкую грудь и сдвинул набекрень пилотку: «Смотрите, ленинградцы, какую деваху подцепил я на ваших улицах».

А деваха, действительно, была ладной и хлебосольной.

В этом Меченосец еще раз убедился, переступив порог ее комнаты в коммунальной квартире на Литейном проспекте.

Уютная шестнадцатиметровая комната была со вкусом обставлена. Казалось, что в ней нет ничего лишнего. Кроме большой двуспальной кровати в комнате были комод, трюмо, круглый стол с четырьмя стульями и тумбочка с патефоном и пластинками.

Быстро раздевшись, Татьяна усадила Меченосца на стул и принялась спешно накрывать на стол. На столе появились тарелки с сыром и колбасой, банка трески в масле, хлеб и бутылочка «Столичной».

А что еще нужно для любовной увертюры.

Малопьющая Татьяна по такому случаю выпила первую стопку до дна. Да и как не выпить, если молодой красавчик поднимает бокал ..., пусть не бокал, а только стопку, но поднимает за нее, за ее красоту, ее голубые глаза. Вот понесло бойца.

А после третьей стопки Татьяна поцелуем прикрыла сладкие уста Меченосца, и четвертый тост так и остался не высказанным. Да и черт с ним, с четвертым тостом.

Меченосец обхватил податливую Татьяну своими лапищами и, крепко прижав к себе, стал покрывать ее лицо жаркими поцелуями. За поцелуями Татьяна и не заметила, как ее кофточка и лифчик оказались на полу. А потом

Двухспальная кровать уже давно не испытывала такого напора двух истосковавшихся по любви тел. Она жалобно поскрипывала, стараясь попасть в так молодым, и робко возмущалась, когда их активные действия вынуждали ее стучаться о стену. И только под утро кровать последний раз скрипнула и на несколько часов затихла.

Первой проснулась Татьяна. Протерев глаза, она встала, аккуратно сложила на стул валявшуюся одежду, потом убрала со стола и прошла на кухню, чтобы приготовить завтрак. А там ее уже поджидали любопытные соседки: старенькая пенсионерка Ангелина Ивановна и молоденькая учительница Светочка. Кроме них в коммунальной квартире жил еще старичок, Кирилл Емельянович, которого соседи запросто называли Емельянычем, но его в столь ранний час на кухне не ожидалось.

– Доброе утро, милочка, – хитро взглянув на Татьяну, поздоровалась Ангелина Ивановна.

– Доброе утро, – сдержанно ответила Татьяна. Тон, с которым поздоровалась Ангелина Ивановна, ничего хорошего не предвещал. Татьяна знала, что после такого приветствия начнется серия ехидных вопросов.

Так оно и случилось.

– А что это ты, милочка, так плохо выглядишь, или спала плохо, – задала первый вопрос Ангелина Ивановна.

– Да вроде хорошо, Ангелина Ивановна, – ответила Татьяна.

– Вот то-то и оно, что вроде, – произнесла Ангелина Ивановна, – вроде, вроде дяди Володи – подначила она.

– Ну, зачем же так, Ангелина Ивановна, – вступила в разговор Светочка, – причем здесь какой-то дядя Володя?

– Если бы какой-то, – ехидно произнесла Ангелина Ивановна, – а то самый настоящий. Может быть, его не Володей зовут? – с иронией спросила у Татьяны Ангелина Ивановна.

– Не Володей, – ответила Татьяна, – может быть, ко мне родственник приехал..., дальний.

– Дальний или ближний, один черт, – перекрестившись, отпаривала Ангелина Ивановна, – вот только кровать под родственничками не так скрипит.

– Ангелина Ивановна, о чем это Вы? – смутившись, воскликнула Светочка.

– А все о том же, милочка моя, – ответила Ангелина Ивановна, – я сегодня всю ночь не спала из-за этих «ахов», да «охов». Весь дом переполошили своими стонами.

Татьяна густо покраснела, но потом собралась и произнесла:

– Ангелина Ивановна, мне что, век в старых девах ходить?

– Не в этом дело, – сердито сказала Ангелина Ивановна, – никто не заставляет тебя ходить в старых девах, но совесть то тоже надо иметь. Ахай себе, сколько хочешь, но другим-то не мешай.

– Хорошо, Ангелина Ивановна, больше не буду, – пообещала Татьяна и поспешила покинуть кухню.

А на кухне продолжилось оживленное осуждение недостойного Татьянинного поведения.

Причем, Светочка только подбостростно поддакивала, и чем подбостростней она поддакивала, тем все больше распалялась Ангелина Ивановна.

А Татьяна, войдя в комнату, посмотрела на спящего Меченосца и, приблизившись к кровати, нежно поцеловала его.

Меченосец медленно открыл красноватые глаза, вспомнил все прелести сегодняшней ночи и, обняв Татьяну, завалил ее на кровать.

Проходившая в свою комнату Ангелина Ивановна вновь услышала «охи» и «ахи» своей соседки Татьяны и незнакомого ей не Володи.

– Вот черти, – подумала она, – за ночь не наохались.

После утренних эротических процедур они совместили завтрак с обедом, и Меченосец проводил Татьяну до уже знакомого ему гастронома.

Расставаясь, Татьяна посоветовала ему прогуляться по Ленинграду, а Меченосец, в свою очередь, обещал ей прибыть в гастроном к десяти часам вечера. Он так и сказал:

– Не сомневайся, Таня, в десять буду, как штык.

Он опять вышел на Невский и, увидев впереди Адмиралтейский шпиль, вихляющей походкой пошел в его сторону.

Казалось, что сегодняшней ночью он уже заморил своего темпераментного червячка, но его глаза продолжали блуждать по ножкам, попкам и другим женским выпуклостям.

Вот такой он, наш Меченосец, а, впрочем, женщины были сами виноваты в том, что слишком избаловали его в юности.

Весь вечер он провел на набережной Невы, где наблюдалось наибольшее оживление. Он даже не стал переходить на Васильевский

остров, где возвышались Ростральные колонны, на которых в честь Победы были зажжены факелы.

В Зимний дворец он без Татьяны пойти не решился, наметив его посещение в выходной день, а вот в Летнем саду с удовольствием побродил и даже выпил кружечку пива в летнем кафе.

Вот там-то к его столику и подошла чрезмерно напомаженная женщина лет тридцати. Яркое шелковое платье плотно обтягивало ее внушительный бюст и широкой юбкой разбегалось от талии.

– Красавец, – с ударением на последний слог обратилась она, – ты не будешь против, если я составлю тебе компанию?

Меченосец на всякий случай посмотрел по сторонам, а потом вежливо согласился.

Женщина присела за столик, обдав Меченосца волной неплохих духов, и заворковала:

– И где же воевал наш доблестный воин?

– Где я только не был, – собравшись с мыслями, начал повествование Меченосец, – почитай, всю Европу прошел.

– Всю Европу прошел, а по культурному разговаривать не научился, – засмеялась женщина, – почитай, ну и словечко. Из какого такого сундука ты его вытащил?

– Не из какого сундука я его не вытаскивал, – начал оправдываться Меченосец, – у нас в Сибири, почитай, все так говорят.

– Так ты еще и сибиряк, – переспросила женщина, – по тебе видно, что ты не из городских плюгавеньких. А как же зовут-то тебя?

– Меня, Павлом, а тебя как? – спросил он женщину.

– А меня Викой, – ответила та и лукаво улыбнулась.

– Очень приятно, – пробубнил Меченосец и затих.

– А что это ты замолчал, сибиряк. Если тебе приятно, так хоть пивом угости, – предложила Вика.

Меченосец купил еще одну кружку пива и поставил ее перед Викой. Та взяла кружку обеими руками и, запрокинув голову, отпила из нее большую половину.

– Хорошо, – переведя дух, воскликнула Вика, – остановиться-то у тебя есть где? – спросила она.

Меченосцу очень хотелось сказать, что «нет», но, вспомнив Татьяну, он ответил по-военному четко:

– Пока я нахожусь в распоряжении военного коменданта города Ленинграда, поэтому каждый вечер должен возвращаться в часть. Думаю, что через недельку документы о моем увольнении придут, и я буду свободен, как птица.

– А что это тебя так рано увольняют? – спросила она, но потом добавила, – а, впрочем, не мое это дело. Увольняют, так увольняют. Значит, сегодня ты не сможешь меня проводить?

– Почему же, проводить я смогу, но только до девяти часов, а то к десяти мне нужно быть в части, – ответил Меченосец.

– Ну, до девяти неинтересно, – посмотрев на часы, произнесла Вика, – иди в свою часть, может быть, в следующий раз и пообщаемся.

Сказав это, она допила пиво и, поцеловав Меченосца в щечку, пошла на поиски новой жертвы.

Около десяти вечера наш штык Меченосец, как и обещал, появился возле гастронома.

Татьяна не заставила себя долго ждать. Выйдя из гастронома, она поспешила к Меченосцу и, обняв его, прижалась к его богатырской груди.

Меченосец несколько секунд постоял в нерешительности, потом повернул к себе ее лицо и, поймав губами ее полуоткрытый рот, крепко поцеловал.

После долгого поцелуя она передала Меченосцу наполненную продуктами сумку и они, оживленно переговариваясь, пошли в сторону дома.

Войдя в квартиру, они на цыпочках проследовали в свою комнату.

Любопытная Ангелина Ивановна, выглянув в коридор, проводила их недоброжелательным взглядом.

– Ну, сегодня опять начнут скрипеть, – раздраженно подумала она.

Но сегодня, чтобы не скрипеть, наши любвеобильные занялись любовью прямо на полу.

А на полу до скрипа дело не дошло, но «охи» и «ахи» опять возбудили их пожилую соседку.

Утром, поймав Татьяну на кухне, Ангелина Ивановна не преминула высказаться:

– Милочка, вы мне опять не дали выспаться. И потом, он же значительно моложе тебя.

– Ангелина Ивановна, я, в конце концов, имею право приглашать гостей или нет? – не повышая тона, но довольно-таки резко спросила Татьяна.

– Конечно, имеешь, – ответила Ангелина Ивановна, – но заниматься с ними черт знает чем, непозволительно.

Еле сдерживая себя, Татьяна произнесла:

– Ну, почему же черт знает чем, мы занимаемся любовью, а запрета на такие занятия в природе не существует.

– Милочка, да ты совсем обнаглела, – взвилась Ангелина Ивановна, – она, видите ли, любовью занимается.

В это время на кухню вышел заспанный Емельяныч:

– Что за крик, а драки нету. О чем это вы тут балакаете?

– Доброе утро, Емельяныч, – радостно приветствовала его Татьяна, – Ангелина Ивановна, как всегда, жизни меня учит.

– Ивановна, опять за свое, – забрюзжал Емельяныч, – надо тебе мужичка найти, что ли.

Ангелина Ивановна вспылила еще больше:

– Вечно ты, старый, со своими дурацкими советами. Это у тебя одни бабы на уме.

– У меня бабы, – хихикнул Емельяныч, – а у тебя мужички, да секса.

Очень понравилось нашему Емельянычу заморское слово «секс», которое привезли с собой фронтовики, и теперь он периодически вставлял его в канву разговора.

– Ах, ты старый развратник, – воскликнула Ангелина Ивановна, – откуда тебе знать, что у меня на уме?

– А оттуда и знать, что у всех у вас одна секса на уме, – без всяких сомнений заявил Емельяныч.

Услышав утверждение Емельяныча, Татьяна весело рассмеялась, А Ангелина Ивановна еще больше нахмурилась:

– Неисправимый ты человек, Емельяныч, дури у тебя в голове больше разума.

– Для кого и разум дурен, а для кого и дурь разумна, – парировал Емельяныч, – вот ты, Ивановна, слишком умом своим гордишься, а одного не можешь понять, что молодым без сексы никак не прожить. Правильно я говорю? – обратился он к Татьяне.

– Конечно, правильно, Емельяныч, – согласилась с ним Татьяна, – разве без секса дети бывают.

– Вот-вот, слушай Ивановна разумные речи. Смогла бы ты без сексы своих сынов воспроизвести? – спросил Емельяныч.

– Секс, слово-то какое противное, – скривилась Ангелина Ивановна, – когда я детей своих задумывала, у нас и в мыслях этого секса не было.

– Не было сексы, так траханье было, – хихикнув, сказал Емельяныч.

– Я тебе сейчас такое траханье устрою, что ты у меня своих не узнаешь, – схватив со стола сковородку, замахнулась Ангелина Ивановна.

Емельяныч поспешил в туалет и уже оттуда прокричал:

– Значит, трахалась, раз так взбеленилась.

– А ты, что, в штаны от страху наложил, похабник? – взревела Ангелина Ивановна.

– Не в штаны наложил, а так на тебя возбудился, что просто невтерпех, – ответил Емельяныч.

Не дожидаясь окончания перепалки, Татьяна прошла к себе в комнату и затворила за собой дверь.

С Меченосцем обитатели коммунальной квартиры познакомились по-разному.

С Ангелиной Ивановной он столкнулся в коридоре, когда торопился пройти в туалет.

Увидев соседку, он по-дружески произнес:

– Здравствуйте, Ангелина Ивановна.

На что услышал недовольное:

– Уже знать представила.

Потом, по всей видимости, Ангелина Ивановна одумалась и пробурчала:

– Здравствуй, коли, не шутишь, не знаю, как звать – величать.

– Меня Павлом кличут, – представился Меченосец.

– Ну, Павлом, так Павлом, – пробурчала Ангелина Ивановна и последовала в кухню.

– Вредная старушенция, – подумал Меченосец и забрался в туалет.

Первый раз со Светочкой Меченосец пересекся на кухне, когда вечером ставил на керогаз закопченный чайник.

– Здравствуйте, – поздоровался он и, упреждая вопрос об имени, представился, – родители меня Павлом нарекли.

– Очень приятно, – покраснев, произнесла Светочка, – а меня зовут Светлана.

– А по батюшке как? – спросил Меченосец.

– Можно просто Светлана, – разрешила Светочка.

Пока разогревался чайник, они перекинулись еще несколькими, ничего не значащими фразами и разошлись по своим комнатам.

Встреча с Емельянычем оказалась очень душевной и продолжительной.

Татьяна не пришла еще с дневной смены, а Меченосец валялся на кровати и слушал пластинки.

Клавдия Шульженко напевала с пластинки о синеньком скромном платочке, когда в дверь тихонько постучали, и в комнату просунулось небритое лицо Емельяныча.

– Не помещаю? – спросил он и, получив разрешающий ответ, втиснулся в комнату.

Меченосец встал с постели и, придвинув стул, предложил Емельянычу сесть.

Емельяныч любезно согласился и, сев на стул, представился:

– Кирилл Емельяныч, а попросту Емельяныч.
– Павел, хоть попросту, хоть как, – представился Меченосец.
– Ну, молодец, – с восхищением осмотрел Меченосца Емельяныч, – никак из Сибири? – спросил он.

– Из Сибири, – подтвердил Павел и засуетился возле стола.

На столе появились бутылка столичной, хлеб, соленые огурчики и баночка консервов.

– У нас в Сибири за знакомство принято чебулдыкнуть, – сказал Меченосец, наполняя стопки».

– Как ты сказал? – переспросил Емельяныч.

– Чебулдыкнуть, значит выпить, – повторил Меченосец.

– Чудно, – покачал головой Емельяныч, но стопку со стола прихватил.

Они чокнулись за знакомство и, пропустив содержимое вовнутрь, захрумкали солеными огурчиками.

– А ты, значит, с фронта прибыл? – спросил Емельяныч.

– С Первого Украинского, – подтвердил Меченосец, – до самого Берлина дошел.

– Молодец, – еще раз похвалил Емельяныч, – поди, страшно на передовой-то было.

– По-всякому, бывало сердце в пятки так и шарахалось, – ответил Меченосец, – а глотнешь из фляги глоток или два, и оно обратно возвращается.

– Значит, с ентим делом, – показал Емельяныч на бутылку, – и на фронте половчей.

– А то, как же, – тоном бывшего солдата заявил Меченосец, – без спирта на фронте ни ногой. Как в атаку, так сто грамм, ну, а если, например, в окружении, так все двести.

– Неужь двести? – неподдельно удивился Емельяныч. – Двести, а иногда и поболее, – подтвердил Меченосец. – Ну, что ж, – перехватил инициативу Емельяныч, – тогда за вас, за фронтовиков.

Они выпили по второй, и Емельяныч попросил поставить пластинку с Лидией Руслановой.

Меченосец поставил пластинку, и в комнате раздался звонкий голос певицы:

Живёт моя красотка
В высоком терему,
А в тот высокий терем
Нет входа никому.

И тут Емельяныч расправил плечи и подхватил:

Я знаю, у красотки
Есть сторож у крыльца,
Но он не загородит
Дороги молодца.

И вот неожиданным гостем
Войду я в терем к ней.
Была бы только ночь
Сегодня потемней.

Здорова будь, красотка,
Сбежим, моя краса,
Из терема на волю
В дремучие леса.

Пойдём там пир горою
В большом густом лесу,
И атаман женою
Возьмёт себе красу.

Давно готова тройка
Лихих, серых коней.
Была бы только ночь
Сегодня потемней.

Пока Емельяныч пел, Меченосец налил в стопки по третьей, и по окончании песни предложил выпить за Лидию Русланову, которая своими песнями была с ними на передовой.

Емельяныч с удовольствием выпил за любимую певицу и даже немножко прослезился.

Пришедшая с работы Татьяна застала в комнате умирительную сцену. Маленький, тщедушный Емельяныч смотрел снизу вверх на могучего Меченосца и непрерывно повторял:

– Пашка, как я тебя уважаю. Ты настоящий мужик, Пашка.

Увидев Татьяну, Емельяныч засобирался на выход, но она остановила старика и предложила выпить за его здоровье.

На этом поллитровая бутылка закончилась, а открывать вторую было не с руки.

После обеда Татьяна повела Меченосца в Зимний дворец. От его великолепия челюсть у Меченосца отвисла и он, как контуженый, только частично разбираал Татьянины слова.

До закрытия они смогли посмотреть только одну пятую часть этого уникального музея.

А завтра предполагался выходной, который они хотели полностью посветить Зимнему.

Но завтрашнее посещение Зимнего оказалось под угрозой.

В этот вечер Меченосец сделал большую глупость, пригласив Татьяну в Летний сад.

Там его громко окликнула напوماженная Вика:

– Павлуша, – обратилась она к нему, – значит, ты уже уволился из доблестной армии?

Меченосец сделал вид, что совсем не знает обратившуюся к нему женщину, но Вика подошла к нему вплотную и проворковала:

– Павлуша, не хорошо забывать про свои обещания. Или тебе их напомнить?

Татьяна вырвала свою руку из руки Меченосца и пошла, не оглядываясь, к выходу.

Меченосец собрался последовать за ней, но Вика вцепилась в рукав Меченосца и жалобно пропищала:

– Павлуша, не оставляй меня. Я так ждала этой встречи.

Меченосец попытался вырваться из цепких Викиных рук, но та еще крепче вцепилась в лацкан пиджака.

– Хорошо, – пообещал Меченосец, – послезавтра я жду тебя здесь же в половине восьмого.

– А не обманешь? – с надеждой посмотрела на него Вика.

– Если сказал, значит приду, – еще раз пообещал Меченосец.

– Ну, что ж, тогда до послезавтра, – сказала Вика и выпустила лацкан его пиджака.

Меченосец стрелой бросился из Летнего сада и только на углу Белинского и Литейного догнал Татьяну.

– А ты, парень не промах, – сказала Татьяна, когда Меченосец попытался взять ее под ручку, – не успел, как следует Ленинград посмотреть, а уже нарасхват.

– Таня, это какое-то недоразумение, – стал оправдываться Меченосец.

– Ничего себе недоразумение с полной запаухой титек, – возмутилась Татьяна и, передразнивая Вику, – Павлуша, ты же мне обещал.

– Да ничего я ей не обещал, – взорвался Меченосец, – подседа ко мне как-то раз, выкланчила кружку пива, так теперь уже обещал.

Уж лучше бы он этого не говорил.

– Так ты еще и пиво с ней пил, – по-новой завелась Татьяна.

– Не пил, а только угостил, – уточнил Меченосец.

– Ах, он только угостил, – опять возмутилась Татьяна, – он любезно угостил шлюху, которую знает пол Ленинграда.

– Откуда я знал, что она шлюха, – продолжал оправдываться Меченосец.

– Верю, что ты не знал, что она шлюха, – уже мягче произнесла Татьяна, – но обещать даже не шлюхе негоже, если встречаешься с другой женщиной.

– Танюша, да я ей, честное слово, ничего не обещал, – заглянув Татьяне в глаза, проникновенно заявил Меченосец.

Узкие щелки Татьянинных глаз превратились в голубые овалы, и она облегченно вздохнула:

– Хочу верить, что так оно и было.

В подъезд они входили молча, но их молчание говорило о многом. В их недолгой совместной жизни произошел первый надлом, который только по Татьяниной бабской отходчивости не завершился разрывом.

Этой ночью они легли, подвернув друг другу мягкие места, но через полчаса Меченосец не выдержал и, повернувшись к Татьяне, положил свою горячую руку на ее округлое бедро. Несколько минут они лежали без движения, потом Татьяна повернулась на спину и рука Меченосца, будто бы невзначай, соскользнула на ее мягкий лобок.

– Глупенький ты, мой, – прошептала Татьяна и впилась в его губы своими горячими губами.

Ангелине Ивановне сегодня снова было не до сна.

Живя с Татьяной, Меченосец совсем не задумывался над вопросом трудоустройства.

Ему иногда приходила в голову мысль о том, что негоже находиться на иждивении молодой женщины, но всякий раз он отгонял эту мысль, оправдываясь тем, что Татьяна сама этого хочет. А Татьяна не то, чтобы этого хотела, но все же побаивалась отпускать его от себя, даже на время работы. Только поэтому она не затевала с ним разговора о трудоустройстве, оттягивая его на лучшие дни. А дни эти все не приходили и не приходили.

Весна сменилась летом, а лето осенью. От ничего не деланья Меченосец как-то заскучал, пластинки ему уже изрядно поднадоели. В обществе Емельяныча он стал чувствовать себя некомфортно, поэтому, как только тот заходил к нему в комнату, старался найти причину, чтобы отвязаться от старика.

В кухне он стал все чаще встречаться со Светочкой и однажды, когда Татьяна была на работе, напросился к ней в гости. И причину же нашел подходящую – хочу, мол, попробовать поступить в техникум, а знаний не хватает.

Светочка, без задней мысли, обещала ему помочь, и Меченосец стал ее навещать.

За учебником математики они чуть лбами не сталкивались, и, в конце концов, он погладил ее по волосам.

Светочка от неожиданности отскочила от Меченосца и, посмотрев осуждающе в его глаза, произнесла:

– Не надо, Павел, это совсем нехорошо.

В этот вечер Меченосец вернулся в свою комнату раньше обычного, но еще долго на своей ладони ощущал тепло прикосновения к Светочкиным волосам.

Светочка у себя в комнате тоже не могла выйти из оцепенения. Ее еще ни разу так нежно не гладили по волосам.

В эту ночь она долго не могла уснуть, а когда все же уснула, то приснился ей сон, будто стоит она под струей теплой воды, а чьи-то нежные руки гладят ее по волосам, опускаясь все ниже и ниже. И когда эти нежные руки опустились на ее живот, она резко вскочила и больше уже не смогла уснуть.

На следующий вечер Меченосец не постучался в Светочкину дверь, не постучался он и потом. Зато потом в его дверь постучалась сама Светочка.

«Что же Вы не заходите, Павел, – проворковала она, – так Вы никогда не поступите в техникум».

Меченосец очень обрадовался, увидев Светочку, но внешне своей радости не показал. Они прошли в Светочкину комнату и уже через час отвлечлись от предмета под названием «Математика».

Их приятная близость была продолжительной и сверхтемпераментной. Кто бы мог подумать, что в тихой Светочке таится такой запас неистраченной энергии. Во время оргазма ее хрупкое тело так подбрасывало могучие тела Меченосца, что тот хватался за спинку кровати и всем своим передом старался припечатать Светочку к матрасу. И от этих движений Светочка вновь и вновь улетала в блаженство, стараясь удержать на себе Меченосца как можно дольше.

Если бы не обстоятельства, она не дала бы покоя Меченосцу всю ночь и даже весь следующий день. Она и представить себе не могла, как прекрасны мгновения близости с мужчиной, который умеет удовлетворять женщину. Удовлетворять ее так, что она открывает в себе постоянное желание его ощущать.

Татьяна не сразу заметила изменения, которые произошли с ее молодой соседкой. Но через неделю она обратила внимание на то, что Светочка, как-то уж больно неуклюже, ее сторонится. Стоит Татьяне прийти на кухню, как Светочка стремится тут же из нее уйти.

Да и Ангелина Ивановна подлила в огонь подозрений ехидного маслица.

– Ну, что, милочка, – начала она, выйдя на кухню вслед за Татьяной, – все работаешь?

– Работаю, Ангелина Ивановна, а куда ж денешься, – вздохнула Татьяна.

– Как это куда денешься, – продолжила Ангелина Ивановна, – пора бы уж и кобелине твоему поработать, а то измаялся без дела-то.

– Да он вроде бы учиться собирается, – сообщила Татьяна.

– Собирается, – подтвердила Ангелина Ивановна, – только уж больно хорошо его консультируют.

Сказав это, Ангелина Ивановна взяла со стола чайник и ушла к себе в комнату.

– Так вот почему от меня Светочка шарахается, – подумала Татьяна.

Отпросившись с работы, она пораньше вернулась домой и, не найдя в своей комнате Меченосца, постучалась в Светочкину дверь. Дверь долго не открывали, надеясь на то, что постучат и отстанут, но Татьяна настойчиво продолжала колотить в дверь. Услышав шум, из своей комнаты высунулась Ангелина Ивановна.

– Стучишь, милочка, – спросила она, – стучи, стучи, они уже давно там.

Наконец, дверь отворилась, и смущенная Светочка появилась на пороге. Отодвинув ее, Татьяна вошла в комнату и, увидев склонившегося над учебником Меченосца, гневно спросила:

– Ну, что, занимаетесь, – и, не дожидаясь ответа, продолжила, – хорошо устроились. Кошка в двери, мышки в пляс.

Поняв, что его застукали и оправдываться бессмысленно, Меченосец решил пойти в нападение:

– Ты меня, что ли, мышкой считаешь?

– Да уж, какая из тебя мышка. Ты кот, точнее, бессовестный котяра, – не сдерживая себя, заголосила Татьяна, – присосался, как пиявка, да еще и гадишь.

– Ты, Татьяна, не кричи, – попытался урезонить ее Меченосец.

И тут за спиной у Татьяны заговорила Ангелина Ивановна:

– Ишь, какой проходимец. Можно сказать, застукали на месте преступления, а он еще и харахорится.

Меченосец понял, что оправдываться бесполезно, поэтому закрыл учебник математики и встал из-за стола.

Светочка, заткнув уши, удалилась на кухню. И правильно сделала, потому что Ангелина Ивановна и Татьяна в два крикливых голоса продолжили накачку провинившегося Меченосца.

В общем, накачка закончилась тем, что выставила Татьяна за порог вещмешок Меченосца, и пошел он на все четыре стороны.

С Викой не соскучишься

Точнее, пошел наш оскорбленный Меченосец целенаправленно в Летний сад, где намеревался встретиться с Викторией и, хотя бы на время, приютиться у нее.

И, действительно, пьяненькая Вика прогуливалась по аллеям Летнего сада, в поисках нового хахаля, как говорили местные старушки. Увидев Меченосца, она раскрыла свои объятия, еще четче обозначив округлость груди, и пошла ему навстречу.

– Павлуша, я так рада тебя видеть, – обнимая Меченосца, заворковала Вика, – обманщик, ты все же пришел ко мне.

Говоря это, она дыхла на Меченосца дешевеньким перегаром и обдала таким же дешевеньким ароматом духов. В ту пору гуляющие женщины в нашей победившей фашистов стране не ценились так дорого, как сейчас, может быть потому, что не назывались тогда проститутками.

Да, если бы Вика назвалась проституткой, она бы очень обиделась. Свое ненасытное влечение мужчинами она объясняла особенностями характера и чуткой душой.

Что касается особенностей характера, то их у Вики было предостаточно, и количество этих самых особенностей объективно зависело от полноты налитого стакана. От малой дозы она румянилась и становилась беззаботно веселой. По мере наполнения спиртным, ее веселость переходила в малую, а потом и в большую агрессивность. А от большой агрессивности ее чуткая душа моментально захлопывалась, и открывались шлюзы эротического беспредела. В таком состоянии Вика могла удовлетворить мужчину любыми способами и в любом месте. На публике сексуальные игры ей даже больше нравились. Каждая пара любопытных глаз вносила в ее жаждущее тело дополнительную волну возбуждения.

В тот момент, когда Меченосец встретил Вика, она была в состоянии легкого подпития, и до большой агрессивности было еще далеко.

Зайдя в кафе, они заказали бутылочку вина и нехитрую закуску.

За бутылочкой портвейна Меченосец напел Вике красивую историю о том, что его, как опытного специалиста, не хотели увольнять из войск. Чтобы уволиться, ему пришлось переспать с женой военкома, и та устроила все в лучшем виде.

Услышав о женщине, Вика нахмурилась, но потом, что-то вспомнив, спросила:

– Это не та ли коза, с которой я тебя в прошлый раз застучала.

– Она, – соврал Меченосец, – ты в тот раз чуть не сорвала мой план увольнения.

– Ну, прости меня, Павлуша, я же не знала о твоих планах, – пьяненько извинилась Вика.

– Тогда выпьем за мое удачное увольнение, – предложил Меченосец.

– Давай, – с удовольствием согласилась Вика и, чокнувшись с Меченосцем, отпила из стакана большой глоток портвейна.

Закусив конфеткой, она спросила:

– А где же ты теперь остановился?

– Пока нигде, – ответил Меченосец, – сегодня пересплю на вокзале, а завтра пойду искать общежитие.

– Зачем на вокзале, – возмутилась Вика, – пойдем ко мне, у нас с матушкой трехкомнатная квартира на Гороховой.

Глотнув портвейна, Вика разоткровенничалась и рассказала о том, что ее матушка работает в домоуправлении, и когда во время блокады их соседка, имевшая две комнаты из трех, умерла, она сумела оформить на себя освободившиеся комнаты.

Еще Вика сообщила Меченосцу о том, что работает в парикмахерской и «Павлушину небритость и косматость» берет на себя.

Допив бутылку, они покинули Летний сад и направились в сторону Гороховой.

Ухватившись за локоть Меченосца, Вика шла с высоко поднятым подбородком, озорно поглядывая на прохожих. Ей было кайфово не только от выпитого спиртного, но и оттого, что рядом с ней шел красивый и здоровый мужчина.

На углу Загородного и Гороховой они не прошли мимо продовольственного магазинчика, где затарились спиртным и кой-ка кой закуской.

Викина матушка уже готовилась ко сну, когда Вика с гостем завалилась в квартиру.

Почуяв запах застолья, Антонина Федоровна, а именно так звали Викину матушку, приделалась и помогла дочери накрыть на стол.

А за столом завязалась оживленная беседа, во время которой Меченосец поближе познакомился с Антониной Федоровной и несколько раз ловил на себе ее лукавый взгляд.

Только в два часа ночи женщины уgomонились и, убрав со стола, разошлись по комнатам. В спальне на своей дореволюционной кровати утихомирилась Антонина Федоровна, а на кровати другой комнаты возбужденная Вика скрупулезно исследовала голое тело расслабившегося Меченосца. От Викиного исследования тело Меченосца начало напрягаться и медленно поворачиваться в сторону Вики. Одно из напряжений уперлось в Викино бедро, потом стало медленно перемещаться в сторону живота. Одновременно губы Меченосца нащупали Викины соски, и она, застонала, не сдерживая чувств. А когда напряжение Меченосца вошло в лоно напряженности Вики, ее стоны стали усиливаться, а кровать начала интенсивно прогибаться.

Бедная Антонина Федоровна, Викины стоны рисовали в ее воображении мельчайшие детали половой игры, и она испытывала от этого неопишное возбуждение. Как тут не испытываешь, если, закрыв глаза, она ощущала чье-то горячее прикосновение ниже пупка, а ее соски пытались выпрыгнуть из-под простыни. А впрочем, зачем простынь, ну ее ко всем чертям, Антонине Федоровне и без простыни жарко. Она сбросила простыню на пол и, в охватившем ее экстазе, стала метаться по широкой кровати. И это не мудрено, ей шел только сорок шестой год, а, устами народа говорит истина: «Если бабе сорок пять, баба ягодка опять».

А поутру они проснулись. Точнее, первой встала Антонина Федоровна. Она вышла в гостиную и, увидев приоткрытую дверь в комнату дочери, невольно заглянула туда.

На широкой кровати, разметав руки в стороны, лежал на спине голенький Меченосец, а у него под мышкой, свернувшись клубочком, сопела Вика.

На Вику Антонина Федоровна внимания не обратила, так как ее прищуренные глазенки впились во внушительное хозяйство Меченосца и ничего другого замечать не хотели.

Так она простояла минуты три, потом, вспомнив о своих домашних обязанностях, заторопилась на кухню и, попив чайку, тихо вышла из квартиры.

– Да, – размышляла про себя Антонина Федоровна, следуя на работу, – не обидел Павлушу бог ни силой, ни подживоточным хозяйством. Не по годам крепок мужичок.

Она еще долго бы размышляла о достоинствах Меченосца, но повстречавшаяся ей товарка отвлекла Антонину Федоровну от этих размышлений.

– Привет подружка, – поздоровалась товарка, – что это ты так задумалась?

– Ничего, – смутившись, ответила Антонина Федоровна, – думаю про сегодняшний распорядок, с чего начать, чем продолжить.

– Да уж, полно тебе, – поддержала разговор товарка, – о себе бы подумала, а то все работа, да работа.

– А чего о себе думать, за меня теперь Вика думает, – произнесла Антонина Федоровна.

– А ты, что ж, совсем про любовь забыла? – спросила товарка.

– Да полно тебе, какая уж в моем возрасте любовь, – ответила Антонина Федоровна.

– Как это какая любовь, – возмутилась товарка, – да в твои-то годы от мужиков только перья должны лететь.

– А где теперь мужиков-то возьмешь, – с грустью произнесла Антонина Федоровна, – не все мужики с фронта-то вернулись, да и те калека на калеке.

– Что это тебе все калеки попадают? Я куда ни посмотрю, одних богатырей вижу, – весело заявила товарка.

– Богатырей видишь, а сама все одна столуешься, – сказала Антонина Федоровна.

– А я, может быть, разборчивая очень, – стрельнув глазками, воскликнула товарка.

– Вот и я, видать, разборчивая, – произнесла Антонина Федоровна.

– Из-за своей разборчивости так и останемся в старых девах, – подытожила товарка.

На том они и расстались.

А Вика, пригретая Меченосцем, проспала все на свете. Если бы не утренний массаж, который сделал ей Меченосец, она, вообще, ни за что-бы не проснулась.

А Меченосец, с трудом открыв заспанные глаза, провел ими по интерьеру комнаты, перевел их под свою подмышку и, обнаружив там Вика, запустил в ее кудрявые волосы свою широкую ладонь.

Вика неохотно зашевелилась, что-то промямила и подвернула Меченосцу свой соблазнительный зад.

Фантазии у Меченосца тут же разыгрались, а вслед за фантазиями по его телу пробежала возбудительная волна столбняка.

– Ну, что с ним поделаешь, – подумал Меченосец и, пристроившись к Викиному задку, попытался ее растормошить.

Не одну минуту пришлось тормозить ему Вика, наконец, она выгнулась и руками помогла ему в нее войти.

А потом были подъем переворотом, кульбит с завыванием, мах ягодицами и глубокое погружение. И завершился этот спортивный набор победным воплем двух удовлетворенных людей.

Как хорошо, что Антонина Федоровна не слышала этого вопля.

Этого-то она не слышала, а вот другие придыхания ей снова пришлось выслушивать, так как вечером, повторив застольные процедуры, они вновь разошлись по комнатам.

И снова Антонина Федоровна металась по своей кровати в поисках мужской руки, которая в мыслях доводила ее до безумия. До безумия ее доводила не только вся рука, но и отдельные ее пальчики. Они аккуратно массировали ее соски, заставляя их набухнуть, нахально лезли то в рот, то под живот и нежно дотрагивались до вихляющих бедер.

Но это блаженство было отчасти виртуальным, а Антонине Федоровне хотелось реального блаженства с участием конкретного мужчины. А так как в ближайшем ее окружении из мужчин убедительно маячил только Меченосец, то все ее женское обаяние переключилось на него. Она и до этого посматривала на Меченосца зовущими глазами, но после нескольких бессонных ночей ее глаза стали излучать трепетно-умоляющие импульсы.

Около месяца Меченосец никак не реагировал на эти импульсы, и тогда Антонина Федоровна решила перейти к решительным действиям.

В один из дней, когда Вика была на работе, она вернулась из домоуправления значительно раньше. Сняв в прихожей пальто, Антонина Федоровна вошла в гостиную.

Меченосец, как всегда, валялся на диване с книжкой в руках и нехотя перелистывал ее страницы.

Увидев Антонину Федоровну, он попытался встать, но Антонина Федоровна остановила его, сказав:

– Лежи, лежи, я сегодня немного пораньше.

Пройдя в свою комнату, она разделась и, громко охая, легла на кровать.

Меченосец то ли не услышал ее оханий, то ли, просто, не отреагировал на них, и тогда Антонина Федоровна с придыханием воскликнула:

– Павлуша, принеси мне водички.

Услышав просьбу, Меченосец сходил на кухню, наполнил в кружку кипяченой водой и прошел в комнату Антонины Федоровны.

Протянув кружку, Меченосец поинтересовался:

– Антонина Федоровна, вам плохо?

– Да, Павлуша, знобит меня что-то, потрогай мою голову, у меня, кажется температура – тихо поведала Антонина Федоровна.

Меченосец постоял в нерешительности несколько мгновений, потом осторожно опустил свою широкую ладонь на лоб Антонины Федоровны.

Ему показалось, что никакого жара у Антонины Федоровны не наблюдается:

– Да, вроде, нет у Вас никакого жара.

Сказав это, он стал убирать свою ладонь с ее лба, но Антонина Федоровна схватила его руку и приложила его ладонь к своей левой груди:

– Павлуша, разве ты не чувствуешь, что я вся горю?

Вот теперь Меченосец, действительно, почувствовал, что Антонина Федоровна вся дрожит. Его рука уже не стремилась убраться с дрожащего женского тела, наоборот, она даже как-то напряглась.

Антонина Федоровна, почувствовав напряжение Меченосца, стала перемещать его руку в низ живота, а когда он к ней наклонился, обхватила его за шею и притянула к себе.

Срывая в беспамятстве его одежды, она все сильнее ощущала мужской аромат молодого тела, и этот аромат, пробудив в ней состояние половой неудовлетворенности, окончательно завладел ее рассудком.

Срывая одежды, она покрывала оголившееся тело Меченосца жаркими поцелуями, вынуждая его к ответным действиям. Его ответные действия были не менее жаркими и эмоциональными.

Обоюдное перевозбуждение привело к тому, что их любовная игра была искрометной, а оргазм сногшибательным.

В эту ночь Антонина Федоровна спала, как убитая, но под утро ей приснился прекрасный сон, будто идет она с Меченосцем по розовой аллее, на ней белоснежное платье и развивающаяся на ветру изумрудная вуаль. Вдоль аллеи стоят ее знакомые, они приветливо машут букетиками цветов и искренне радуются. А больше всех радуется ее товарка.

Но в жизни все получилось значительно прозаичней.

Не так часто Антонина Федоровна могла уходить с работы пораньше, да и Вике надоело кормить Меченосца только за то, что он удовлетворял ее похотные желания. За неимением денег он куда-то ее не приглашал, а сидеть постоянно дома Вике не очень-то и хотелось. Намеками Вика пыталась пробудить в Меченосце чувство мужчины, который должен быть не только меринком, но и добытчиком, но эти намеки Меченосец не понимал, а, может быть, понимать не хотел.

Перед Новым годом у них состоялся неллицеприятный разговор, свидетельницей которого была и Антонина Федоровна.

Вика в открытую заявила о том, что Меченосцу уже давно пора подумать об устройстве на работу.

– Сколько можно бить баклуши, – спросила она, – все мужики, как мужики, а ты только и знаешь, что валяешься на диване, да забиваешь козла во дворе.

Меченосец попытался ей что-то возразить, но Вика еще больше распалилась и в эту ночь прогнала его на диван.

Предчувствуя беду, Антонина Федоровна уговорила Меченосца пойти на работу и даже предложила ему должность слесаря в домоуправлении.

Лучше бы она этого не предлагала.

После Нового года Меченосец вышел на работу и, попрактиковавшись у опытных слесарей пару недель, стал самостоятельно выходить на запросы рассерженных жителей.

Вика, вернув Меченосца на кровать, удовлетворенно вздохнула, а Антонина Федоровна была рада тому, что с Меченосцем теперь могла видаться чаще. Кабинет у Антонины Федоровны был оборудован не только столом и стульями, но и диваном.

Слесарные будни с налетом эротики

Первое время ничем особенным слесарные будни не отличались. Отработав положенные часы, трезвый Меченосец возвращался домой и, отужинав с Викой и Антониной Федоровной, укладывался спать.

Правда, с первой полочки он сводил Вику в ресторан, и она отблагодарила его ночью продолжительными ласками.

Но, влившись в дружный коллектив слесарей и электриков, Меченосец все чаще стал приходить домой под градусом.

Антонина Федоровна с трудом, но все же сдерживала Викино недовольство, и до серьезных разборок дело не доходило.

А Меченосец выпивал не только в компании работяг, деля с ними заработанное спиртное. Нередко ему приходилось выпивать в домашнем кругу хорошеньких жиличек, к которым он приходил не только с разводным ключом.

Особенно ему запомнилась женщина, с которой он, в должности слесаря, совершил свой первый половой подвиг. Чинил он тогда водопроводный кран, заменяя прокладку, одной

пышнотелой женщине. Заменяв прокладку, он хотел уходить, но женщина остановила его, предложив попробовать отличного армянского коньячку. А кто же откажется от настоящих пяти звезд.

На столе появились бутылка коньячку, коробка конфет и блюдо с нарезанным лимоном, но хозяйка не дала Меченосцу сесть за стол. Налив в бокалы коньяку, она пригласила его на диван и предложила тост за приятных мужчин в рабочей спецовке.

Тост Меченосцу не понравился, как не нравилась и сама рабочая одежда, но коньяк приятно щекотал ноздри, и он залпом махнул содержимое бокала.

Хозяйка недовольно посмотрела на Меченосца, но потом мило улыбнулась и произнесла:

– Коньяк так не пьют, молодой человек. А кстати, как Вас зовут?

– Меня, – переспросил Меченосец, – меня Павлом кличут.

– Ну, что ж, Павел, тогда давай выпьем за наше знакомство, – предложила хозяйка, переходя на ты.

Сказав это, она наполнила бокал Меченосца, но теперь он отпил из бокала только самую малость.

Закинув ногу на ногу так, что перед Меченосцем оголились ее толстые ляжки и кружева короткой комбинации, хозяйка с придыханием произнесла:

– Не надо стесняться меня, Павел. Я женщина слабая и ранимая.

– Да я Вас и не стесняюсь, – бодро сказал Меченосец, – меня, просто, в других квартирах ждут.

«Ничего, раз ждут, значит, дождутся», – сказала она и, подвинувшись к Меченосцу, провела рукой по его щеке.

Почуввав запах дорогих духов, Меченосец перестал сопротивляться и, скинув робу, основательно взялся за хозяйкины прелести, но под халатом и комбинацией скрывалось рыхловатое, не тронутое загаром тело с жировыми складками над рыжеватым треугольником волос.

– Не конфетка, но и не сахарин, – подумал Меченосец и запустил свою лапу между ног разомлевшей хозяйки.

Промучился он на ней около получаса, наконец, она ойкнула и забилась в слабых конвульсиях.

После любовной утехы Меченосец сделал вывод о том, что желание, вызванное бездельем, перло у хозяйки через край, но темпераменту ей явно не доставало.

С этого момента на свою слесарную работу Меченосец стал смотреть совершенно по-другому. Он теперь торопился на каждый вызов и искренне огорчался, когда дверь ему открывала не женщина, а какой-нибудь старик или школьник. Особенно это касалось коммунальных квартир.

Но в одной коммунальной квартире дверь хоть и открыл тщедушный старичок, дальнейшие события развивались по приятному для Меченосца сценарию.

Открыв дверь, старичок показал на ванную комнату и, сообщив о том, что там засорился слив, скрылся в своей комнате.

Каково же было удивление Меченосца, когда, открыв дверь в ванную, он обнаружил там симпатичную блондинку, которая, мурлыкая что-то веселенькое, стояла под тугой струей душа. Он хотел было повернуть назад, но профессиональное любопытство заставило его войти в ванную и закрыть за собой дверь.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, блондинка выглянула из-за шторы и, немного смутившись, произнесла:

– А вы что здесь делаете?

– Как что, меня вызвали, потому что у вас что-то засорилось, – доложил Меченосец.

– У меня, парниша, ничего еще не засорилось, – заявила блондинка и исчезла за шторой.

Потом она о чем-то подумала и, отодвинув штору, решила:

– Ну, уж раз пришли, делайте свою работу.

– Ничего, я подожду, пока Вы помоемся, – сказал Меченосец.

– Долго ждать будете, – сказала блондинка, а потом вдруг предложила, – а не сполоснуться ли Вам под душем?

Второй раз Меченосца просить было не надо. Быстро скинув одежду, он забрался под душ, и первый раз в жизни тугая теплая струя воды участвовала вместе с ним в любовном общении с женщиной, да еще какой женщиной. Ее упругие груди массировали тело Меченосца на уровне пупка, а в пупок блондинки упиралось его взбудораженное хозяйство. Теплая вода еще больше возбуждала молодых, и от этого их ласки становились еще более желанными.

Вдоволь наигравшись под теплой водой, они смыли излишнее возбуждение водой холодной, и блондинка пригласила Меченосца на чай.

За чаем они разговорились, и блондинка рассказала ему о том, что очень часто сама справляется с засорами, а дед, обнаружив засор, постоянно вызывает работников домоуправления.

На вопрос: «Почему Вы в ванной не закрываетесь», блондинка ответила, что закрываться здесь не от кого, а иногда она специально оставляет дверь в ванную полуоткрытой, потому, что дедовские подсматривания возбуждают ее, и под теплой струей она доводит себя до оргазма.

Такого женского откровения Меченосец еще никогда не встречал, но это откровение ему очень понравилось.

А на прощание блондинка чмокнула его в щечку и просила хоть изредка ее навещать.

Меченосец внял ее просьбе и два–три раза в месяц приходил в эту квартиру прочищать то ли засор, то ли еще чего–либо.

Прочищать чего–либо ему приходилось и в других квартирах.

Например, в одной из квартир он попал в руки темпераментной женщины лет пятидесяти, которая, вывернув его наизнанку, не отпускала из объятий целых три часа. Чем-то она напомнила Меченосцу Анастасию Гавриловну, может быть, эротическим бельем, а, может быть, разнообразием вариантов, но вариантов у женщины оказалось значительно больше. Разве могла провинциальная Анастасия Гавриловна переплюнуть в любовных утехх многоопытную соблазнительницу из такого большого города, как Ленинград.

За эти три часа Меченосец впервые попробовал позу валета и боковое нашествие сзади.

В общем, отдавалась Меченосцу женщина, словно в последний раз, хотя таких последних разов было в дальнейшем очень и очень много.

Выполняя запросы жильцов, Меченосец не забывал ублажать Антонину Федоровну и ее темпераментную дочь. Только вот Вика стала по вечерам все чаще задерживаться на работе, на что Меченосец никак не реагировал.

Антонине Федоровне это было на руку, так как Меченосец стал больше внимания уделять ей.

Первое время Вику раздражало равнодушие Меченосца, но, наевшись за пределами дома, она уже не спешила закусывать им.

К слову сказать, не всегда любовные утехы Меченосца заканчивались только удовлетворением.

В одной из квартир женщина так увлеклась Меченосцем, что совсем забыла про время, и тому пришлось спускаться с третьего этажа по водосточной трубе, дабы избежать встречи с вернувшимся после работы мужем. Почуввав недоброе, муж все равно проучил кулаками женщину, но этот случай не получил дальнейшего продолжения.

А вот в другой квартире муж застукал Меченосца прямо на женщине. Обнаружив такое бестыдство, муж набросился с кулаками на Меченосца, но от удара в челюсть, немного поостыл и ограничился только жалобой в домоуправление.

В домоуправлении эту жалобу разобрали и объявили Меченосцу строгий выговор без предупреждения. Предупреждение последовало позже от Антонины Федоровны. Очередной сеанс их любовной игры закончился вопросом:

– Как же ты мог, Павлуша, неужели тебе не хватает меня и Вики?

На этот вопрос Антонина Федоровна так и не получила однозначного ответа. Меченосец промямлил что-то про трудную работу, про свой податливый характер, которым воспользовалась развратная женщина. Он, конечно, не упомянул ей о том, что этих женщин через него прошел не один десяток, но Антонине Федоровне и одной женщины было достаточно, чтобы затаить в своей груди пока еще небольшую обиду.

После этого у Меченосца было еще много приятных вызовов на устранение коммунальных неполадок, а одна из них отличалась своей не традиционностью.

В конце рабочего дня, придя в одну из квартир, он обнаружил двух молодых девиц, которые сидели за накрытым по-праздничному столом. Оказалось, что они, таким образом, отмечают двадцать..... летие одной из них.

Быстро починив сливной бачок, Меченосец заторопился к выходу, но хозяйка квартиры остановила его, пригласив за стол.

Мы уже знаем, что скромностью наш Меченосец не отличался, поэтому без промедления согласился и тут же занял почетное место рядом с двумя миленькими девушками.

Хозяйка, которую звали Наташа, налила Меченосцу штрафную, а после этого сразу же вторую, предложив сказать какой-нибудь тост. И Меченосец не на шутку разошелся:

– Дорогая Наташа, – начал он, заговорив нерифмованными стихами, – я хочу выпить за твои голубые, как лесное озеро, глаза. Глядя в эту голубизну, я завидую тому мужчине, который будет чаще других отражаться в ней.

Наташа, как и ее подруга Лена, застыли в оцепенении, потом переглянулись, и Лена произнесла:

– Ну, ты выдал, слесарь. Я первый раз услышала такой красивый тост.

А Наташа наклонилась к Меченосцу и, поцеловав, спросила:

– А как зовут-то тебя, слесарь?

– Меня, Павлом, – ответил Меченосец.

– Ну, что ж, Павел, тогда за знакомство, – предложила Наташа.

Они выпили за знакомство, а потом Меченосец рассказал девушкам несколько фронтовых историй, которые произошли, якобы, с ним.

В этих историях Меченосец предстал перед девушками в образе смелого бойца, который уложил на полях сражений не один десяток фашистов, а еще он поведал о передрыгах, в которые ему пришлось попадать, выполняя в тылу врага ответственные задания.

Слушая Меченосца, девушки незаметно гипнотизировались его речами и жестами, а выпитое спиртное дополняло гипнотического эффекта в их захмелевшее сознание.

Может быть, этот гипноз, а, может быть, вспыхнувшее желание хозяйки послужили той причиной, по которой Меченосец остался у них ночевать. Далеко за полночь хозяйка приостановила приятное застолье, и, постелив Меченосцу на полу, сама с подружкой ушла в спальню.

Лежа на полу, Меченосец долго не мог уснуть, прислушиваясь к каждому шороху, который исходил из соседней комнаты, а когда его тяжелые веки стали смыкаться, кто-то прилег к нему под бочек. Руки этого кого-то обвили его за шею, и всем своим молодым телом этот кто-то прижался к разомлевшему Меченосцу.

– Павлик, дорогой, я очень тебя хочу, – зашептало это кто-то голосом Наташи, – обними меня, пожалуйста.

Меченосец тут же пробудился и, притянув к себе Наташу, стал жадно целовать ее лицо, груди и живот. От этих поцелуев Наташа, как от озноба, затряслась, и тихо застонала.

Ее возбуждающие стоны вывели из сонного состояния Лену и та, полежав немного на спине, встала и с закрытыми глазами пошла на эти стоны, ведомая желанием включиться в их любовную игру.

За любовными ласками Меченосец сначала и не заметил, как чья-то рука тронула его за пятку, потом за голень, потом за бедро. Но когда рука коснулась его бубенчиков, он с новой силой застонал и впился губами в раскрытые Наташины губы.

Теперь они в темноте ласкали друг друга, совсем не задумываясь над тем, чья рука в данный момент ласкает ту или иную часть его тела. Они без раздумий упивались этими ласками, доводя себя тем самым до вершины блаженства. Слизывая свой пот с нежных девчоночьих губ, Меченосец еще больше заводился, и его энергия с бешеной скоростью распределялась между двух трепещущих женских тел. В то время как одну из них он удовлетворял губами и руками, другая удовлетворялась его биением между ног. Если одна оказывалась на нем, то другую он обязательно заводил язычком. И так Меченосец работал всю оставшуюся ночь.

Правда, это была не совсем та работа, от которой он быстро уставал. Это была работа, от которой он получал истинное удовольствие и которой хотел постоянно отдаваться.

Утром осунувшийся Меченосец предстал перед очами Антонины Федоровны. Как не сдерживала себя Антонина Федоровна, она все же высказала Меченосцу пару ласковых, от которых у него заныло под ребром.

Отработав смену, он пришел домой и там получил разгон еще и от Вики.

В этот раз Вика сказала о том, что больше не будет терпеть его выходы и, если еще раз повторится что-нибудь подобное, она выставит его чемодан за дверь.

Только выставить чемодан за дверь Вике так и не удалось. Испугавшись мужниной мести, одна из удовлетворенных Меченосцем женщин, написала на него донос, и любвеобильный Меченосец угодил в тюрьму за изнасилование, которого он и не совершал.

В тот раз все было, как обычно. Придя чинить кран, Меченосец повелся на соблазнительные подмигивания женщины и утешил ее по полной программе, не забыв поставить в позу Георгина. Так красиво он называл положение, в котором многие животные удовлетворяют друг друга. В позе Георгина, если нужно было взять чуть выше, Меченосец активно использовал вазелин или обильную женскую слюну. За эту позу женщина так благодарила Меченосца, что подарила ему перстень мужниной бабушки. Кстати, этот перстень потом пришили к делу в качестве вещественного доказательства того, что Меченосец не только изнасиловал женщину, но и спер у нее перстенок. В общем, Меченосец оказался не только насильником, но еще и вором.

На нарах жестко и тревожно

Не буду вдаваться в подробности скорого суда, но загремел наш Меченосец в свои родные сибирские края не по собственной воле, а по жесткому решению того самого суда.

И тут, заняв место на нарах, он вспомнил о своей матушке и родных сестрах. Из-за колючей проволоки полетели на малую родину его письма, в которых сожалел наш Меченосец о том, что долго не давал о себе знать, ссылаясь на свою большую занятость.

Получив письмо, сердобольная Авдотья собрала Меченосцу нехитрую посылку и с помощью Ольги переправила ее на почту.

С этого дня посылки Меченосцу стали приходиться с завидным постоянством, что не могло не радовать соседей по бараку. Но даже за этой радостью ощущалась нескрываемая агрессивность, с которой относились к насильникам заключенные. Эта агрессивность переходила порой в открытые угрозы, а то и в рукоприкладство, и если бы не дюжинная сила, быть бы Меченосцу опущенным и забитым.

Кроме того, лесоповал для Меченосца был делом знакомым, так как практика валки деревьев, которую он получил в юности, помогла ему быстро войти в результативную колею. Причем нередко он помогал своим соседям по барaku с выполнением плана, что также шло в его актив. Уже через месяц Меченосец был представлен одному из криминальных авторитетов по прозвищу Кудлатый, и тот взял его под свое покровительство.

С этого дня ни одна из шавок не могла высказывать в адрес Меченосца каких-либо угроз.

И все бы было нормально, если бы не отсутствие женщин. Ни один из заключенных не переносил это так болезненно, как Меченосец. Каждую ночь деревянные нары нутужно поскрипывали под ним, так как снились ему женщины, которых он еще совсем недавно ублажал на свободе. И будили эти воспоминания такие страстные переживания, что просыпался Меченосец не только в холодном поту, но и в сперме.

Поневоле он стал заглядываться на молоденьких преступников, и одного из них, недели через две, сумел соблазнить. Соблазнить не чем-нибудь, а порцайкой заварки, заныканной из посылки.

Это соблазнение было не только приятным, но и полезным. Оказалось, что Валера, которого Меченосец соблазнил, был заядлым картежником, а точнее картежным шулером, за что и получил свой немалый срок. Срок был бы значительно меньшим, а место заключения находилось бы намного ближе к цивилизации, если бы обыграл Валера какого-нибудь смерда, а то угораздило ему выиграть на югах у партийного начальника, который и упек его за решетку на длительный период.

Так Валера оказался в сибирском лагере с лесоповальной спецификой. И если Меченосцу валить деревья было как два пальца об асфальт, то Валере каждое заваленное дерево давалось с большим трудом.

На этой почве во многом и произошло их взаимовыгодное сотрудничество. Меченосец помогал Валере деревья валить, а Валера подставлял Меченосцу свой зад, да учил в свободное время картежным премудростям.

А когда на Валеру нацелился еще один заключенный, Меченосец угостил его своим увесистым кулаком, отбив у него всякое желание заниматься сексом.

Много писать о лагерной жизни мне не хочется потому, что жизнь эта не отличалась каким-нибудь разнообразием. Разве что кто-то кого-то посадит на шило, или измудохают нерадивого заключенного свирепые охранники, или придавит какого-нибудь раззяву завалившееся дерево.

В общем, не жизнь, а сплошное наказание.

Отбыв свой срок, первым на свободу вышел Валера, а за ним за калитку лагеря поспешил и Кудлатый.

Прощание с Валерой было по-мужски сдержанным и коротким. Обнялись, перекинулись несколькими фразами и разошлись, договорившись встретиться уже на воле.

Первое время Меченосец очень грустил, вспоминая Валеру, но через месяц грусть оставила брэнное тело Меченосца, и он занялся поисками новой задницы.

А сидеть Меченосцу оставалось целых пять лет и три месяца. Если бы не кончина в Кремле великого и жестокого, может быть, и не вышел бы Меченосец из-за колючей проволоки живым, так как вместе с Кудлатым на свободу смылось и его покровительство.

Несколько раз порывались шkodливые шавки подмять под себя Меченосца, но тот, как мог, отбивался от них своими увесистыми кулаками, а где не помогали кулаки, там в ход шли приготовленные им дубины.

Со смертью вoждя всех времен и народов в стране была объявлена амнистия, по которой Меченосца отпустили на долгожданную свободу, и было ему в ту пору двадцать семь лет, шесть месяцев и двенадцать дней. На левой груди Меченосца на всю жизнь осталась лагерная отметина – татуировка в виде силуэта товарища Сталина с надписью «Век бы воли не видать»

Возвращение на родину

Покинув территорию лагеря, Меченосец глубоко вздохнул, стараясь поскорей напиться воздуха свободы, потом, ускоряясь, пошел в сторону железнодорожной станции.

Уже на следующее утро он приехал в свой городок и, прежде чем войти в дом, долго стоял, глядя на покосившееся крыльцо.

Кроме Авдотьи в доме никого не было. Увидев сына, она тут же узнала его по глазам, которые еще не успели покрыться старческой пеленой.

– Павлуша, родненький ты мой, – бросилась к нему мать, – наконец-то ты приехал.

Слезы так и текли у нее по щекам, заливая ворот изношенной кофточки, которую Меченосец видел на матери в день своего отъезда на фронт.

– Мама, – вырвалось у него из груди, – родненькая ты моя, что же ты плачешь. Ведь я вернулся.

Услышав голос сына, Авдотья еще больше расплакалась и, уткнувшись носом в его пропахшую дымом грудь, все повторяла:

– Павлик, родненький ты мой, Павлик, кровинушка ты моя.

Наконец, слезы у Авдотьи кончились, и она суетно захлопотала возле печки.

Меченосец вынул из вещевого мешка отрез ситца, бутылку сибирской водки и несколько банок рыбных консервов и тушенки. Отрез ситца он протянул матери, бутылку водки и консервы выложил на стол.

Мать, поблагодарив сына за подарок, долго рассматривала цветастый материал, примеряя его на себе. Потом бережно положила его в сундук и продолжила накрывать на стол.

На столе появились чугунок с тушеной картошкой, тарелка с солеными огурцами и помидорами. Из загашника мать достала солидный кусок сала и разрезала его на кусочки.

– Угощайся сынок, чем бог послал, – перекрестившись, сказала Авдотья и присела за стол напротив сына.

Меченосец налил себе в стакан сибирской водки и, сказав: «За тебя, мама», залпом выпил.

Пока он закусывал, мать с нескрываемой теплотой смотрела на своего единственного сына, гостеприимно повторяя:

– Кушай, сынок, кушай. Изголодался, поди, на казенных-то харчах.

Заморив червячка, Меченосец спросил:

– А где Наталья с Ольгой?

– Наталья шестой год, как замужем, – ответила Авдотья, – у нее уж сынишке четвертый годок. Нонче еще одного ждут. А Ольга вскорости с работы придет.

– А она еще замуж не вышла? – вновь спросил Меченосец.

– Еще не вышла, – ответила Авдотья, – сватался тут к ней один, так она его мигом отшила.

– А что так? – задал новый вопрос Меченосец.

– А то и отшила, что очень шустрым оказался, – сказала Авдотья, – не успели познакомиться, а он уж под подол полез.

– Так на то он и мужик, – попытался заступиться за мужика Меченосец.

– Мужик мужику рознь, – не согласилась Авдотья с сыном, – вон у Наташки мужик, так мужик, и хозяйство держит, и жену голубит.

– Ну, что ж, очень рад за Наташку, выхолит, что повезло ей, – произнес Меченосец.

Налив себе еще водки, он выпил и, поморщившись, закусил огурцом.

– А ты-то что думаешь, сынок? – обратилась к нему Авдотья.

– А я, мама, немножко осмотрюсь, а там видно будет, – ответил Меченосец.

– Конечно, – поддержала его Авдотья, – сначала осмотреться надо.

Заметив, что у сына слипаются глаза, она предложила:

– Ты отдохни, сынок с дороги, а то утомился, чай.

Меченосец, не сопротивляясь, разделся и завалился на полати, на которых еще в детстве любил спать вместе с рыжим котом Шустриком.

– Ну, вот, наконец-то полати дождались своего хозяина, – произнесла Авдотья и зашторила занавеску.

Вечером Меченосца разбудил звонкий голос сестренки. Вбежавшая в комнату Ольга, увидев мужскую одежду, тут же воскликнула:

– Пашка вернулся, Пашка вернулся.

Она подбежала к печке и, отдернув занавеску, стала трясти Меченосца за плечо:

– А ну, вставай, лежебока. Ишь, развалился. Успеешь еще выспаться.

Не дожидаясь, пока Меченосец спустится с полатей, она побежала к Наталье, чтобы сообщить ей радостную вещь.

Через полчаса в комнате появились Наталья с мужем Архимом и маленьким Петром и запыхавшаяся Ольга. Женщины стали помогать матери накрыть на стол, а мужички вышли на улицу подышать свежим воздухом.

Разговор у них так и не получился, только несколько дежурных фраз и долгое молчание, которое прервал голос Ольги, приглашавшей их в дом.

За столом завязался оживленный разговор, во время которого родственники хотели узнать о жизни Меченосца как можно больше.

Меченосец, как всегда, наплел им про свои подвиги во время войны, а о причине отсидки рассказал родственникам следующую легенду.

После фронта затащил его однополчанин в Ленинград, и устроился он там бригадиром слесарей по причине своего фронтового прошлого.

Мужички в бригаде попались ему серьезные, но слабые на спиртное. Сколько сил пришлось приложить Меченосцу, чтобы избавить мужиков от алкогольной зависимости.

Но работа не прошла бесследно, бросили мужички выпивать без повода и только по большим праздникам позволяли себе расслабиться. Бригада была на первых местах до тех пор, пока в организацию не пришел новый руководитель, и стал этот руководитель придирается к бригаде. Что бы она ни сделала, все было плохо. Перевыполняла план, находился какой-нибудь брак. Выходила с реальными инициативами, они на корню

зарубались. А под конец года лишил новый начальник бригаду больших премиальных.

– А я бригадир, – продолжал Меченосец, – кто, кроме меня, может защитить бригаду? Пошел я к этому начальнику и спрашиваю: «Почему нашу бригаду лишили премиальных?»

– А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? – вопросом на вопрос отвечает начальник.

– Как это кто, – обиделся я, – я все-таки бригадир.

А начальник мне и отвечает:

– Был бригадир, да весь вышел.

– Это как это вышел, – спрашиваю я.

– А вот так и вышел, – отвечает он мне, – сегодня я подписал приказ о твоём освобождении от руководства бригадой.

– Это какой еще приказ? – возмутился я.

– А самый обыкновенный, которых я подписываю не один десяток в месяц, – отвечает он мне.

И тогда я не помню, как схватил этого начальника за грудки, да как шарахну его об стену. Прибежал тут его зам, я и его по башке оприходовал.

В общем, отвезли вашего родственничка в кутузку, и как ни боролась за мое освобождение бригада, упекли меня, дальше некуда.

Рассказ Меченосца вызвал у родственников реакцию, при которой посыпались из них осуждающие высказывания в адрес отдельных руководителей и власти в целом.

– А куда же смотрела власть, – задала вопрос Наталья.

– А чего ей смотреть, – за Меченосца ответила Ольга, – сами катаются, как сыр в масле, а до простых людей им и дела нет.

– Совсем правды не найти, – тяжело вздохнув, согласилась Авдотья.

– О какой правде ты говоришь, – продолжила возмущение Наталья, – ее как не было, так и нет.

– Нет, до войны было посправедливей, – призналась Авдотья.

– Не знаю, как до войны, а теперь совсем житья нет, – произнесла Ольга, – слыхано ли дело, победителя в тюрьму сажать.

– Да, уж, – согласилась с ней Наталья, – человек кровь за Родину проливал, а его в кутузку.

В общем, возмущению не было конца, и только Архип молча наблюдал за происходящим, да трехлетний Петька сидел на руках у матери и, открыв рот, внимательно слушал рассуждения взрослых. Иногда он смотрел на Меченосца, и тому казалось, что взгляд у мальчонки не любопытный, а осуждающий.

Поругав власть, родственники выпили по последней, и Архип увел свое семейство домой.

Эта ночь для Меченосца оказалась бессонной. Во-первых, потому, что его вранье не приносило ему облегчения, а, во-вторых, потому, что нахождение на свободе требовало от него скорейшего разрешения полового вопроса.

Следующий день начался с пения петухов, от которого Меченосец за прошедшие годы совсем отвык. Проснувшись с большой головой, Меченосец отпил из банки рассольчику и, выйдя во двор, присел на подготовленное к распиловке бревно.

– Хорошо дома, – подумал он, – но вряд ли я смогу здесь задержаться надолго. За прошедшие годы здесь ровным счетом ничего не изменилось. Да и привык я уже к жизни в большом городе. Побуду здесь еще недельку, да и уеду опять в Ленинград.

Из соседнего подъезда вышел парень, в котором Меченосец узнал своего друга, с кем в детстве подсматривал за девочками.

Парень тоже узнал Меченосца и, подойдя к нему, воскликнул:

– Меченосец, какими судьбами?

– Да вот, Серега, приехал родню навестить, – ответил Меченосец.

– А где сейчас обитаешь? – вновь спросил Серега.

– Я прямо с фронта в Ленинград поехал, там и живу, – сообщил Меченосец.

– А видок-то у тебя совсем не столичный, – заметил Серега.

– Да я уж переодеться успел, – поспешил объяснить Меченосец, – чего выделяться-то.

– И то верно, – согласился с ним Серега, – в прошлом году к родителям из Иркутска Федька приезжал. Помнишь Федьку-то?

– Как же не помнить, – ответил Меченосец, – он так и покрыт веснушками с головы до пят?

– А куда ж они денутся, – произнес Серега, – только теперь они по-заметней стали, отъел Федька харю-то, как боров стал.

– Ну, так вот, – продолжил Серега, – приехал Федька к родителям, посидел с ними и в город. Ходит по улицам в своих фетровых сапогах, драповом пальто и пыжиковой шапке туда-сюда, туда-сюда. Дескать, смотрите земляки, каким важным я стал, а сам устроился в Иркутске каким-то кладовщиком, а туда же, начальника из себя корчит.

– Кладовщики теперь при деньгах, – произнес Меченосец, – а если по продовольственной части, так при больших деньгах.

– Не знаю, по какой он части, только уж больно важный, – сказал Серега.

– А не скажешь, где теперь Машка? – после минутной паузы спросил Меченосец.

– Сидорук, что ли? – переспросил Серега.

– Сидорук, – подтвердил Меченосец.

– А Машка Сидорук теперь в пивнушке работает, – ответил Серега, – в отдельной квартире теперь Машка живет.

– Наверное, замуж удачно вышла, – поинтересовался Меченосец.

– Какое замуж, – воскликнул Серега, – она мужиков, как перчатки меняет. Просто пиво пенное, вот и разжилась Машка квартирой.

– Послушай, а не заглянуть ли нам сейчас в пивную, – предложил Меченосец.

– Почему не заглянуть – согласился Серега, – сегодня я выходной, не грех и выпить.

И вот увидел он женщину, которая лишила его невинности, с которой он первый раз в своей жизни улетел в приятное блаженство. За прилавком пивной стояла та самая Машка, которая соблазнила его в юности. Точнее, не совсем та. Если фигура у Машки только чуть-чуть изменилась, то лицо осунулось и немного постарело.

– Здравствуй, Маша, – подходя к прилавку, произнес Меченосец.

Машка внимательно посмотрела на молодого здоровяка и, узнав в нем Павла, воскликнула:

– Пашка, неужели это ты?

– Я, Маша, собственной персоной, – ответил Меченосец.

Машка с нежностью посмотрела на Меченосца и произнесла:

– Пашка, а я о тебе часто вспоминала.

От ее взгляда по телу Меченосца, словно электрический заряд пробежал. Он густо покраснел и попросил:

– Налей-ка нам две кружки пива. Хочу с приятелем встречу отметить.

– А что пивом, – удивилась Машка, – у нас встречи водочкой отмечают.

Меченосец посмотрел на Серегу и, заметив одобрение в его глазах, произнес:

– Давай тогда и чекушку. Да, еще и закуски какой-нибудь принеси.

Машка быстро выполнила заказ Меченосца, а, уходя за прилавок, на ушко спросила:

– А со мной не хочешь встречу отметить?

Меченосец заглянул в Машкины глаза и, в знак согласия, кивнул головой.

Чокнувшись, приятели отпили из кружек по большому глотку и дополнили их содержимым чекушки.

От ерша их языки развязались, и Серега рассказал Меченосцу про всю ребятню, с которой тот проводил свое детство. Большинство ребят, ушедших в конце войны на фронт, так и не вернулось в родной город. Кто погиб, а кто, как Меченосец, осел в большом городе. Из-за этого многие из девочек так и остались незамужними. Прыгавшей на спине Меченосца Нюрке подфартило, она удачно вышла замуж за начальника городского отдела милиции, который старше ее на одиннадцать лет. У них растут два пацана – погодки, и из Нюрки так и прет женское счастье.

После того, как кружки опустели, Серега предложил выпить еще, но Меченосец отказался, сославшись на то, что дома его ждут родичи.

Пред тем, как уйти, он подошел к Машке и пообещал ей, что обязательно придет за ней перед закрытием пивной.

От этих слов искорка счастья осветила Машкины глаза, и она нежно провожала:

– Так я тебя жду, Павлик.

Вечером, как и обещал, Меченосец зашел за Машкой, и она, быстро закрыв пивную, пригласила его к себе.

Не успели они пройти до перекрестка, как Машку окликнул какой-то мужик:

– Что, стерва, нового хахаля себе нашла?

Машка резко остановилась и, не поворачивая головы, произнесла:

– Шел бы ты, Степочка, к себе домой.

– Я пойду домой только после того, как намылю шею твоему провожатому, а потом и с тобой разберусь – угрожающе заявил Степа.

Подойдя к Меченосцу, Степа спросил:

– Тебя унести, или ты сам смоешься?

Меченосец не стал ждать, пока Степа пустит в ход свои кулаки. Развернувшись, он приложился кулаком к Степиному подбородку, и тот, как подкошенный, завалился на землю.

Машка схватила за руку Меченосца и потащила его прочь. Только войдя в квартиру, она перевела дух.

– Павел, зря ты его так, я бы и сама с ним договорилась, – с сожалением произнесла Машка.

– Так и договаривалась бы, – спокойно сказал Меченосец, – а то, еще бы секунда, и его кулак прошелся бы по моему стопроцентовому носу.

– Да, он только с виду такой, – сказала Машка, – это в нем градусы играют.

– Не градусы, а детство в жопе у него играет, – возразил Меченосец, – в его-то возрасте пора бы уж и остепениться.

Посмотрев на рассерженного Меченосца, Машка поняла, что зашла слишком далеко, поэтому, подойдя к Меченосцу, она взяла его за голову и, заглянув в глаза, спросила, как тогда:

– Пашка, а ты с девчонками-то целовался?

– Конечно, целовался, – ответил Меченосец.

И, как тогда, она попросила:

– А покажи, как ты с ними целовался.

И тут Меченосец схватил Машку на руки и, завалив на диван, сделал ей такой французский поцелуй, от которого у Машки перехватило дыхание и стало мокро между ног.

Они не помнят, как сбросили свои одежды, как свалились с дивана на пол, как срослись дрожащими телами. Десятки минут пролетели как одно мгновение, но это мгновение было так прекрасно, что, глотнув коньяку, они вновь сцепились в объятьях, но теперь уже на кровати.

А утром к Машке в дверь очень сильно постучали.

Спросив: «Кто там», она в ответ услышала:

– Откройте, милиция.

И, действительно, в квартиру вошли два милиционера и гражданский следователь.

Увидев в кровати Меченосца, следователь попросил предъявить документы, а, кроме справки об освобождении, у Меченосца других документов не оказалось. Да и откуда им было взяться.

Два милиционера взяли Меченосца под белые ручки и, как не упрашивала Машка, отвели его в милицейскую машину.

Только в милиции Меченосец узнал причину своего ареста.

Оказалось, что вчера вечером своим ударом он сломал Степанову челюсть, и об этом через полчаса узнала местная докторша, а потом и следователь прокуратуры.

Бедная Авдотья, узнав о том, что ее Павлуша, ее кровинушка попал в милицию, бросилась со всех ног к Наталье, у которой уже сидела заплаканная Машка. В три женских головы они разработали план дальнейших действий по вызволению Меченосца.

Машка решила пойти к Степану домой и поговорить по-хорошему с ним и его матерью, а Наталья побежала к Нюрке, чтобы посоветоваться с ней.

В конце концов, Машка уговорила Степана, посулив ему определенную сумму, и тот согласился забрать из милиции свое заявление.

Нюрка в свою очередь упросила мужа посодействовать в том, чтобы дело заключенного Филаретова Павла Петровича было закрыто. Более того, по знакомству ему был срочно оформлен паспорт, и он вновь стал законопослушным гражданином своей Родины.

Вот, что значит женская отзывчивость и женская благодарность. Разве побежала бы Машка просить за какого-то ханыгу. Разве стала бы уговаривать своего мужа Нюрка за нехорошего человека.

Значит, Меченосец, со всеми его выкрутасами, был, все-таки, человеком неплохим.

И если бы не женщины, которых Меченосец по-своему любил, сидеть бы ему за Степанову челюсть годков эдак пять, так как с момента его освобождения из мест не столь отдаленных прошло всего три дня.

Выйдя из КПЗ, Меченосец поспешил домой, а на следующее утро, простившись с родными, покинул город своего детства, чтобы уже никогда в нем не появляться.

Хотя нет, он все-таки приехал в этот забытый им город. Приехал затем, чтобы похоронить забытую им мать.

Дорога на запад

До Ленинграда поезд шел целых пять дней и, чтобы скоротать время, то в одном купе, то в другом пассажиры садились за карты. В большинстве своем играли на щелбаны, но находились желающие поиграть и на интерес. Кроме Меченосца, в купе разместились: молодой лейтенант, недавно окончивший Иркутское военное училище, сорокалетний бухгалтер Иркутского Облпотребсоюза и молодая женщина из Ангарска.

Молодой лейтенант ехал к новому месту службы, бухгалтер спешил на какие-то курсы, а молодая женщина решила навестить своих родителей.

Вечером в их купе постучали, и симпатичный человек средних лет предложил им скоротать время за карточной игрой.

Сначала они вчетвером поиграли в переводного дурака, потом Симпотяга предложил им сразиться в очко и молодой лейтенант с Меченосцем согласились.

Бухгалтер с молодой женщиной забрались на верхние полки и стали готовиться ко сну.

Игра в очко началась, и поначалу военный не единожды снимал банк. После очередной победы он поднимал голову и радостными глазами смотрел на молодую женщину, которая, свесившись со второй полки, наблюдала за их игрой. Своей улыбкой молодая женщина подбадривала военного.

Меченосец, помнивший инструкции великого шулера Валеры, в первых партиях особо не вязывался в противоборство Симпотяги, как

прозвал он симпатичного мужчину, и молодого военного. Ему даже составляло удовольствие наблюдать затем, как профессионально Симпотяга заманивает молодого офицера. Своими неуклюжими жестами и ходами Меченосец старался усыпить бдительность Симпотяги и, в конце концов, выиграть у него.

И вот настал момент, когда Симпотяга стал медленно и верно выигрывать у военного и Меченосца.

– Все, – решил Меченосец, – пора начинать, а то Симпотяга сорвет куш и попытается свернуть игру.

И Меченосец пустил в ход весь арсенал шулерских приемов. Бухгалтер и молодая женщина уже мирно храпели на своих полках, а за столом страсти только разгорались, хотя игроки старались шепотом объявлять о своих решениях. «Пас», «еще», «себе», «очко», «перебор» летали над столом, делая кого-то выигравшим, а кого-то проигравшим.

Под утро молодой военный вывернул наизнанку свое новенькое портмоне и, расстроенный, вышел из купе.

Симпотяга тоже немножко проиграл и, с интересом посмотрев на Меченосца, предложил ему:

– А не пообедать ли нам сегодня вместе?

Меченосец с удовольствием согласился и, закрыв за Симпотягой дверь, улегся на свою полку.

Он уже крепко спал, когда военный вернулся в купе и, уткнувшись носом в подушку, о чем-то задумался. А думать ему было о чем. Все подъемные проиграны, осталась только мелочевка, которой с большим трудом хватит на то, чтобы перекусить в дороге.

За этими грустными мыслями он долго ворочался, потом не заметил, как заснул.

А Меченосец ровно в два часа дня проснулся и, сходя в туалет, направился в ресторан.

Войдя в ресторан, Меченосец увидел Симпотягу и проследовал к его столику.

Сев за столик, он спросил:

– Ну, как, хоть немного поспали?

– Можно сказать, что не сомкнул глаз, – ответил Симпотяга, – обычно, после проигрыша я еще долго анализирую прошедшую игру.

В это время к их столику подошел официант и, приняв заказ, удалился.

А заказали они бутылочку водочки с запивкой, по овощному салатику и по отбивной.

– Ну и как Ваш анализ, а, впрочем, как Вас зовут? – спросил Меченосец.

– Ну, допустим, Сергеем Степановичем, – представился Симпатыга, – а Вас как?

– А меня, без допустим, Павлом Петровичем, – в свою очередь представился Меченосец.

– Очень приятно, – без особой приятности в голосе произнес Сергей Степанович, – что касается моего анализа, то я убедился в том, что Вы прошли отличную школу картежной игры.

– Да, у меня был хороший учитель, – сообщил Меченосец.

– Уж, не в местах ли не столь отдаленных, – вновь спросил Сергей Степанович.

– А если в них, – дерзко ответил Меченосец.

– Да, Вы не обижайтесь, Павел, я ведь тоже там бывал, – разоткровенничался Сергей Степанович.

В это время официант принес спиртное и салаты.

Сергей Степанович разлил водочку по стопкам и предложил:

– Павел, давайте выпьем за знакомство, может быть, оно будет взаимовыгодным.

Они опрокинули по стопочке и закусили водочку овощным салатом.

– Может быть, Вы откроете имя Вашего учителя, – поинтересовался Сергей Степанович.

Меченосец ненадолго задумался, посмотрел Сергею Степановичу в глаза, но имени учителя не назвал.

– Ну, хорошо, – согласился Сергей Степанович, – не хотите говорить и не надо. А почему Вы не спрашиваете о том, чем мы друг другу можем быть полезны?

– Да я уже догадываюсь, – ответил Меченосец, – хотите взять меня в компаньоны?

– Какой Вы, однако, догадливый, – съязвил Сергей Степанович, – в общем-то, верно. Я как раз и хотел предложить Вам сотрудничество.

Меченосец опять задумался и произнес:

– То есть, Вы предлагаете мне партнерство в картежном промысле?

– Совершенно верно, – подтвердил Сергей Степанович, – у нас с Вами должно неплохо получиться.

– Хорошо, – согласился Меченосец, – готов попробовать новое для меня дело.

– Тогда за это надо выпить, – сказав это, Сергей Степанович разлил водочку по стопкам и добавил:

– За удачу, которая, я уверен, будет сопутствовать нам.

Официант очень кстати принес отбивные, и собеседники с аппетитом за них принялись.

Попробовав отбивную, Сергей Степанович сказал:

– Павел, в моем купе едут два каких-то снабженца. Чувствует мое сердце, что фраера при деньгах. Я уже интересовался, из картежных игр они предпочитают только преферанс.

– Ну, что ж, будем играть в преферанс, – согласился Меченосец.

– Значит, действуем следующим образом, я им намекаю на игру в преферанс, – предложил Сергей Степанович, – если они согласятся, то я им посоветую поискать четвертого в вашем купе. Думаю, что твои соседи вряд ли примут их приглашение, а ты, немного покочевряжившись, согласишься.

Допив бутылку водки, они вернулись в свой вагон и разошлись по купе.

Минут через двадцать в купе Меченосца постучали и, испросив разрешения, в дверях появился полноватый мужчина лет сорока.

– Не желает ли кто-нибудь из вас составить нам компанию по преферансу? – спросил Толстячок, как мысленно назвал его Меченосец.

Молодая женщина и бухгалтер вежливо отказались, военный даже не взглянул в сторону толстячка, а Меченосец, немного подумав, сказал:

– Ну, раз никто не хочет, тогда я решусь. Правда, я не очень хорошо играю в карты.

– Ничего, – браво воскликнул Толстячок, – мы все не профессионалы, но если что, всегда поможем.

В своем купе Толстячок представил Меченосца:

– А вот и наш новый партнер по преферансу и зовут его. Кстати, а как Вас зовут? – обратился он к Меченосцу.

– Зовут меня Павлом, – представился Меченосец.

– Вот и отлично, Павел, – воскликнул лысоватый мужчина лет сорока пяти, – дорога у нас дальняя, а где, как не за картами время пролетает незаметно.

Они усадили Меченосца за стол, расчертили табличку, договорились играть по десять часов в день с часовым перерывом на обед и закончить игру за час до прибытия поезда на Ленинградский вокзал. Толстячок раскинул карты на право первой раздачи, и это право досталось Лысому. Итак, долгоиграющий сеанс игры в преферанс начался.

В первый вечер крупно выиграл Толстячек, Лысый тоже не остался в проигрыше, а вот Сергею Степановичу явно не повезло. Из своего портмоне ему пришлось вытащить солидную кучу двадцатипятирублевых купюр.

Якобы с горя он пошел в ресторан, и там к нему присоединился Меченосец.

– Ну, что ж, – сказал Сергей Степанович, – все идет, как нельзя лучше. Глазенки у соседей загорелись, теперь они будут стараться закрепить свой успех.

Выпив по сто грамм коньячку, они обсудили игровую ситуацию и откорректировали план дальнейших совместных действий.

Этой ночью что Меченосец, что Сергей Степанович спали спокойно и утром, позавтракав,

вновь встретились в купе за столом с преферансной сеткой.

Сегодня Толстячку выпало раздавать карты первым и, прежде чем приступить к раздаче, он потер руки в ожидании очередного успеха и, взяв колоду карт в руки, произнес:

– Ну, с богом.

– Будет тебе бог, будет тебе и приход, – усмехнувшись, про себя подумал Сергей Степанович.

В общем, к обеду Толстячок и Лысый проиграли немного, а вот после обеда, начав зарываться, продули значительную сумму.

Придя вечером в ресторан, Сергей Степанович и Меченосец заказали традиционных двести грамм коньячку и по паре бутербродов со шпротами и красной рыбой.

Не успели они пригубить по второй, как в ресторан вошла молодая женщина из купе, где расположился Меченосец. Увидев Меченосца, она подошла к их столику и, обратившись к Сергею Степановичу, попросила разрешения составить им компанию.

– Конечно, конечно, – засуетился Сергей Степанович, – будем рады видеть Вас за нашим столом.

Сказав это, он помог женщине сесть за стол и поинтересовался:

– Может быть, коньячку?

– Нет, что Вы, кроме шампанского я ничего из спиртного не употребляю, – призналась женщина.

– Тогда шампанского, – утвердительно сказал Сергей Степанович и, позвав официанта, распорядился:

– Бутылочку шампанского, шоколадку и еще раз по сто коньячку.

Когда официант выполнил заказ, Сергей Степанович с шумом открыл бутылку шампанского и наполнил бокалы.

– За Вашу красоту, – предложил он, обратившись к женщине.

Они выпили шампанского, и Сергей Степанович спросил:

– А как зовут столь прелестное создание?

– Вы мне льстите, но все равно приятно, – смутилась женщина, – зовут меня Надежда Владимировна, можно просто Надежда.

– Очень приятно, – сказал Сергей Степанович и, обратившись к Меченосцу, произнес, – слышал Павел, теперь у нас есть своя Надежда.

– Думаю, что она у Вас и до этого была, – с улыбкой произнесла Надежда.

– До этого, у каждого из нас была своя надежда, а теперь Вы – наша общая Надежда, – высокопарно заявил Сергей Степанович.

– А Вы тоже так думаете? – обратилась Надежда к Меченосцу.

– Нам сейчас очень нужна общая надежда, – уклончиво заявил Меченосец.

– А почему она вам так нужна? – в очередной раз спросила Надежда.

– А потому, что в преферансе без надежды нельзя, – не найдя лучшего варианта, сморозил Меченосец.

Заметив на миленьком лице Надежды тень недовольства, Сергей Степанович предложил новый тост:

– А теперь давайте выпьем за ваше прекрасное имя.

Выпив шампанского, Надежда продолжила разговор на тему надежды.

– Мне кажется, – сказала она, – игрокам в карты важнее удача, а не надежда.

– Удача тоже важна, – согласился с ней Меченосец, – но без надежды не может быть и удачи.

– Вон как Вы завернули, – засмеялась Надежда, – тогда я согласна быть вашей надеждой.

– Ура, – воскликнул Сергей Степанович и предложил за это обязательно выпить.

Встретив в ресторане новые сутки, они пошли в вагон, и там Сергей Степанович, пожелав им спокойной ночи, скрылся в купе.

Подойдя к своему купе, Меченосец хотел открыть дверь, но Надежда остановила его, сказав:

– Павел, давайте еще немного постоим.

В этот раз они решились только на два совершенно разных поцелуя, по причине которых Меченосцем завладела бессонница, и он долго не мог заснуть, ворочаясь на верхней полке. Иногда он наклонялся с полки, пытаясь в темноте рассмотреть Надеждино лицо, а, может быть, и еще что-нибудь.

Меченосец до сих пор ощущал на своих губах второй поцелуй, потому что тот был долгим по времени и страстным по темпераменту.

Это вам не первый поцелуй, которым Меченосец и Надежда осторожно проверили зарождающиеся чувства.

На следующий день игра возобновилась в том же составе, только Меченосец выглядел не совсем презентабельно. Бессонная ночь нарисовала на его лице гримасу недовольства, а карты расплывались у него в глазах.

Если бы не Сергей Степанович, то до обеда проиграли бы они значительно больше.

В обед Сергей Степанович недовольно сказал:

– Павел, ты должен помнить народную поговорку: «Повезет в любви, не повезет в картах».

– А я ни в кого и не влюбляюсь, – потупив глаза, произнес Меченосец.

– Может быть, ты и не влюбляешься, но бессонную ночь не проводишь в одиночку, – осуждающе произнес Сергей Степанович.

– Хорошо, я постараюсь взбодриться, – пообещал Меченосец.

– Для того, чтобы взбодриться, помочи голову холодной водой, а потом и за стол садись, – порекомендовал Сергей Степанович.

Перед игрой Меченосец выполнил рекомендацию Сергея Степановича и с мокрой головой появился в купе.

До десяти часов вечера Меченосец с Сергеем Степановичем сумели отыграть проигранное днем, еще больше заведя Толстячка и Лысого.

В ресторане к ним опять подседа Надежда, и Сергей Степанович возобновил свое словоблудие:

– Надежда, дальняя дорога делает Вас еще красивей.

– Вы хотите посоветовать, чтобы я всю свою жизнь провела на колесах? – с усмешкой произнесла Надежда.

– Милая Надежда, если только с нами, верно Павел? – обратился он к Меченосцу.

– С Вами полностью согласен, – поддержал он Сергея Степановича и, налив в бокалы шампанского, предложил, – хочу выпить за то, чтобы Надежда вспоминала это путешествие с улыбкой, а мы постараемся ее не огорчать.

Они выпили за «путешествие с улыбкой», и Надежда с ноткой грусти произнесла:

– А вот кому сейчас не до улыбок, так это нашему лейтенанту. Если в самом начале пути он был по-гусарски внимателен и весел, то теперь слова лишнего не скажет. Сидит, как сыч, и неотрывно смотрит в окно.

– Его можно понять, – сказал Сергей Степанович, – он слишком много проиграл.

– Мне показалось, что вы его просто развели, – сказала Надежда.

– Ничего не развели, – попытался возразить Меченосец, – он сам излишне рисковал и проигрался.

– Все мы чем-то рискуем, – поучительно изрек Сергей Степанович, – а кто не рискует, тот не пьет шампанского, – добавил он и, дополнив бокалы, предложил, – Надежда, давайте не будем о грустном. Я хочу вы-

пить за Ваши зеленоватые глаза. Такой цвет глаз принадлежит коварным женщинам. За Ваши глаза.

Они опять пригубили шампанского, и, чтобы не возвращаться к грустной теме, Сергей Степанович затянул:

– Очаровательные глазки, очаровали Вы меня, сколько в вас жизни, сколько ласки, сколько в вас страсти и огня».

Закончив пить, он воскликнул:

– Мне бы очень хотелось встретиться с Вами в Ленинграде. Вы не будете против, если я попрошусь на свидание с Вами.

– Сергей Степанович, если это свидание будет деловым или дружеским, тогда «да», – кокетливо произнесла Надежда.

– А на какое еще свидание я, старый, могу претендовать, – с огорчением сказал Сергей Степанович.

– Какой же Вы старый, – попыталась утешить его Надежда, – Вы мужчина в самом соку, верно, Павел?

Меченосцу уже давно их диалог не доставлял особой радости, поэтому он в грубоватой форме ответил:

– Не знаю, не знаю. Вам женщинам видней.

Заметив его раздражение, Сергей Степанович спросил:

– Павел, ты никак обиделся?

– Ничего я не обиделся, – по-мальчишески откровенно сказал Меченосец, – просто я сегодня не выспался, поэтому хочу откланяться и покинуть ваше приятное общество.

– Посиди еще немного, – попытался остановить его Сергей Степанович, – минут через десять мы тоже пойдем.

– Уже решает за «мы», – про себя подумал Меченосец, а в слух сказал, – вы не обижайтесь, я, действительно, не выспался.

Сказав это, он встал из-за стола и направился к выходу.

Через десять минут он забрался на вторую полку и собирался заснуть, как в купе тихо вошла Надежда.

Разбирая постель, она своей головой чуть не коснулась носа Меченосца, а завоораживающая волна ее духов заставила Меченосца раздуть чувствительные ноздри. Как настоящий самец, он глубоко вдохнул этот приятный запах и, не сдержав чувств, притянул ее к себе и присосался к губам.

Надежда попыталась вырваться из его тисков, но, поняв тщетность своей попытки, положила правую руку ему на грудь и прошептала:

– Павел, мы же не одни.

Меченосец взял рукой ее правую руку и, преодолев небольшое сопротивление, перенес ее чуть ниже живота. Надежда попробовала убраться

руку от объекта напряженности, но Меченосец удержал ее руку и так же тихо прошептал:

– А что я могу сделать?

– Спать, – шепотом ответила Надежда, но движение ее руки говорило о другом.

Меченосец с еще большим желанием впился в ее губы, и их страстный поцелуй заглушил вырывающийся из его груди стон.

– А теперь спи, – прошептала Надежда, – завтра тебе нужно быть в хорошей форме.

Эту ночь Меченосец спал, как убитый.

А вот Надежда долго не могла уснуть, так как ее рука не хотела отдавать будоражащего тепла и ощущения пульсации чего-то большого и напряженного.

В голове у Надежды роились мысли, которые до этого еще никогда не посещали ее.

– Вот это настоящий мужчина, – думала она, – не то, что мой хлюпик. Зачем нужно было заканчивать ВУЗ, чтобы ехать потом из Ленинграда в эту сибирскую глушь. Так всю жизнь без цивилизации и прожизнем. Да и разве мой муж может так целовать. От поцелуев Павла у меня не только голова кружится, но и все тело начинает дрожать в предвкушение чего-то большего. А от мужниных поцелуев с его трехдневной небритостью только лицо горит, да никотиновый привкус остается.

С этими мыслями Надежда и уснула.

Наступивший день начался с небольшого завтрака в пустынном вагоне–ресторане. Перед игрой наши картежники подкрепились яичницей, выпили по чашечке кофе с бутербродом и, заряженные на победу, появились за игровым столом.

Проиграв своим соперникам в начале игры, они подраздели их до обеда а, пообедав, решили опять усыпить бдительность несколькими не-обязательными пасами.

В конце концов, Толстячок и Лысый к концу дня проиграли приличные суммы.

В вагоне–ресторане Сергей Степанович поднял первый бокал в честь Надежды, которая сегодня была их надеждой, принесшей удачу.

Надежда, в свою очередь, поблагодарила Сергея Степановича за приятный тост и предложила выпить за их удачное партнерство.

В общем, наговорив друг другу приятностей, они разошлись по своим купе, но Меченосец и Надежда через минуту вновь вышли в тамбур. Не буду мешать им своим любопытством, но предчувствие подсказывает мне, что Меченосец с присущим только ему темпераментом отблагодарил Надежду за ночное удовольствие.

Да и вообще, причем здесь предчувствие, если весь утренний вид Надежды говорил о том, что ночью она была на вершине эротического блаженства. Когда Меченосец спустился со своей полки, она, не скрывая своих чувств, обняла и поцеловала счастливого.

Этот поцелуй еще больше раззадорил Меченосца, и в этот день Толстячок и Лысый были существенно раздеты.

По традиции вечером наша тройца собралась в вагоне-ресторане. Опять были ласкающие уши тосты, вкусное шампанское, приличный десерт и разговор, который, казалось, не входил в регламент вечернего застолья.

Начал разговор Меченосец.

– Сергей Степанович, я долго думал над словами Надежды о настроении лейтенанта, – начал он, – а сегодня утром посмотрел на сникшего молодца и подумал: «Может быть, помочь парню»?

– А как ты собираешься ему помочь? – спросил его Сергей Степанович, – не думаешь же ты вернуть ему проигранные им деньги?

– Конечно, нет, – ответил Меченосец, – да и вряд ли он их возьмет.

– А что же тогда? – вступила в разговор Надежда.

– А тогда потребуется твоя помощь, – сказал Меченосец.

– Слушай, не говори загадками, не томи душу, – воскликнул Сергей Степанович.

– Какие загадки, я хочу попросить Надежду об одном одолжении, – произнес Меченосец.

– О каком одолжении? – спросила Надежда.

– Так как проигранных денег лейтенант не возьмет, Надежда должна уговорить его сесть за игровой стол, – сообщил Меченосец.

– А что, план неплохой, – согласился с ним Сергей Степанович.

– Может быть, план и хороший, но как мне его уговорить, – спросила Надежда.

– Надежда, Вы же опытная женщина, – воскликнул Сергей Степанович, – мне кажется, вам не составит труда уговорить лейтенанта.

На том и остановились. Надежда уговаривает лейтенанта вернуться к игре, а после десяти вечера вместо ресторана Сергей Степанович и Меченосец садятся за картенную игру.

Пусть останется секретом то, как смогла уговорить лейтенанта Надежда, но в десять часов вечера следующего дня после выигрыша в преферанс, Сергей Степанович и Меченосец засели с лейтенантом за очко. К полуночи они проиграли лейтенанту чуть больше денег, чем те, которые он оставил в прошлый раз.

Засыпая, Меченосец услышал шепот лейтенанта:

– Надежда Владимировна, а Вы, действительно, ясновидящая.

Утром первым в купе проснулся лейтенант. Сходя в ресторан, он принес бутылку шампанского, шоколад и даже раздобыл где-то дыньку.

Дынный нектар разбудил не только Надежду, но и крепко спавшего бухгалтера.

– Откуда такая прелесть? – воскликнул он, протирая глаза.

– Оказывается в соседнем вагоне едет к своим друзьям узбек, – сообщил лейтенант, – унюхав у него дынный запах, я выменял у него дыню на свой кожаный бумажник.

– А как же ты теперь без бумажника? – спросил проснувшийся Меченосец.

– Ерунда, я себе в Ленинграде новый куплю, – уверенно произнес лейтенант.

– Молодец, – похвалил его Меченосец и, обратившись к Надежде, предположил, – Надежда, для нас с бухгалтером лейтенант не стал бы так стараться.

– А что для Вас стараться-то, – с улыбкой произнесла Надежда, – настоящий гусар для мужчин не старается.

– Да, сегодня лейтенант и впрямь на гусара похож, – подтвердил бухгалтер, – так мы что, прямо с утра и начнем?

– Конечно, – сказал лейтенант, – сейчас прямо и начнем.

Он разрезал дыню, налил по стаканам шампанского и предложил выпить за прекрасную Надежду Владимировну.

– За дам гусары пьют стоя, – напомнил Меченосец, и мужчины стоя выпили за единственную женщину данного купе.

И тут раздался стук в дверь, это за Меченосцем пришел Толстячок. Увидев на столе приятный натюрморт, он произнес:

– А мы то думаем, что это Павел к нам не идет.

Надежда посмотрела на Толстячка и предложила:

– А, может быть, вы присоединитесь к нам?

– Я бы с удовольствием, – ответил Толстячок, – но, вы же знаете, что договоренность игроков в преферанс превыше всего.

– Совершенно верно, – поддержал его Меченосец, – как ни хочется остаться в приятной компании, но долг обязывает.

Извинившись перед Надеждой и компанией, Меченосец с Толстячком покинули купе.

В соседнем купе их ждала колода карт и два партнера, в сознании которых теплилась надежда на успех.

Но успех в этот день опять сопутствовал Меченосцу и Сергею Степановичу.

А через четыре часа поезд прибыл на Московский вокзал города Ленинграда.

Высыпав на перрон, пассажиры поезда заспешили по своим делам, порой даже не простившись с соседями по купе.

Лейтенанта ждала служба на новом для него месте, бухгалтер заспешил на специализированные курсы. Толстячка с Лысым встречали какие-то важные дяди, Надежда искала глазами кого-то в толпе встречающих, Сергей Степанович и Меченосец никого не искали.

Наконец, Надежда увидела того, которого искала и замахала ему рукой. К ней подошел интеллигентного вида мужчина, и Меченосец понял, что Надежду приехал встречать отец.

Прощаясь, Надежда сунула в руку Меченосца какую-то бумажку, помахала рукой Сергею Степановичу и зашла вместе с отцом к выходу с вокзала.

Здравствуй, Ленинград

Проводив взглядом Надежду, Сергей Степанович предложил Меченосцу снять в гостинице «Октябрьской» номер на двоих, разделить солидный куш, который они сорвали за долгую дорогу и, если партнерство Меченосцу понравилось, обсудить план дальнейших действий.

Так они и сделали. Сняв двухместный люкс, они привели себя в порядок, разделили по-братски денежный выигрыш и спустились в местный ресторан.

С трудом найдя свободный столик, они заказали бутылочку коньяку, лимончик, бутерброды с семгой и икрой, а из горячих блюд – шашлычок по-ка рски.

Коньячок под семушку и икру обогрел души партнеров по карточному промыслу, и они пустились в пространные воспоминания о недавно закончившейся игре.

– Красиво ты их взял на девять червей, – сказал один.

– А мне твой мизер очень понравился, – воскликнул другой.

Перекидываясь аналогичными фразами, они не заметили, как опустошили бутылку коньяку и, не сговариваясь, заказали другую, так как шашлык по-ка рски уже дымился у них на столе.

Не успели они налить из второй бутылки, как к их столу подошла молодая блондинка и, обратившись к Меченосцу, спросила:

– Я могу Вас пригласить на танец?

– А что, разве ведущий объявил белый танец, – вопросом на вопрос ответил Меченосец.

– Нет, никто белого танца не объявлял, но если мужчина не приглашает женщину, то ...

– То женщина тянется к мужчине, – дополнил блондинку Сергей Степанович, – и правильно делает. Павел, не гоже отказывать красивой и стройной.

– А я и не думаю отказывать, – ответил Меченосец и, подмигнув Сергею Степановичу, произнес – я просто очень смутился. Меня еще никто и никогда не снимал.

– Все всегда бывает впервые, – констатировал Сергей Степанович, – иди, не томи красотку, а то передумает.

Меченосец встал и, взяв девушку под ручку, вышел с ней в центр зала.

Во время танца девушка положила голову на его плечо и нежно сказала:

– Мужчина, Вы мне очень понравились.

– А как тебя зовут? – спросил Меченосец.

– Меня зовут Жанной, – ответила девушка.

– На вид тебя можно назвать Фросей, – подумал Меченосец, – но, пусть будет Жанна.

В слух же он спросил:

– Жанна, ты уже заметила, что я не один?

– Конечно, – воскликнула Жанна, – но у меня есть подруга, которая, думаю, понравится Вашему другу.

После танца она махнула кому-то рукой, и к столику они подходили уже втроем.

Усадив девушек за стол, Сергей Степанович налил им коньяку и, подозвав официанта, заказал еще шашлычок и бутылку шампанского.

– Милые девушки, предлагаю выпить за наше знакомство, – с особой важностью заявил он, – кстати, меня зовут Сергеем Степановичем.

– Очень приятно, – проворковала Жанна, – меня зовут Жанной, а мою подругу Беллой.

– Ну, что ж, сначала выпьем за Жанну, – уточнил тост Сергей Степанович и первым опрокинул содержимое бокала в свое нутро.

В это время официант принес бутылку шампанского, и Меченосец наполним им фужеры девушек.

– Теперь пора выпить за Беллу, – предложил он.

– Девушка с таким красивым именем достойна отдельного тоста, – поддержал его Сергей Степанович.

От этих слов у Беллы закружилась голова и она побагровела, как ... Хотел написать «как рак», но передумал. Даже слишком багровая девица на рака совсем не похожа.

Они выпили за Беллу, и та разоткровенничалась:

– Вы не подумайте, мы девушки порядочные, просто в городе сейчас так скучно.

– Не переживай, Белла, – успокоил ее Сергей Степанович, – весь ваш вид говорит о порядочности и целомудрии. Я правильно говорю, Павел?

– Сергей Степанович, о чем базар, – забывшись, перешел на феню Меченосец, – девочки, что надо.

– Ну, а если девочки – цимус, то и выпьем за них, – предложил Сергей Степанович.

Официант принес шашлычок, и голодные девицы, забыв о порядочности, набросились на него. Мужчины незаметно переглянулись, и Сергей Степанович показал в знак одобрения большой палец.

Проглотив непрожеванный кусок баранины, Жанна запила его шампанским и предложила выпить за настоящих мужчин, которые сидят рядом с ней.

Мужчины с удовольствием присоединились к этому тосту, а Белла все никак не могла оторваться от тарелки с шашлыком. Наконец, она положила шампур на тарелку и, взяв бокал, чокнулась с мужчинами.

Хотя Меченосец был уверен в том, что девицы приезжие, для поддержания разговора он все-таки спросил:

– А вы, сами-то, местные?

– Конечно, – быстро ответила Белла, но, посмотрев на Жанну, существенно откорректировала свой ответ, – теперь местные.

– А где такие красавицы произрастают? – спросил Сергей Степанович.

– Я из Петрозаводска, а вот Белла из Архангельска, – призналась Жанна.

– Так вы, можно сказать, северянки, – произнес Сергей Степанович, – посмотри, Павел, какие красавицы живут на северах.

– Да уж, – согласился Меченосец, – богата на красавиц земля наша.

– А не продолжить ли наше общение у нас в номере, – предложил Сергей Степанович.

Девицы в знак согласия активно закачали головами, и тогда Сергей Степанович подозвал официанта, рассчитался с ним и заказал в номер бутылку армянского, бутылку шампанского и, так как больше ничего на ...ского не нашлось, лимончик, сыру и пирожные.

В номере началось более близкое знакомство. Мужчин больше не интересовали их биографические данные, но данные антропометрические они решили рассмотреть самым тщательным образом. А смотреть было на что.

Когда спало с плеч Жанны крепдешинное платье и комбинация, под ними оказались обтянутые фильдикосовыми чулками стройные ножки и впечатляющая грудь, прикрытая лифчиком. Грудь была настолько впечатляющей, что Меченосец потребовал срочного скидывания мешающего лифчика. Теперь перед двумя парами мужских глаз открылись два великолепных полушария с вибрирующими сосками. Причем соски были так велики, что у Меченосца от удивления отвисла челюсть.

Белла оказалась немножко посмуглей и капельку поупитанней. Несмотря на свою упитанность, она не смогла сравниться с Жанной ни размером груди, ни округлостью зада.

Но разве дело в округлости, когда перед тобой стоят две обнаженных молодых девицы.

Старый ловелас Сергей Степанович предложил выпить за красоту обнаженного тела. Для этого он подошел к Жанне и, зажав свою рюмку между ее пышных грудей, попытался выпить ее до дна. Меченосец повторил этот прием, используя грудь Беллы.

После этого они поднесли своим девушкам по шампанскому, и пока те осушали бокалы, присосались к их зовущим соскам. И если Жанна стойко выпила свой бокал до дна, то Белла ойкнула и пролила шампанское на свою грудь. Меченосец с большим удовольствием слизал шампанское с женской груди.

Обезумевшая Белла стала срывать одежды с разомлевшего Меченосца, а возбужденная Жанна впиалась губами в полуоткрытый рот Сергея Степановича.

Для эротического танца музыки не понадобилось. Танцующая с обнаженной Белой, Меченосец увел ее в соседнюю комнату, а Сергей Степанович продолжил ласкать Жанну уже в кровати.

Под утро, когда обласканные пары провалились в глубокий сон, какая-то сила подняла Меченосца с дивана и подвела его к кровати, в которой сцепились в объятиях Сергей Степанович и Жанна. Найдя Жаннину ногу, он потянул ее на себя, стараясь стащить Жанну с кровати, но, получив пяткой в лоб, вернулся на свой диван.

Завалившись рядом с Беллой, он попробовал ее растормошить, но злобное мычание охладило его пыл, и он тоже уснул.

Около часу дня первой проснулась Жанна. Она смачно потянулась, посмотрела на спящего Сергея Степановича и, сходя в туалет, прошла в комнату, где нежилась Меченосец с Беллой.

Разбудив Беллу, она попросила ее перейти к Сергею Степановичу, а сама легла под бочок Меченосцу.

Несколько минут она лежала неподвижно, но потом это ей наскучило, и она положила свою руку на живот Меченосца. Меченосец продол-

жал безмятежно посапывать, и Жанна стала водить рукой по груди, животу и ляжкам Меченосца. Меченосец пошевелился, но потом снова затих, и тогда Жанна принялась ласкать тело Меченосца языком и губами, а когда убедилась в том, что спящий Меченосец напряг своего дурачка, осторожно села на него и стала медленно водить своим прелестным задом.

Меченосец начал постепенно выходить из сонного состояния, а, выйдя из него, со всей страстью включился в эротическую игру.

Их нарастающие стоны разбудили Сергея Степановича, он открыл глаза и, обнаружив рядом с собой притихшую Беллу, скинул с нее одеяло и притянул к себе.

– Белла, – прошептал он ей на ушко, – я хочу, чтобы ты меня поласкала.

Услышав просьбу, Белла села на ноги Сергея Степановича и стала ласкать его всеми частичками своего возбужденного тела.

Когда через пятнадцать минут разомлевшие Меченосец и Жанна вошли к ним в комнату, то сначала никак не могли разобраться в хитросплетении тел. Приглядевшись, они все же поняли, что поза вальета доставляет Сергею Степановичу и Белле истинное удовольствие, которому нет смысла мешать.

Не сговариваясь, они прошли в ванную, и теплая струя воды объединила их.

Через несколько минут дверь в ванную отворилась, и возбужденная Белла попросила их как можно быстрее освободить помещение.

Обед они заказали в номер, и пока девицы приводили себя в порядок, мужчины обсуждали план действий на сегодня.

– Что ты думаешь о девицах? – спросил Меченосца Сергей Степанович.

– Девочки что надо, – с жаром ответил Меченосец.

– А не стоит ли от них освободиться? – задал новый вопрос Сергей Степанович.

– Мне кажется, что они еще не весь свой арсенал рассекретили, – сказал Меченосец.

– То есть, ты не против провести с ними еще некоторое время? – спросил Сергей Степанович.

– Конечно, не против, – ответил Меченосец.

– Тогда я оставлю тебя на растерзание этим молодкам, а сам отлучусь часов на пять.

– А куда это ты хочешь намылиться, – спросил Меченосец.

– Мне нужно встретиться с моими ленинградскими корешами, чтобы выяснить у них некоторые детали, – ответил Сергей Степанович.

– Какие еще детали? – насторожившись, спросил Меченосец.

– Слушай, не задавай мне лишних вопросов, – произнес Сергей Степанович, – вот приеду, тогда все и узнаешь.

Через десять минут Сергей Степанович оделся и удалился из номера.

Когда девочки вышли из ванной, они не обнаружили в номере Сергея Степановича, но увидели сервированный стол, на котором стояла супница с харчо, блюдо с жареной курочкой, бутылка шампанского и десерт.

Меченосец открыл бутылку шампанского, разлил по бокалам и попросил, чтобы кто-нибудь из девиц произнес тост.

Подняв свой бокал, Жанна произнесла:

– Милый Павел, сегодня ночью мы с Беллой получили такое наслаждение, которого не получали еще никогда. За вас, дорогие мужчины, за вашу энергию, которой вы так щедро делитесь с нами.

Тост Меченосцу очень понравился и он, прежде чем выпить, поочередно поцеловал в щечку Жанну и Беллу.

Потом был тост за харчо, потом за курочку, а потом Меченосец выдал такой алаверды, после которого у Жанны с Беллой еще долго не закрывались рты.

– Милые девушки, – начал он, – блаженство, в которое окунулись мы сегодня с Сергеем Степановичем, было таким впечатляющим, что решено его продолжить и сегодняшней ночью.

И в этот момент раздалась бурные и продолжительные аплодисменты.

Выдержав паузу, Меченосец снова заговорил:

– Но блаженство не может быть неизменным, так как все повторяющееся начинает быстро приедаться. А, чтобы этого не произошло, предлагаю расшевелить свои фантазии и сделать эту ночь более незабываемой. Я хочу выпить за ваши еще не раскрытые способности удовлетворять.

Вот на этом моменте челюсти наших девиц отвисли, и они вопросительно посмотрели на Меченосца.

Выпив шампанского, Меченосец сказал:

– Я вижу, что с фантазиями дело обстоит не так благополучно, как хотелось бы. Тогда, пока Сергей Степанович отсутствует, я проведу для вас ликбез по обучению некоторым необычным формам и способам удовлетворения партнера. Воздержавшихся нет, против нет, принято единогласно.

Девицы еще не успели закрыть рты, как Меченосец пригласил их в спальню и, усадив Беллу в кресло, начал на Жанне показывать некоторые элементы возбуждающих новинок.

Глядя на них, Белла тоже возбудилась и, запустив свою руку между ног, принялась энергично доводить себя до оргазма. Оргазм у нее получился бурным и продолжительным.

Новые возбуждающие элементы Меченосец показал потом уже на Белле.

Жанна, наблюдавшая за их ласками, тоже не выдержала и присоединилась к ним. Экспериментируя вдвоем, они нашли еще несколько новых форм доведения партнера до эротического безумия.

В общем, когда Сергей Степанович вернулся в номер, наша троица была готова к решительным действиям по продолжению эротического шоу.

Но Сергей Степанович не был склонен к продолжению банкета. Отведя Меченосца в спальню, он попросил его быстро одеться и пойти вместе с ним в одно очень интересное место.

Меченосец был заинтригован предложением Сергея Степановича, поэтому тут же согласился.

Выйдя к девицам, Сергей Степанович сказал:

– Сейчас нам с Павлом необходимо уехать по делам. Вы можете покинуть номер, но можете в нем и остаться. Если вы остаетесь, то я вынужден буду вас закрыть.

Девицы переглянулись и решили все же остаться.

Для них был заказан ужин, и когда его привезли, Сергей Степанович с Меченосцем покинули номер.

Путь их лежал в одно злачное место, где собирались любители карточной игры.

Сегодня от своих корешей Сергей Степанович узнал о том, что два богатеньких мужичка хотят перекинуться в покер в одном из ателье, которое по вечерам превращалось в подпольный игровой клуб. Организовал этот клуб директор ателье по фамилии Шнеерзон.

Ровно в одиннадцать часов вечера Сергей Степанович с Меченосцем перешагнули порог клуба, где их любезно встретил сам Абрам Яковлевич Шнеерзон.

Сергей Степанович уже давно знал прощелью Абрашку, который, кроме того, что был отличным портным, являлся еще содержателем злачного места, имея от посетителей солидные комиссионные.

Игра началась по старой испытанной схеме. Для затравки Сергей Степанович и Меченосец проиграли несколько партий, но потом, до са-

мого утра уже не отдавали инициативы и выиграли у начальника какого-то ОРСа и секретаря парткома одного из заводов солидную сумму.

Щедро поделившись с Абрамом, Сергей Степанович и Меченосец покинули златное место и вернулись в номер гостиницы «Октябрьской».

В номере они застали спящих в обнимку Жанну и Беллу. Чувствовалось, что за неимением мужчин, они удовлетворяли себя сами.

Меченосец осторожно высвободил из объятий Беллу и перенес ее на другую кровать.

Сполоснувшись под душем, он завалился на кровать и прислонился к теплой Беллиной попе. Белла что-то проворчала во сне и вновь затихла. Меченосец провалился в глубокий сон, и приснился ему подобострастный Шнеерзон, который мило улыбался и лез в его карман.

А Сергей Степанович еще долго сидел в гостиной, анализируя прошедшую ночь и игру, которая принесла им значительный барыш.

Только через полчаса Сергей Степанович смог расслабиться и, уткнувшись носом в Жаннину грудь, спокойно уснуть.

Когда часа в два он проснулся, то перед глазами у него проявилась Жаннина прелесть, покрытая чернявыми кудряшками.

– Ничего себе, – подумал Сергей Степанович, – неужели между нами опять что-то было. Иначе, почему я так низко спустился.

Но спустился он вовсе не из-за того, что имел с Жанной какую-то близость, а оттого, что очень беспокойно спал после игры.

– Наверное, стал стареть, – подумал Сергей Степанович, – раньше я переживал только после проигрышей.

А Меченосец с Беллой храпели в соседней комнате, и никакая сила не могла заставить их о чем-то переживать.

– Вот что значит молодость, – подумал Сергей Степанович, – сопят себе в четыре дырки, и хоть бы что.

Он встал, вышел в гостиную, налил себе из бутылки фужер шампанского, не спеша, выпил его и, пройдя в ванную, встал под прохладный душ.

Прохладная вода его немного взбодрила, и он снова вернулся к Жанне под бочок

Не все коту масленица

В компании Жанны и Беллы наши партнеры по картам прожили около недели. В субботу вечером они вновь уехали в подпольный игро-

вой клуб, где в этот раз пощипали какого-то артиста и сына известного в городе гинеколога.

Как Шнеерзон содержал подпольный игровой клуб, так гинеколог в своих апартаментах подпольно делал аборт, и клиенток у него было предостаточно. То есть, гинеколог зарабатывал на этом немалые деньги, а его стильный сынок профукивал эти денежки налево и направо.

Мало того, он приучил к карточной игре своего друга-артиста, и тот все свои гонорары приносил в клуб. Случалось ему и выигрывать, но чаще всего он, все же, проигрывал.

В этот раз, рассчитавшись со Шнеерзоном, наши удачливые партнеры возвратились в гостиницу, не заметив за собой никакой слежки, а гинекологов сынок проводил их до самого порога.

Вечером они вместе с подругами спустились в ресторан и сели за свободный столик. Как обычно, Сергей Степанович заказал бутылку коньяку, бутылку шампанского и бутерброды с семгой и икрой. На горячее, вместо шашлыков, были заказаны котлеты по-ленинградски, а на десерт виноград и мандарины.

Выпив по одной, они закусили бутербродами, и Меченосец пригласил Беллу на медленный танец.

Когда после танца они вернулись к столику, то застали там одну Жанну.

– А где Сергей Степанович? – спросил ее Меченосец.

– А к нему подошел какой-то интеллигентный молодой человек и пригласил его в вестибюль, – сообщила Жанна.

Меченосец, почуяв недоброе, поспешил в вестибюль, но там, кроме работников гостиницы никого не увидел. Тогда он выскочил на улицу, но и там не обнаружил Сергея Степановича.

Постояв на холодке несколько минут, он вернулся в гостиницу и, увидев дверь в туалет, решил посмотреть еще и там.

В туалете он, наконец, нашел Сергея Степановича, который лежал в крови на кафельном полу без движения. Карманы его пиджака были вывернуты наизнанку, а пустое портмоне валялось около ног.

Меченосец наклонился к Сергею Степановичу и убедился в том, что тот все-таки дышит.

Сотрудники гостиницы быстро вызвали милицию и скорую помощь. Медики взялись за Сергея Степановича, а сотрудники милиции стали опрашивать очевидцев этого происшествия. В разряд очевидцев попали Меченосец и две, уже знакомые нам девицы.

Осмотрев Сергея Степановича, бригада скорой помощи перенесла его в машину, и та помчалась в первую городскую больницу.

Следователь опросил сначала Меченосца, потом и девушек. Прощаясь, он попросил их прибыть завтра в отдел для выяснения некоторых обстоятельств.

– Да, – подумал Меченосец, – я опять попал в поле зрения ментов, а это мне сейчас совсем необязательно.

Напуганные девушки быстро смылись из гостиницы, а Меченосец стал выяснять в скорой помощи адрес больницы, куда был доставлен Сергей Степанович.

Вернувшись в номер, он налил себе полный стакан коньяку, залпом выпил его и, закусив ломтиком лимона, уселся в кресло и стал думать о тех подонках, которые обокрали Сергея Степановича.

– Ничего не бывает случайным, – думал он, – значит, кто-то навел грабителей на Сергея Степановича, но кто? Мы здесь, практически, никого не знаем, хотя, что это я говорю за двоих. Сергей Степанович встречался один раз со своими корешами, но кореша здесь не причем. Если бы им нужно было прошвырнуться по его карманам, они не разыгрывали бы сцену с вызовом в вестибюль. Вообще-то, сегодня ночью мне очень не понравился гинекологов отпрыск. Какой-то он весь дерганый и вонючий. Вонючий в том смысле, что вызывающе вел себя с окружающими.

Вспомнив о сынке гинеколога, он еще раз проанализировал всю игровую ночь, слова и жесты игроков.

– Вроде бы ничего подозрительного, – про себя отметил Меченосец, – вот только колющий взгляд сына гинеколога не понравился мне при прощании, было в нем что-то мстительное. А что, сынок гинеколога вполне мог навести на Сергея Степановича кого-то из своих дружков. Нужно будет поподробнее расспросить о нем у Абрама.

На следующее утро он первым делом поехал в больницу, чтобы навестить Сергея Степановича. В больнице ему пришлось ждать полтора часа пока пройдет утренний осмотр, а, кроме этого, вручить медсестре большую коробку шоколадных конфет.

Наконец, он оказался в палате, где лежал Сергей Степанович.

Сергей Степанович уже пришел в себя, его перевязанная голова выглядывала из-под одеяла. Увидев Меченосца, он едва заметно улыбнулся и, указав на стул, предложил сесть.

Меченосец рассказал Сергею Степановичу о своих подозрениях, и тот, без всяких сомнений, согласился с ним.

– Я тоже думаю, что это дело рук сына гинеколога, – согласился он, – вот я очухаюсь, растрясем Шнеерзона, а там решим, что с этим поганцем делать.

Еще немного посидев, Меченосец засобирался к следователю.

– Послушай, – сказал он, – может, сказать следователю о наших подозрениях?

– Да ты что, – засуетился Сергей Степанович, – ты хочешь навести ментов на Шнеерзона?

– Прости, Степаныч, глупость сморозил, не подумав, – извинился Меченосец.

– Ладно уж, извиняю и даже разрешаю тебе в узком кругу называть меня Степанычем, но только в узком кругу, – произнес он.

Потом, немного подумав, он спросил:

– Кстати, а как в узком кругу я могу называть тебя?

– А меня ты можешь называть Меченосцем, – сказав это, Меченосец рассказал Степанычу историю возникновения такой кликухи.

– Ну, что ж, Меченосец, ни пуха тебе, ни пера, пожелал Степаныч Меченосцу.

– К черту, – ответил Меченосец и скрылся за дверью палаты.

Прежде чем идти в милицию, он зашел в домоуправление, где до отсидки работал слесарем, нашел там Антонину Федоровну и передал ей на хранение солидную сумму денег.

– Если все будет нормально, я приду за ними уже сегодня, – сказал он, – а если нет, то жди меня чуть-чуть попозже.

В милиции, узнав о том, что Меченосец совсем недавно вышел по амнистии из лагеря, всполошились, стали наводить о нем справки и, в конечном итоге, посадили в КПЗ.

Когда его вывели из кабинета, он увидел Жанну, которая сидела на стуле и ждала своего вызова.

– Жанна, меня на время задерживают, съезди к Сергею Степановичу в первую городскую больницу и сообщи ему об этом, – успел сказать он ей.

В кабинете следователя Жанна немного стушеввалась, но старалась правдиво ответить на задаваемые вопросы. Во время допроса, точнее, дачи показаний, она не единожды ощутила на своем теле жгучий взгляд следователя.

– Тоже хочешь моего тела, – подумала Жанна, – могу и дать, если выпустишь на волю Павла.

В слух же она дала чистосердечную информацию о Меченосце и Сергее Степановиче, за что и была через час отпущена.

Прямо из милиции она проехала в первую городскую больницу и сообщила Сергею Степановичу о случившемся.

Сергей Степанович больше не стал прохладиться на больничной койке и, убедив лечащего врача, ушел из больницы, хотя голова еще кружилась от малейшего неловкого движения.

Через своих корешей он разыскал шкодливого сынишку гинеколога, и тот раскололся.

А на следующий день они навестили квартиру человека, который оглушил Сергея Степановича в туалете гостиницы.

Милая беседа закончилась тем, что человек не только отдал почти все, украденное у Сергея Степановича, но и пошел с повинной в милицию.

Не будем акцентировать внимание на столь одиозной фигуре, лучше проследим дальнейшие действия наших героев.

Выйдя из милиции, Меченосец предложил Степанычу проехать к Антонине Федоровне,

чтобы забрать оставленные у нее деньги.

Так они и сделали. Купив в гастрономе спиртного и закуски, они завалились в гости к Антонине Федоровне.

Антонина Федоровна, конечно, не ожидала гостей, но с прежней сноровкой накрыла на стол и пригласила незваных, но симпатичных.

Конечно, за семь лет Антонина Федоровна изрядно постарела, но ее живые глаза все также постреливали на мужичков, и в этот раз она чаще смотрела на Сергея Степановича.

А Сергей Степанович, с присущей ему галантностью, ухаживал за ней, называя Тонечкой.

В конце концов, дочерикались они до того, что Антонина Федоровна, она же Тонечка, не отпустила их на ночь гляючи, а постелила им в разных комнатах. Причем Сергея Степановича она уложила на свою кровать, а Меченосца на Викину.

Сама же она убрала со стола и стала дожидаться прихода дочери, которая, так и не выйдя замуж, пропадала где-то по вечерам.

Сергей Степанович немного полежал в одиночестве, а потом вышел в гостиную и, к радости Тонечки, пригласил ее в постель.

Антонина Федоровна написала для дочери бумажку, в которой сообщала ей о приезде Павла со товарищем и, сполоснувшись в душе, поспешила в объятья Сергея Степановича.

Меченосец в это время уже похрапывал в Викиной постели.

Пришедшая домой Вика сначала слышала частые придыхания, доносившиеся из комнаты матери, потом прочитала записку, оставленную ей и только после этого увидела разобранный диван.

– Нет уж, – подумала Вика, – я буду спать на своей кровати.

Смыв под душем дневные тревожнения, она прошла в свою комнату и, подвинув Меченосца, завалилась рядом с ним.

Уже много за полночь Меченосец повернулся на другой бок и, нащупав ладный зад Вики, пристроился к нему. Вика даже не поверну-

лась к нему, она только чуть-чуть приподняла правую ногу, чтобы нога Меченосца могла просунуться между ее ног.

Через некоторое время ее все же раззадорило, и она сначала медленно, потом все активней стала подмахивать Меченосцу.

Утром раньше всех проснулась довольная Антонина Федоровна. Поцеловав в щечку Сергея Степановича, она встала и, пройдя на кухню, стала готовить фирменный завтрак, в который входили тушеные в сметане голубцы и фирменный омлет. А уж кофе лучше ее вообще никто из знакомых приготовить не мог.

На столе опять появилась бутылка коньяку и бутылка любимого Антониной Петровной портвейна.

Через час проснулся Сергей Степанович. Выйдя из комнаты, он нашел на кухне Антонину Федоровну и, поблагодарив ее за приятную ночь, прошел в ванную.

И только через полчаса в гостиной появились заспанные Меченосец и Вика.

За столом завязался оживленный разговор и, как не хотела Антонина Федоровна, но ей пришлось рассказать о той женщине, с подачи которой упекли Меченосца за колючую проволоку.

После того случая, муж стал постоянно колошматить ее и, не выдержав оскорблений, женщина куда-то уехала. Что с ней сейчас никто не знает, да и не интересуется. С женщины разговор перешел на дела текущие, а выпитое спиртное кой-кому ударило в голову.

У Вики после третьей язычок вообще развязался, и она стала катить бочку на Меченосца.

– Как ты мог с нами так поступить, – повысив голос, сказала она, – мы тебя обогрели, а ты нам такую подлянку подложил.

Видя Викино состояние, Меченосец не стал оправдываться. Зная, что пьяную Виду остановить не удастся, он предложил Сергею Степановичу прогуляться по воскресному Ленинграду.

Антонина Федоровна, соорудив Сергею Степановичу глазки, напросилась пройти с ними по заснеженному городу.

А на улице чувствовалось предновогоднее оживление. Кутаясь от промозглого мороза, люди носились по магазинам в поисках подарков. То там, то здесь были видны елочные базары, с которых озабоченные ленинградцы растаскивали лесных красавиц.

– Павел, а где мы с тобой будем встречать Новый год? – спросил Сергей Степанович.

Меченосец не успел ответить, потому что его опередила Антонина Федоровна:

– Сергей Степанович, я буду очень рада, если Новый год вы встретите в моей квартире.

Сергею Степановичу было очень приятно это предложение, но он все же спросил у Меченосца:

– Ну, как Павел, встретим новый год у Тонечки?

– Я бы встретил, да только Вика опять разнервничается, – ответил он.

– Ничего она не разнервничается, – категорично сказала Антонина Федоровна, – это у нее портвейн заговорил.

– А шампанское у нее не заговорит? – спросил Меченосец.

– Нет, от шампанского она делается мягкой и ласковой, – ответила Антонина Федоровна.

– Ну, посмотрим, – неопределенно сказал Меченосец.

Проводив Антонину Федоровну до дома, Степаныч с Меченосцем поехали в гостиницу «Москва», чтобы в ближайшие дни именно из нее начинать свои ленинградские похождения.

Утром Степаныч вновь поехал к своим корешам, чтобы рассчитаться с ними за оказанную помощь, а Меченосец, вспомнив о Татьяне, решил зайти в известный ему гастроном.

В гастрономе Татьяну он не увидел и тогда решил прогуляться до дома на Литейном проспекте.

Простояв возле дома около часу, он все-таки решил войти в подъезд и, поднявшись на второй этаж, позвонил в знакомую дверь. За дверью долго не открывали, наконец, послышались чьи-то шаркающие шаги, и дверь отворила пожилая женщина, в которой Меченосец с трудом узнал Ангелину Ивановну.

Ангелина Ивановна посмотрела на Меченосца старческими глазами и спросила:

– А Вы к кому, молодой человек?

– Ангелина Ивановна, а Вы меня не узнаете, – спросил Меченосец.

Ангелина Ивановна еще внимательней присмотрелась к Меченосцу и вдруг воскликнула:

– Никак гуляка явился.

– Вы меня простите, Ангелина Ивановна, я много лет отсутствовал в Ленинграде, – сообщил он, – поэтому не мог раньше навестить Вас.

– Наверное, сидел за свои проделки, – предположила Ангелина Ивановна, потом опомнилась и пригласила, – заходи, в ногах правды нет.

Меченосец осторожно вошел в коридор, потом вслед за Ангелиной Ивановной проследовал на кухню.

Ангелина Ивановна подставила ему табурет, а сама захлопотала возле керосинки.

– Ну, рассказывай, где был, что делал, Павел. Тебя, кажется, так зовут? – спросила она.

– Ох, и память у Вас, – похвалил ее Меченосец, – а где же теперь Татьяна?

– Татьяна уехала к себе на родину, там у нее, кажись, мама умерла, – сообщила Ангелина Ивановна.

Чайник в это время на керосинке закипел, и Ангелина Ивановна разлила чай по стаканам.

Тут же на столе появилось малиновое варенье и колобки, которые она и раньше пекла в большом количестве.

– А что же не спрашиваешь о Светочке? – усевшись на стул, спросила Ангелина Ивановна.

– Да как-то неловко, – ответил Меченосец.

– Детей делать ловко, а как ответ держать неловко, – забрюзжала Ангелина Ивановна.

– Каких таких детей, – изумился Меченосец.

– Каких детей, – продолжила свое брюзжание Ангелина Ивановна, – а все таких же. У Светочки после тебя сыночек родился. Теперь уж шестой годок пошел.

– Как, – воскликнул Меченосец, – у меня есть сын?

– Есть, Павликом кличут, – сообщила Ангелина Ивановна.

– Значит, Павел Павлович, – обрадовавшись, произнес Меченосец.

– Выходит, что так, – уже мягче произнесла Ангелина Ивановна, – только тяжело ей одной-то. Я, как могу, конечно, помогаю, но какая из меня помощница.

– А где же Светочка сейчас? – опять спросил Меченосец.

– На работе, где же ей еще быть. А мальчонка в садике, – добавила она, – ей, как матери–одиночке, дали место в садике.

– Значит, вот оно как обернулось, – в задумчивости произнес Меченосец.

– Значит так, – согласилась с ним Ангелина Ивановна, – только ты, если пришел просто так, лучше не появляйся Светочке на глаза, а то разбредишь ее душу, а потом в кусты.

– Да, Ангелина Ивановна, это известие, как обухом по голове, – сказал Меченосец, – мне его надо осмыслить, а потом решение принимать.

– Вот-вот, сначала осмысли, а потом уж и приходи, – в очередной раз посоветовала Ангелина Ивановна.

Быстро допив чай, Меченосец простился с Ангелиной Ивановной и выскочил на лестничную площадку.

– Вот ведь как, – думал он, – пока я лес валил, у меня сын народился. И назвала она его в мою честь, значит, действительно, любила. А почему любила? Может быть, и сейчас еще любит и ждет.

От этих мыслей настроение у него окончательно испортилось и, чтобы его хоть как-то поправить, он зашел в забегаловку и, заказав себе двести грамм водки, уселся за свободный столик.

Выпив стопку, он продолжил свои размышления:

– Интересно, в кого мой сынишка, в мать или в меня. Если в мать, то будет умным, если в меня, то быть ему здоровяком. Нет, я должен обязательно его увидеть.

Подумав об этом, Меченосец допил залпом оставшуюся водку и быстро вышел в морозный воздух.

– Я должен обязательно его увидеть, я должен обязательно его увидеть, – безостановочно бормотал он, двигаясь в направлении дома на Литейном. Но возле дома его решительность куда-то исчезла. Войдя во двор, он постоял в нерешительности возле подъезда, потом оглянулся и, увидев скамейку, направился к ней. Посидев на скамейке минут десять, он поднялся и хотел уже уходить, как во дворе появилась стройная женщина, к руке которой прицепился краснощекий мальчуган.

В женщине Меченосец тут же признал Светочку. Теперь он внимательно посмотрел на мальчика.

– Мальчонка, действительно, похож на меня, – подумал он, – вон какой крепенький, да румяный. Вот он, мой сын, а я не решаюсь его оставить. Нет, сейчас подойду и возьму его на руки.

Пока он размышлял, малыш и женщина скрылись в подъезде.

Меченосец сделал несколько шагов в сторону подъезда, но потом остановился и, повернув назад, поспешил со двора.

Вечером Степаныч застал Меченосца в подавленном состоянии. Тот сидел за столом, на котором стояла початая бутылка водки и тарелка с бутербродами.

– Меченосец, да на тебе лица нет. Что-то случилось? – спросил Степаныч.

Меченосец поставил на стол стакан с водкой и, повернувшись к Степанычу, произнес:

– Степаныч, оказывается, я уже больше пяти лет, как отец, – признался он.

– Отец, – переспросил Степаныч, – так этому радоваться надо.

– Вот я и радуюсь, – с горечью произнес Меченосец и опять потянулся за стаканом.

Степаныч отставил стакан подальше от края и воскликнул:

– Ты что это куксишься. Ну-ка соберись. Да если бы у меня сын родился

– Если бы, да кабы, – перебил его Меченосец, – я сегодня увидел своего сына и не подошел к нему. Я, Меченосец, поступил, как самый последний трус. Кого испугался? Сына своего испугался.

– Ну, не убивайся ты так, – попытался успокоить Меченосца Степаныч, – завтра пойдешь к сыну, возьмешь его на руки, и все будет тип-топ.

– Ты так думаешь? – неуверенно спросил Меченосец.

– Не думаю, а знаю, – уверенно произнес Степаныч.

– Тогда давай выпьем, – предложил Меченосец.

– А тебе не многовато ли будет? – поинтересовался Степаныч.

– Обижаешь, – произнес Меченосец, – ты же знаешь, что для меня поллитра, что для слона дробина.

– Ну, если так, тогда наливай, а я пока руки помою, – согласился Степаныч.

Вернувшись из ванной, Степаныч сел за стол и, взяв стакан, сказал:

– Меченосец, это великое счастье иметь детей, иметь свою кровинушку. Давай выпьем за продолжение твоего рода.

Они выпили, и Степаныч рассказал Меченосцу печальную повесть, которую я хочу довести до читателя без купюр и причесывания.

Исповедь Степаныча

Родился я на Волге, в старинном белокаменном городе.

Еще в пятом классе влюбился я в одну девчонку, которая жила в соседнем подъезде. Была та девчонка на год младше меня, и звали ее Таней. Мне она казалась очень красивой и ухоженной девочкой. Отец ее работал режиссером местного театра, а мать заведующей библиотекой.

Таня была единственным ребенком, и родительская любовь полностью переносилась только на нее. Она никогда и ни в чем не нуждалась. Более того, все лучшее доставалось ей, да и было за что. Училась Таня только на хорошо и отлично, а после школы ходила заниматься в балетную студию. Я нередко провожал ее до дома, но так, чтобы она этого не замечала.

Долго незамеченным такое провожание остаться не могло, и в один из дней Таня дождалась, пока я поравнялся с ней, и спросила:

– Скажи, а ты долго еще за мной ходить будешь?

– Да я, в общем-то, и не хожу за тобой, – промямлил я.

– Ты думаешь, я слепая, – опять спросила Таня.

– Ничего я не думаю, – произнес я, – просто у меня это непроизвольно получается.

– Интересно, каждый раз идешь за мной и вдруг непроизвольно, – с издевкой произнесла Таня.

Я густо покраснел и, чтобы скрыть свою красноту, резко повернулся и убежал, но в следующий раз я опять ждал Таню возле балетной студии.

В этот раз, увидев меня, Таня нисколько не удивилась. Подойдя ко мне, она произнесла:

– Ты опять нечаянно пришел?

И тут меня словно черт за заднее место ущипнул. Я смело посмотрел Тане в глаза и воскликнул:

– Таня, ты можешь надо мной смеяться, но я буду приходить сюда всегда.

– Зачем же над тобой смеяться, – серьезно сказала Таня, – если хочешь, приходи.

– А можно я сегодня тебя провожу, – совсем осмелел я.

– Конечно, проводи, – как-то уж очень быстро согласилась она.

И мы пошли с ней по широкой улице, засаженной пахучими липами. Был апрель, и листочки из набухших почек только-только проклюнулись. Ожившие воробьи повсюду чирикали в предвкушении скорого прихода теплых майских дней, а заботливые вороны отыскивали на земле липовые или тополиные ветки и мастерили из них большущие гнезда.

Ручейки совсем недавно отзвенели, и только большие лужи напоминали прохожим о том, что еще вчера первый апрельский дождь смыл с земли последние льдинки, а скупое на тепло солнце уже успело подсушить асфальт.

До одной из таких луж мы шли, не проронив ни слова, а когда перед нами нахально развалилась эта самая лужа, я протянул Тане руку и сказал:

– Давай помогу, а то тебе будет трудно перепрыгнуть через лужу.

И Таня, мило улыбнувшись, протянула мне руку.

После лужи мы разговорились, и я узнал, что литература является ее самым любимым предметом, что зимой она любит кататься на коньках, а летом ездить в деревню к бабушке.

Я, в свою очередь, рассказал ей о моих увлечениях футболом летом и хоккеем зимой, и про то, что любимым предметом для меня является математика.

На этом наше первое свидание и закончилось, но с этого дня мы стали встречаться с Таней каждый день.

Жил я только с мамой, и каждая копейка у нас была на счету.

Чтобы сводить Таню на какой-нибудь интересный фильм, да еще с эскимо, я собирал пустые бутылки и, отскоблив с них этикетки, сдавал в приемный пункт. Иногда эти бутылки приходилось доставать из дворовых помоек, которые насквозь провоняли мочой и экскрементами, но чего не сделаешь, ради любви.

Но вот наступило лето, и Таня, действительно, уехала к бабушке. Я до июля слонялся по двору, вспоминая Таню, а в июле уехал в пионерский лагерь по путевке, которую достала мне мама.

В середине августа я снова увидел загорелую и подростую Таню. Мне показалось, что она тоже очень обрадовалась, увидев меня.

Мы пошли на волжский берег, и она с великой радостью рассказала мне о том, как помогала бабушке кормить корову, поросят и курочек, как пила каждое утро парное молоко, ела вкуснейший омлет и запивала вишневым киселем блинчики. Она так смачно об этом говорила, что у меня невольно потекли слюнки, и я воскликнул:

– Таня, только не о таких вкусностях. У меня от этого голова кругом идет.

И тогда Таня перестала рассказывать о деревенских деликатесах и поведала мне о том, как она с подружками ходила в лес по ягоды и принесла домой целое лукошко земляники.

Увидев мою сморщившуюся физиономию, она сказала:

– Ой, извини, я, кажется, опять о вкусном.

– Ничего, – сказал я, – о ягодах можно.

– Если о ягодах можно, то я расскажу тебе, как мы малину собирали, – сказала она и во всей красе поведала о том, как собирала малину больше в рот, чем в лукошко.

– А впрочем, не буду вдаваться в такие детали, а то и недели не хватит, – опомнился Степаныч, – расскажу только об основных моментах.

В общем, на мою любовь Таня ответила взаимностью, но вот ее родители неоднозначно восприняли это известие. Ее мама еще как-то пыталась войти в душевное состояние дочери, но ее отец был категорически против любого общения со мной.

– Как так, – говорил он, – моя дочь общается с каким-то оборванцем.

Но, несмотря ни на что, мы продолжали встречаться, целуясь до умопомрачения, но, не решаясь дойти до самого главного.

И тут нарисовался какой-то слащавый Петух, которого родители стали настойчиво навязывать Тане в качестве друга. Отец у этого Петуха работал каким-то начальником в Облисполкоме, а мать была восторженной театралкой. На любви к театру и сошлись родители Тани и Петуха. Дружба семьями должна была перерасти в родственные отношения, и для этого с обеих сторон делалось все возможное.

Если Петух с родителями приходил к ним в гости, то Таня обязательно должна была оставаться дома. А еще она была обязана вместе с родителями ходить с ответным визитом.

В общем, с каждым днем мы стали встречаться все реже и реже.

После школы я пошел работать на моторный завод, так как сидеть на мамином иждивении мне было неловко. Дело даже не столько в неловкости, сколько в том, что маминой зарплаты нам стало катастрофически не хватать. А почему я выбрал моторный? Во-первых, потому что там уже работал мой дворовый друг, а, во-вторых, потому, что платили там больше, чем на других предприятиях.

С первой полочки я купил маме столовую скатерть, о которой она мечтала уже не один год, а Тане флакончик духов.

Обрадованная мама тут же постелила подаренную скатерть на стол и, усевшись на стул, стала ей любоваться. Милая мама, она так искренне радовалась, что я готов был делать такие подарки каждый день, или каждую неделю, но только раз в месяц мне все же удавалось ей хоть что-нибудь подарить.

Мне показалось, что Тане духи тоже понравились. Она при мне открыла флакончик и, помочив пальчик, помазала им за ушами.

Вкуснее запаха я еще нигде не ощущал. Мне даже показалось, что Таня за эти самые мгновения стала значительно взрослей. В порыве нежности я обнял Таню и закружился с ней, не заметив, как к подъезду подкатила машина с Таниными родителями.

Ее отец, выйдя из машины, грозно произнес:

– Таня, марш домой.

Потом подошел ко мне и сказал:

– Чтобы впредь я больше не видел тебя возле Тани.

На мой вопрос: «Почему», он не удосужился ответить, а только гневно на меня посмотрел.

Я стоял, как оплеванный, возле подъезда, и мне казалось, что все прохожие смотрят на меня с укоризной, а, может быть, и с презрением.

Найдя своего друга, я в первый раз напился до чертиков. Не помню, как я добрался до дома, но первое, что я утром увидел, был мамин страдальческий взгляд. Как плохо мне ни было, я вскочил и, даже не умывшись, выскочил во двор. Всю дорогу до завода я проклинал себя за свою слабость, за то, что ни за что, ни про что, обидел самого дорогого мне человека.

Две недели мы с Таней не виделись. В конце концов я не выдержал и постучался в дверь их квартиры. Дверь мне открыла Танина мама, которая на вопрос: «А можно Таню», мне сказала следующее:

– Молодой человек, Вам не стоит больше приходить в этот дом. Сказав это, она с шумом захлопнула дверь.

Наступил 1933 год, а затем и день моего призыва в Красную армию. В поношенной фуфайке, побритый наголо я стоял в толпе таких же призывников и с надеждой смотрел на калитку военкоматовского двора. И я увидел ее, мою милую Таню. Она вбежала во двор, пытаясь отыскать меня в суетящейся массе. Наконец, она меня увидела, подбежала и бросилась мне на шею. Она зарыдала так, что сердце мое чуть не выскочило из груди. Она плакала и сквозь слезы причитала:

– Все будет хорошо, все будет хорошо, ты только возвращайся.

Я в беспамятстве целовал ее заплаканные щеки, ее милые глаза и повторял:

– Ты только жди, ты только меня жди.

А потом была команда: «По машинам», и наш город растаял в туманной дымке на целых три года.

Почти все это время мы переписывались с Таней. Почему «почти», да потому, что за три месяца до моей демобилизации письма от Тани приходить перестали. Ты даже представить себе не можешь, что творилось со мной все эти месяцы. Я гнал время и не переставал писать, надеясь на то, что Таня все равно мне ответит. Но до самого дембеля я писем так и не дождался.

Приехав после демобилизации на родину, я узнал о том, что Таню насильно выдали замуж за Петуха, а письма, которые приходили в Танин адрес, ее мать выбрасывала на помойку.

Таня в это время уже училась на третьем курсе медицинского института, сделав свой выбор наперекор желаниям родителей, которые хотели видеть ее актрисой.

Я опять пошел на моторный завод, и через полгода меня сделали бригадиром. Таня избегала встреч со мной, а я все тешил надежду вновь сблизиться с ней. И наши встречи, действительно, возобновились. Мы стали украдкой встречаться то у меня дома, то в кинотеатре на вечернем сеансе, а один раз я даже пригласил ее в ресторан. И лучше бы я этого не делал.

Этот вечер нас вновь надолго разлучил.

Мы не успели с Таней выпить по второй, как в ресторане появился Петух со своими лощеными дружками. Не заметив нас, они сели за свободный столик и, заказав выпивку и закусок, стали о чем-то весело переговариваться. Заметив Петуха, Таня несколько раз порывалась встать и уйти, но я удержал ее на месте. А Петух заметил нас в тот момент, когда проходил мимо нашего столика, чтобы пригласить на танец какую-то девушку.

Увидев Таню, он подошел к ней и нервно воскликнул:

– Ты что здесь делаешь, женушка. Ну-ка, марш домой.

Таня хотела встать, но я удержал ее и, поднявшись со стула, вежливо спросил:

– А не пора ли тебе самому идти баиньки?

И туг Петух как заверещит:

– Мало того, что он мою жену обхаживает, так еще и меня оскорбляет.

Естественно, что ему на помощь бросились разодетые дружки. Они стали так активно размахивать своими кулачками перед моим носом, что я не выдержал и прошелся по их слащавым мордам своим кулаком. Меня, естественно, повязали и отвезли в КПЗ.

Было заведено дело, которое раздули из, казалось бы, ничего. Сви-детели в один голос заявили, что я напал на этих прохвостов с ножом и кого-то даже покалечил. В общем, упекли меня на целых пять годов.

После того, как меня посадили в тюрьму, Таня ушла от Петуха и в первом же письме обрадовала меня известием о том, что беременна вот уже целых два месяца, и что этот ребенок мой.

– Вот это подарок, вот это подарок, – шептал я, читая эту приятную новость. Из радостного состояния меня вывело настойчивое постукивание по плечу моего соседа по камере.

– Послушай, – сказал он, – может, хватит причитать. Подарок, подарок, заколебал уже.

Я отвернулся к стене и, прижав исписанный листок к груди, попытался представить мою Таню с выпуклым животиком. Располневшая и счастливая Таня шла мне навстречу и улыбалась своей чудесной улыбкой. Правда, через некоторое время она расплылась в моем воспаленном воображении.

Еще через семь месяцев мне пришло известие, что Таня родила мальчика и назвала его Сергеем.

А потом началась война, штрафной батальон и я только чудом смог выбраться живым из этой всепожирающей мясорубки.

Вернувшись на родину, я узнал о том, что моя любимая Танька ушла на фронт в первые дни войны, и полевой госпиталь, где она работала, был уничтожен фашистской авиацией.

Постаревшие Танины родители проживали в той же квартире вместе с восьмилетним внуком Сергеем, моим родным сыном Сергеем Сергеевичем. Только по паспорту он имел фамилию и отчество Петуха.

Встретившись с родителями, я показал им Танины письма, но они даже и слышать не хотели о том, что Сергей – мой сын.

Мои просьбы и уговоры мне никак не помогли, ничего, кроме раздражения я не прочел в их глазах, а ведь сын, как две капли воды, был похож на меня.

На следующий день я уехал из родного города и в Ленинграде встретился со своими корешами.

Те напомнили мне о моих шулерских способностях, и я вошел в роль кидалы, из которой до сих пор не могу выйти. Одно утешение, что кидаю я, как правило, жуликов и проходимцев. Но от этого легче не становится.

Закончив свое невеселое повествование, Степаныч затих, уставившись покрасневшими глазами в пол.

Меченосец несколько минут сидел молча, стараясь не мешать напарнику, потом наполнил стаканы и, тронув Степаныча за плечо, произнес:

– Степаныч, а давай выпьем за то, чтобы ты, в конце концов, смог встретиться с сыном.

Они выпили, и Степаныч сказал:

– Я тебе рассказал это не только потому, что хотел выговориться, но еще и потому, чтобы ты хорошенько подумал и все-таки встретился со своим сыном и женщиной. Ведь эта женщина носила у себя под сердцем твою кровинушку.

Встреча с сыном

После откровений Степаныча, Меченосец часа три проворочался в своей кровати и только под утро смог как следует уснуть.

Проснувшись, он разбудил крепко спящего Степаныча и сообщил ему о том, что сейчас же пойдет и встретится со Светочкой.

Не отошедший ото сна Степаныч сначала не понял о чем идет речь, потом опомнился и пожелал ему «ни пуха, ни пера».

Было воскресенье, и Светочка с сыном еще не жились в постелях, когда раздался звонок в дверь.

Светочка нащупала ногами свои потрепанные шлепки и заторопилась в коридор, чтобы открыть дверь раннему гостю.

Увидев за дверью мужчину, она автоматически спросила его:

– А Вы к кому?

Меченосец робко улыбнулся и произнес:

– К тебе, Светочка, к тебе.

Светочка протерла заспанные глаза, внимательно присмотрелась к мужчине и, узнав Меченосца, воскликнула:

– Павел, какими судьбами?

– Может, ты все-таки разрешишь мне войти? – спросил Меченосец.

– Да, конечно, – опомнилась Светочка, – входи, только давай пройдем на кухню.

– Хорошо, – согласился Меченосец и пошел вслед за ней на знакомую кухню.

На кухне Светочка засуетилась возле керосинки, а Меченосец молча сидел и внимательно разглядывал женщину, которая когда-то отдалась ему каждой частичкой своего молодого тела. Сегодня ее тело уже не было таким же молодым, но фигурка все равно притягивала мужские взгляды.

Разлив по чашкам чаю, Светочка, наконец, присела и повторила свой вопрос:

– Так каким это ветром тебя занесло в наши края, Павел?

Меченосец отхлебнул из чашки горячего чая и рассказал Светочке все его недавние похождения.

Конечно, он ни словом не обмолвился о тех женщинах, которых за это время переласкал и которыми сам был в полной мере обласкан. А вот о том, что, по недоразумению, был отправлен в места не столь отдаленные, он Светочке поведал, правда, причину попадания в эти места он представил Степанычеву. Изменил он в истории Степаныча только то, что подрался в ресторане из-за друга, которого очень сильно уважал.

Светочка сначала с некоторым недоверием слушала повествование Меченосца, но услышав про условия, в которых тот находился в последнее время, смягчилась и с искренним сочувствием дослушала его исповедь.

Во время рассказа он несколько раз повторял, что все эти годы думал о ней и благодаря этому только и выжил.

Когда Светочка в третий раз услышала эту фразу, на глазах у нее появились слезы, и она, вынув из кармана халата платок, зашмыгала своим курносым носиком.

Очередное шмыганье носом перебил вошедший на кухню сынишка:

– Мама, ты почему плачешь?

Светочка торопливо вытерла слезы и произнесла:

– Это от радости Павлик.

– А чему ты радуешься? – с недоумением спросил Павлик.

– А тому, что твой папа приехал, – ответила Светочка.

Павлик хмуро посмотрел на незнакомого мужчину, потом подошел к маме и, обняв ее, спросил:

— Это тот папа, который был на ответственном задании за границей?

Светочка густо покраснела, взглянула на Меченосца и утвердительно кивнула головой.

— Вон ведь, значит, как, — подумал Меченосец, — оказывается, я ответственный задание выполнял. Ну, что ж, нужно будет этому соответствовать.

В слух же он сказал:

— Павлик, сынок мой, здравствуй.

Сказав это, он попробовал обнять Павлика, но тот отстранился от незнакомого дяди.

Тогда на помощь Меченосцу пришла Светочка:

— Что же ты, сынок, своего папу испугался.

— Никого я не испугался, — нахмурившись, сказал Павлик.

— Если не испугался, тогда подойди к папе, — подтолкнула она Павлика, — видишь, как папа соскучился по тебе.

Павлик нехотя подошел к Меченосцу, и тот, погладив его по голове, сказал:

— Хороший мальчик, весь в папу.

Потом был совместный завтрак, после которого они оделись и вышли на прогулку. Меченосец предложил им пройтись до гостиницы, чтобы забрать там свои небольшие пожитки. Кроме того, Меченосцу очень хотелось показать Степанычу Светочку и сына.

Степаныч, действительно, оказался в номере. Увидев Меченосца с женщиной и ребенком, он сразу понял, что у того все складывается самым лучшим образом.

Посоветовав им немного посидеть, он сходил в магазин и вернулся оттуда с бутылкой шампанского, бутылкой лимонада, с разными пирожными и конфетами.

У Павлика от вида такого количества сладостей закружилась голова, потекли слюни, и он жадно взглотнул.

Поймав восхищенный взгляд Павлика, Степаныч протянул ему пирожное. Павлик в нерешительности отступил, но после маминого разрешения, охотно взял пирожное из рук Степаныча. Ну, какое же оно было вкусное, просто язык в пору проглотить.

А когда все уселись за стол, Степаныч поднял бокал и произнес:

— Я хочу выпить за то, чтобы, найдя друг друга, вы теперь никогда не расставались.

Меченосец со Светочкой с радостью поддерживали этот тост, а Павлик с еще большей радостью потянулся к новому пирожному.

Второй тост был произнесен Степанычем за прекрасную Светлану, которая одна смогла вырастить такого замечательного сына.

Меченосец, уже в который раз удивившись красноречию Степаныча, с удовольствием чокнулся со Светочкой и выпил прохладное шампанское. Павлик в это время засунул в рот сразу две шоколадных конфеты.

Третий тост был посвящен Павлику, и в этот раз, мальчик взял стакан с лимонадом и чокнулся с каждым из взрослых. Это символическое чоканье красноречиво свидетельствовало о том, что контакт между взрослыми и ребенком состоялся.

На прощание Меченосец пожелал Степанычу всего самого хорошего, а Светочка пригласила его в гости, сообщив ему адрес. Павлик же, не переставая смаковать конфету, поблагодарил Степаныча за сладости и сказал, что они ему очень понравились.

Оставшись в притихшем номере, Степаныч подошел к окну и посмотрел на купола Александрo-Невской лавры.

– Ну вот, Меченосец нашел свое счастье, – подумал он, – а я когданибудь отыщу свое?

Уже в который раз грусть навалилась на него тяжелым грузом, и он никак не мог ее перебороть. Вернувшись к столу, он наполнил бокал коньяком, хотел выпить до дна, но только чуть-чуть пригубил. Вдохнув полной грудью, он распрямился и решительно произнес:

– Завтра же поеду в родной город и постараюсь увидеть там своего сына. Правильно, Степаныч, езжай скорей на Волгу, там теперь твое счастье.

А Меченосец в это время, гордо подняв голову, шел по Старо-Невскому проспекту в сторону площади Восстания. С одной стороны за него прицепилась улыбающаяся Светочка, а с другой за руку держался напичканный сладостями сын Павлик.

– Неужели, это и есть настоящее счастье, – думал про себя Меченосец.

Думая о счастье, он то и дело посматривал то на Светочку, то на Павлика, а то и на прохожих, которые улыбались им, наверное, оттого, что в этот момент соприкасались с их семейным счастьем, соприкасались и были рады этому счастью.

Дай-то, бог, дай-то, бог.

Семейный Новый год

Вечером этого же дня Меченосец со Светочкой накрыли на кухне стол и пригласили к нему Емельяныча и Ангелину Ивановну.

Прошедшие годы наложили свой безжалостный отпечаток и на Емельяныча. Какая-то неестественная утомленность была заметна и в его движениях, и в его взгляде.

Правда, когда Емельяныч увидел на столе бутылку водки, глаза его стали живенькими, и весь он как-то приосанился.

– В честь какого-то праздника сервирован этот кухонный объект? – с ученой напыщенностью произнес Емельяныч.

– Ты, старый, видать, совсем ослеп, – заворчала Ангелина Ивановна, – неужели не видишь, что Павел приехал.

Емельяныч внимательней посмотрел на мужчину и, узнав Павла, хитро улыбнулся:

– Неужто, блудный сын вернулся?

Потом еще хитрей посмотрел на Павла и уточнил:

– Вернее не сын блудный, а просто блудный.

Обидевшийся Меченосец собрался ему ответить, но Светочка вовремя остановила его и принялась активней усаживать за стол Ангелину Ивановну и Емельяныча:

– Ангелина Ивановна, вы садитесь рядом с Павлом, а тебя, Емельяныч, я посажу рядом с собой.

– С удовольствием присяду рядом с молодухой, – согласился Емельяныч, – авось и сам помолодею маненько.

– Куда уж тебе молодеть-то, – заворчала присевшая Ангелина Ивановна, – песок кучами сыплется, а все туда же.

Когда гости уселись, Меченосец наполнил мужские стопки водочкой, а женщинам налил в стаканы портвейну.

Над столом нависла гнетущая минута молчания, которую нарушила Ангелина Ивановна:

– Ну, что это вы приутихли. Водка налита, значит надо ее выпить, – ворчливо произнесла она, – давайте выпьем за возвращение Павла, теперь у нас в квартире Павлов-то прибавилось.

Они выпили за возвращение, и в ход пошла приготовленная Светочкой нехитрая закуска.

К нехитрой закусточке относились отварная картошка, селедочка с лучком, соленые огурцы, да сыр, нарезанный тонкими ломтиками.

Закусив, любопытствующий Емельяныч задал свой первый вопрос:

– А где ж это ты пропадал-то, Павлуша?

Меченосец посмотрел на Светочку, и, заметив в ее взгляде тень испуга, ответил:

– А я, Емельяныч, как хороший специалист, был откомандирован в Сибирь для оказания помощи местным товарищам.

– А чтой это ты местным товарищам подсоблял, – ехидно спросил Емельяныч.

– А то и подсоблял, что участвовал в строительстве металлургического комбината, – не моргнув глазом, соврал Меченосец.

– И давно это ты в металлурги-то записался? – опять домогался Емельяныч.

– А сразу после того, как меня отсюда вежливо попросили съехать, – уже увереннее ответил Меченосец.

– А мне показалось, что ты сам этого очень желал, – не унимался Емельяныч.

– Перекрестись, чтобы больше тебе этого не казалось, – нервно посоветовал Меченосец.

Не обращая внимания на резкий тон Меченосца, Емельяныч хотел задать свой следующий вопрос, но Светочка перебила его:

– Емельяныч, а давай-ка лучше еще выпьем.

– Выпить, это мы можем, – оживился Емельяныч, – вот только я думаю, за что.

– Ох, и вредный ты, Емельяныч, – вступила в разговор Ангелина Ивановна, – нужно радоваться, человек к сыну вернулся, а ты все норовишь ехидничать.

– А я и не ехидничаю, – обиделся Емельяныч, – я просто интересуюсь, разве неинтересно поговорить с умным человеком, которого не видел уже много лет?

– А ты сначала дай человеку осмотреться, а потом и любопытствуй, – посоветовала Ангелина Ивановна.

– А ежели мне не терпится. Вот я увидел Павла и обрадовался. А почему обрадовался, да потому, что в нашем бабском обществе на умные темы и поговорить-то не с кем, – заявил Емельяныч.

– Вот тебе и приехали, – возмутилась Ангелина Ивановна, – столько лет прожила, и дурой себя не считала, а тут на тебе.

– А ты, Ивановна, не обижайся, – поторопился успокоить ее Емельяныч, – разве я тебя дурой назвал. Вы, бабы, совсем не дуры, но мыслите не масштабно.

Сказав это, Емельяныч победоносным взглядом осмотрел всех присутствующих и, взяв стопку, произнес:

– За тебя Павлуша, только теперь Светочку не обижай.

– Не буду, – пообещал Меченосец и одним глотком опорожнил свою стопку.

Чтобы хоть как-то отвлечь Емельяныча, Меченосец запел:

– Живет моя красotka.....

Услышав знакомые слова, Емельяныч расправил плечи и во весь голос затянул: «... в высоком терему...».

Ангелина Ивановна со Светочкой тоже подхватили припев, и из кухни во двор стали вырываться слова разудалой старинной песни.

Закончив петь, Меченосец налил по третьей, и сам произнес тост за хороших соседей, которые находятся с ними в этот радостный момент.

Раскрасневшаяся Ангелина Ивановна с удовольствием поддержала этот тост, а Емельяныч воскликнул:

– За радость, да хоть каждый день.

После этого тоста Светочка ушла в свою комнату, чтобы уложить спать младшего Павлика и оставалась там минут пятнадцать.

За это время за столом ничего существенного не произошло, вот только мужички выпили еще по одной и обменялись несколькими фразами.

Когда Светочка появилась на кухне, расхрабrivшийся Емельяныч поднял стопку и, обратившись к ней, произнес:

– Хочу выпить, Светочка, за тебя, за то, что ты по-доброму относишься к людям.

От этих слов Светочка немного смутилась, потом обняла Емельяныча и сказала:

– Да разве можно к вам плохо относиться?

В общем, обмен любезностями удался и был продолжен еще некоторое время.

Часов в десять первой в свою комнату ушла Ангелина Ивановна, а Емельяныч так раздухарился, что только Светочка смогла его остановить и он, выпив на посошок, не без помощи Меченосца, скрылся в своей комнате.

Убрав на кухне со стола, Меченосец и Светочка тихо вошли в свою комнату, также тихо

разделись в темноте и улеглись на старую металлическую кровать. Панцирная сетка под их телами жалобно скрипнула и на время затихла.

Но разве мог Меченосец неподвижно лежать возле женщины, которая не меньше его хотела этой близости. Он осторожно повернулся к Светочке и, крепко обняв ее, страстно поцеловал.

От жаркого поцелуя у Светочки перехватило дыхание, тело приготовилось к нежным ласкам, но мысль о сыне заставила ее вновь собраться и отодвинуться от Меченосца.

– Светочка, радость моя, неужели ты меня не хочешь, – прошептал ей на ухо возбудившийся Меченосец.

– Павел, я просто очень боюсь, а вдруг наш сын еще не спит, – прошептала она в ответ.

В общем, первая ночь прошла вся на нервах, и до оргазма дело так и не дошло.

Рано утром Светочка встала и, выйдя на кухню, приготовила для себя и маленького Павлика завтрак. После этого она разбудила сына и, чтобы не мешать большому Павлу, вывела его на кухню и уже там помогла ему одеться. Павлику, конечно, это очень не понравилось.

Перед уходом на работу, Светочка еще раз зашла в комнату и, чмокнув в щеку Меченосца, сообщила ему, что вернется только к шести вечера.

Проснувшись в одиннадцать часов дня, Меченосец сходил в туалет, умылся и, попив чайку, вышел на улицу. Сегодня он решил купить елку, какие-нибудь игрушки и шампанское для встречи Нового года.

Влажный морозный воздух настойчиво пощипывал его щеки, и Меченосцу пришлось распушить уши своей ушанки. Увидев запряженную в сани лошадь, он подскочил к ее хозяину и упросил его проехаться на саях хотя бы до перекрестка.

Заметив мальчишеский азарт в глазах взрослого дяди, пожилой крестьянин указал ему на сено, а когда Меченосец развалился на розвальнях, поддал поводьями, и лошадка рысцой понеслась по улице.

Глядя по сторонам, Меченосец с нескрываемой радостью вдыхал запахи пахучего сена и вспоминал свое детство, когда он, вот также лихо, покрикивал на свою пегую лошадку, и та несла его по узким улочкам маленького сибирского городка, а восхищенные девчонки махали ему с тротуара своими ручками, укрытыми меховыми варежками.

Из воспоминаний его вывел крестьянин. Тряхнув Меченосца, он сказал:

– Таперича я поворачиваю на рынок, а тебе куда?

– А мне тоже туда, – воскликнул Меченосец, – сегодня я хочу запасть на праздник елкой и игрушками.

– Тады нам по пути, – сказал крестьянин и, нукнув на лошадь, направил ее в сторону рынка.

Щедро расплатившись с крестьянином, Меченосец пошел в елочные ряды и там минут сорок выбирал себе лесную красавицу. Выбрав елку, он перевязал ее приспасенной заранее

тесемкой и, взвалив на плечо, пошел в сторону дома.

Прохожие с нескрываемой завистью смотрели на зеленую прелесть, разместившуюся на плече Меченосца. Одним такая красавица была просто не по карману, а другим еще только предстояло посетить елочный базар.

Вечером вернувшиеся домой Светочка и Павлик были изрядно удивлены и обрадованы, когда возле кухонного окна они увидели лесную

красавицу, упиравшуюся своей густой верхушкой в потолок. А на столе лежали новые игрушки, и стояла посеребренная бутылка Советского шампанского. Маленький Павлик осторожно подошел к елке и, потрогав ее за колючки, сказал:

– У нас еще никогда не было такой большой елки. Верно, мама?

– Верно сынок, – ответила Светочка, украдкой смахивая со щеки слезинку радости, – видишь какой у нас папа.

И впервые Павлик посмотрел на Меченосца с детской влюбленностью и благодарностью.

А завтра было 31 декабря 1953 года, которое началось с того, что всей семьей они стали украшать зеленую красавицу. Светочка вытащила из-под кровати коробку со старыми игрушками, а Ангелина Ивановна принесла им красивый шпиль, который Меченосец водрузил на елочную верхушку. Самыми последними на елке были размещены свечи.

Пока Меченосец с Павликом украшали елку, Ангелина Ивановна и Светочка хлопотали над новогодними угощениями. У Ангелины Ивановны активно поднималось дрожжевое тесто для пирожков, а Светочкой готовился упитанный гусь, купленный Меченосцем на рынке.

Вечером все уселись за праздничный стол и Емельяныч, по праву старшего, предложил выпить за год уходящий, год, в котором почти вся страна со слезами и рыданиями провожала в последний путь одного из мировых лидеров и тиранов. Правда, как о тиране, об этом человеке тогда почти никто не говорил.

А потом было громкое откупоривание бутылки шампанского, бой курантов, который по репродуктору слушали собравшиеся за новогодним столом и искренние поздравления друг друга.

Утром первым проснулся Павлик. Пройдя на кухню, он заглянул под елку и увидел там красивую машинку и красочный мешочек с вкусными вложениями.

У него еще никогда в жизни не было такого подарка, а о красивой машине он мог только мечтать.

Не дождавшись пробуждения взрослых, он вошел в комнату и во весь голос закричал:

– С Новым годом, с новым счастьем. Спасибо вам за такой хороший подарок.

Меченосец со Светочкой тут же проснулись и поочередно поцеловали возбужденного Павлика.

Через полчаса они позавтракали, точнее, пообедали, и вышли в город, чтобы пройти до Дворцовой площади, где была установлена главная городская елка.

Проснувшиеся ленинградцы бурно приветствовали и поздравляли друг друга с Новым годом, желали совсем незнакомым людям большого счастья и всяческих успехов.

Новый год, это именно тот праздник, который делает детей еще более счастливыми, а взрослых и детей светятся одинаковой радостью и надеждой на лучшее, которое ждет их в наступившем году.

А на Дворцовой площади вовсю веселились ленинградцы. Веселиться им помогали различные клоуны и скоморохи, а также музыканты большого духового оркестра, которые наигрывали на своих начищенных до блеска трубах веселые ритмы.

Подвыпившая публика танцевала вокруг красавицы-елки, а детвора, подражая ей, хороводила, взявшись за руки.

С каждым часом людей на площади становилось все больше и больше. С наступлением темноты, то тут, то там запускались в воздух самодельные фейерверки, и люди сопровождали каждый залп веселыми криками «ура».

Вдоволь нагулявшись, Меченосец со Светочкой и Павликом вернулся домой, где Ангелина Ивановна испекла для них десятка два колобков.

Попив чайку с колобками, утомленное семейство улеглось спать, чтобы завтра проснуться и включиться в продолжение праздника.

Где работаю, там и

После праздника со своей малой родины вернулась Татьяна. Известие о том, что в их квартире вновь поселился Меченосец, ее, конечно, расстроило, но она не подала виду и, как можно спокойнее, поздоровалась с ним.

Меченосец ответил ей такой же сухостью, хотя в его сознании ментально промелькнули картинки их постельной любви.

Зимние каникулы кончились, и для Светочки начались рабочие будни. Меченосец без дела слонялся по квартире и с каждым днем становился все скучней. В один из таких дней, подловив Татьяну на кухне, он хотел ее, как следует, прижать, но та схватила со стола чугунную сковородку и зло произнесла:

– Только попробуй, так вмажу сковородкой, что на всю жизнь дурачком сделаю.

Меченосец еще несколько дней посидел дома, но косые взгляды соседей заставили его подумать об устройстве на работу.

В школе, где преподавала Светочка, освободилось место завхоза, и эту должность, по ее рекомендации, занял Меченосец. Причем, в школе никто и не догадывался, что

Меченосец со Светочкой являются хоть и не расписанными, но все же мужем и женой.

Он быстро втянулся в работу, так как со слесарными и столярными инструментами умел обращаться с детства, да и лагерная практика многому его научила.

А в школе, что за дела, то парту сломанную починил, то санузел прочистил, то прокладку в кране заменил.

Времени свободного было много, и Меченосец пристрастился ходить в школьную библиотеку, которой заведовала вечно недовольная Лариса Петровна. Именно так ее называли не только школьники, но и сама директор школы, хотя Ларисе Петровне было двадцать четыре года отроду.

Не поступив в институт, она устроилась работать в школьную библиотеку, да так и засиделась в ней. Может быть, от этого Лариса Петровна из молодой девушки превратилась в замкнутую и ворчливую женщину. Причем, и одевалась она по-старчески серо и однообразно. В ее житейском гардеробе были две длинных юбки, две застиранных кофточки и один вязаный жакет.

Первое время Меченосец брал в библиотеке какую-нибудь интересную книгу и, замкнувшись в своей кладовке, с интересом ее перелистывал. Через месяц Меченосец попытался проконсультироваться у Ларисы Петровны по поводу книг, а еще через неделю они с удовольствием обсуждали очередную книгу, прочитанную Меченосцем.

В общем, когда весенние теплые ветры растопили последние льдинки, а в стремнине ручейков стали налезать друг на друга щепка на щепку, Меченосец сделал свой пробный маневр. Он подарил Ларисе Петровне букетик подснежников, который купил подешевке у какой-то бабки на ближайшем рынке.

Этот букетик потряс замкнутую Ларису Петровну до такой степени, что она на целую неделю потеряла дар ворчливого тона.

Получив порцию доброжелательного отношения, удивленные школьники выходили из библиотеки и уже за дверью крутили пальчиками возле висков. Разве могли они понять душевное состояние Ларисы Петровны, разве могли они заметить ее разбуженную страсть.

А опытный Меченосец это четко заметил и теперь решил действовать активно и быстро.

В конце недели он зашел в библиотеку, чтобы сдать очередную прочитанную книгу, и когда Лариса Петровна протянула за книгой руку, Меченосец схватил ее и, притянув к себе, жадно поцеловал.

От удовольствия Лариса Петровна зажмурила свои серо-зеленые глаза. Меченосец расхрабрился и погладил ее по неопрятным волосам.

От его прикосновения Лариса Петровна забилась в таком невероятном экстазе, что Меченосец сначала испугался, потом, успокоившись, накинул крючок на входную дверь и занялся ее ветхими одеждами.

Возбуждение Ларисы Петровны было таким бурным, что Меченосцу пришлось потратить невероятные усилия, чтобы хоть как-то их заглушить. А последний крик ему вообще удержать не удалось.

Вернувшись в свою кладовку, Меченосец с трудом успокоился и, приведя себя в порядок, ушел в размышления.

— Это ж надо, — думал Меченосец, — впервые ее увидев, я даже в мыслях не мог представить себе нашей близости. Раньше на таких гримз моя любовь не распространялась. А она, оказывается, до сих пор была девственницей. Вот что значит весна, она, действительно, будоражит и раскрепощает. А, впрочем, причем здесь весна, когда рядом такой мужчина.

Меченосца опять пронесло, то есть, не пронесло, а понесло.

А за окном, действительно, бушевала весна. Ее теплое дыхание оживляло все кругом. Проснувшиеся от зимней спячки деревья подпитывали соками разбухающие почки, и они дружно лопались, выпуская на волю молодую зелень. Чириканье воробьев и воронье карканье стали органично разбавляться щебетом синичек и пением яблчиков, а заботливые скворцы приводили в порядок свои жилища.

Прятавшаяся от зимних морозов детвора высыпала во дворы, и ее детский гомон по-хорошему будоражил окрестности. Весна, одним словом, долгожданная и будоражащая.

В воскресенье Меченосец прогулялся с семейством до Петропавловки, показал Светочке и Павлику зоопарк, а вечером посидел с соседями на кухне за стаканом чая.

Вышедшая на кухню Татьяна, даже не взглянула на Меченосца. Быстро разогрев чаю, она тут же удалилась в свою комнату и не выходила оттуда до тех пор, пока Меченосец не скрылся в комнате Светочки.

А в понедельник вся школа была в шоке. Улыбающаяся Лариса Петровна появилась в школе раньше положенного часа. Сняв пальто, она аккуратно поправила свою новую прическу и прошла по школьным этажам. Сегодня на ней была новая цветастая кофточка, плиссированная юбочка и, что уж совсем странно, туфли на высоком каблуке.

Открыв рты, учителя и ученики сопровождали Ларису Петровну изумленными взглядами, а когда та удалилась из их поля зрения, еще долго обсуждали ее новый наряд.

Целую неделю в школе перемывали косточки Ларисе Петровне и никак не могли понять причины столь быстрого ее преображения. А причина преображения чинила в это время поломанную школьниками парту и даже не задумывалась о том, что является этой самой причиной.

А зря, так как Лариса Петровна стала с волнительным придыханием обращаться к нему, а если он, по какой-то причине, долго не появлялся в библиотеке, приходила в его кладовку сама.

Естественно, что долго такие хождения не могли оставаться незамеченными. На участвовавшие контакты Ларисы Петровны и Меченосца первой обратила внимание учительница русского языка и литературы. Если раньше, она в любое время могла застать в библиотеке Ларису Петровну, то теперь ей частенько приходилось ее искать. И эти поиски ей изрядно надоели. Не застав Ларису Петровну в библиотеке в очередной раз, она прошла к кладовке и так забарабанила в дверь, что на этот стук сбежались учительница по химии, физрук и уборщица.

Когда растрепанный Меченосец открыл дверь кладовки, разгневанная учительница русского языка, оттолкнув его, ворвалась в помещение и стала рыскать по углам в поисках Ларисы Петровны. Не найдя ее, она с недоумением спросила:

– А где Лариса Петровна?

Меченосец наигранно посмотрел по сторонам и произнес:

– А почему, собственно, Лариса Петровна должна быть у меня в кабинете?

Оставив вопрос без внимания, учительница русского языка быстро покинула кладовку Меченосца, и за ней засемила химичка.

Физрук, пожав плечами, тоже скрылся в спортивном зале, а любопытная уборщица, ехидно усмехнувшись, погрозила Меченосцу скрюченным пальцем.

Оставшись наедине, Меченосец облегченно вздохнул и, вытащив из-под верстака женские трусы, аккуратно положил их в тумбочку для инструментов.

Как хорошо, что мой кабинет находится на первом этаже, – подумал он. – Хорошо-то, оно хорошо, да только выпрыгивающую из окна Ларису Петровну увидела учительница по пению. А что увидела она, то увидели все, с кем она после этого общалась. Уж такой у нее был словоохотливый характер.

Таким образом, через уста учительки по пению известие о попрыгунье Ларисе Петровне тут же облетело всю школу. Долетело оно и до Све-

точки. Услышав сообщение, Светочка моментально покраснела и поспешила выйти из учительской.

В семье не каждый день масленица

Вечером у Светочки с Меченосцем состоялся нелицеприятный разговор. Уложив Павлика спать, Светочка пригласила Меченосца на кухню и, пытаясь не горячиться, высказала ему пару ласковых. У Меченосца от этих ласковых засвербило внутри, и он попытался защититься. – Как ты могла поверить, – с возмущением вымолвил он, – у меня, это самое, работы невпроворот, некогда, понимаешь, бутерброд проглотить.

Меченосца понесло, а когда он волновался, то слова паразиты перли из него, как черти из табакерки. – Да разве мог я, это самое, с кем-то закрываться, – с еще большим возмущением продолжил он, – мне, понимаешь, сегодня три парты пришлось ремонтировать. – Но люди-то не будут обманывать, – упорствовала Светочка. – А они, это самое, и не обманывают, – уже спокойнее произнес Меченосец, – им, понимаешь, языки захотелось почесать, вот они и придумали анекдот. – Ничего себе анекдот, – возмутилась Светочка, – у учителей другой заботы нет, как только анекдоты рассказывать. – Я и не говорю, это самое, что учителям делать нечего, – решил косить под дурачка Меченосец, – просто, кто-то на меня, понимаешь, зуб имеет. Это ж, надо, меня с этой кикиморой сосватали.

Сравнение Ларисы Петровны с кикиморой Светочке, конечно, понравилось, но стоявший у нее в глазах образ учительницы по пению заставил ее вновь нахмуриться и произнести:

– Ты, Павел, Ваньку-то не валяй. Если еще раз узнаю, выставлю твои пожитки за дверь и не посмотрю, что ты Павлушкин отец.

Услышав последнее предупреждение, Меченосец с облегчением вздохнул и попытался обнять Светочку, но она решительно отвела его руку и пошла в свою комнату.

Меченосец еще минут двадцать посидел в одиночестве, переосмысливая все произошедшее, потом запил прямо из чайника осадок горечи и пошел под Светочкин бочок, но соблазнительный бочок так и не отреагировал на его прикосновения.

Когда до директрисы дошла информация о свиданиях Меченосца и Ларисы Петровны, она вызвала к себе в кабинет сначала Ларису Петровну, потом Меченосца.

Лариса Петровна не стала отпираться, а сразу же призналась директрисе в том, что Меченосец ей очень нравится, и что она надеется на его

взаимность. А еще она пообещала директрисе никогда больше не уединяться с Меченосцем.

Меченосец же, на вопрос директрисы об его отношении к Ларисе Петровне ответил так:

– Я с ней не уединялся, так как не питаю к Ларисе Петровне никаких чувств.

– А вот Лариса Петровна говорит, что вы ей очень нравитесь, – домогалась до него директриса.

– Мало ли я кому нравлюсь, – горячо произнес Меченосец, – но это же не означает, что она мне тоже нравится.

– Вы хотите сказать, что люди напраслину на вас возводят, – спросила директриса.

– Не то, чтобы напраслину, – неопределенно сказал Меченосец, – только никаких уединений с Ларисой Петровной я себе не позволял.

Задав Меченосцу еще несколько каверзных вопросов, директриса убедилась в том, что его, как Ларису Петровну, расколоть невозможно. Поэтому, заканчивая разговор, она предупредила:

– Если еще раз до меня дойдет информация о ваших шашнях, уволю и тебя, и ее.

Выходя из кабинета директора, Меченосец обернулся и произнес:

– Я так хочу у вас работать, что на женщин даже смотреть больше не буду.

– Иди, иди, кобелина, – улыбнувшись, подумала про себя директриса, – застукаю, пеняй на себя.

Но до летних каникул застукать Меченосца и Ларису Петровну так и не удалось. Как ни охотилась она за Меченосцем, тот категорически не шел с ней ни на какой контакт. Один раз Ларисе Петровне все-таки удалось зажать в коридоре Меченосца. Посмотрев с нежностью в его глаза, Лариса Петровна выдохнула:

– Павел, я так соскучилась по тебе. Почему ты меня избегаешь?

Оглянувшись по сторонам, Павел произнес:

– Ничего я не избегаю, просто не хочу быть уволенным.

– Павлик, если тебя уволят, я уйду вслед за тобой, – воскликнула Лариса Петровна.

– Только этого мне еще и не хватало, – подумал про себя Меченосец, а вслух сказал, – зачем же такие жертвы, я после этого всю жизнь себя буду корить.

– Но ты же не будешь отрицать, что нам с тобой было хорошо, – глядя ему в глаза, спросила Лариса Петровна.

– Может, и было, да теперь уж быльем поросло, – с раздражением произнес Меченосец и, отодвинув Ларису Петровну, пошел своей дорогой.

Расстроенная Лариса Петровна убежала в библиотеку и, закрывшись там, прорыдала полдня.

– Какой наглец, – думала Лариса Петровна, – надругался над девушкой, а теперь в кусты. Я ему этого никогда не прощу.

Подумав так, она решила при первой возможности отомстить Меченосцу. Но наступила лето, Меченосец ушел в незаслуженный отпуск, и месть Ларисе Петровне пришлось отложить на потом.

В середине июня Светочка предложила Меченосцу съездить в деревню, где жила ее мама, но тот тактично отказался, сообщив о том, что ему тоже хочется побывать у своих родственников. Мол, давно не видел свою родню, и матушка уже старенькая, и сестры по нему соскучились. Меченосец произнес это таким жалостливым тоном, что Светочка не стала настаивать на своем предложении и, собрав Павлика, уехала в деревню.

А Меченосец, вспомнив рассказы Степаныча о прелестях курортной жизни, решил махнуть на юг, чтобы с головой окунуться в эти самые прелести. Черноморское взморье, готовясь, без всякого приглашения едет к тебе сам Меченосец, большой секс–мастер и не меньший картежный аферист.

Там тепло, там женщины

Двое суток, которые поезд тащился до Адлера, Меченосец провел очень продуктивно. Как всегда, нашлись лохи, которых он уговорил поиграть в карты. Не буду конкретно расписывать портреты этих лохов, так как читателю достаточно оглянуться и внимательней присмотреться к окружающим. Не сомневаюсь, что каждый из вас в суетной толпе увидит не одного представителя отряда лохов. В Советском Союзе тогда их развелось видимо–невидимо.

В Адлер наш п....страдалец прибыл с полными карманами денег, которые экспроприировал с помощью карт у нерадивых попутчиков.

Поселившись в санатории «Приморье» и сменив тусклую ленинградскую одежду на яркий южный костюм, Меченосец вышел на улицы Сочи и вихляющей походкой прошелся вдоль побережья.

Мимо него вальяжно проплывали ухоженные женщины немного выше среднего. Нет–нет, не среднего уровня, а среднего возраста. С уровнем-то у многих из них было, как раз, все в порядке.

В его сторону постреливали глазками молоденькие женщины, вырвавшиеся на юг с единственным желанием наставить своим муженькам рогов.

Пробежали и совсем юные особы, которых субсидировали богатенькие родители, чтобы хоть на время сбыть их с глаз долой. Правда, глаза у этих «юннатов» разбегались в разные стороны и пока не могли сконцентрироваться на каком-нибудь конкретном объекте.

– Да, как много симпатичных дам, – подумал Меченосец, – и как легко они одеты. Я должен обязательно с кем-нибудь из них познакомиться.

Вечером, хлебнув для храбрости армянского коньячку, Меченосец прошелся до знаменитого парка «Ривьера», из которого, минуя заборное ограждение, вырывались звуки духового оркестра.

Народу в парке было многовато, а, точнее, даже слишком много. Одни просто прогуливались по аллеям, другие торопились на танцевальную площадку, а, третьи, уже нашедшие свою пару счастливичики, медленно продвигались к выходу из парка. Словесами и жестами они возбуждали друг друга, подготавливая почву для ночного randevu.

Подойдя к танцевальной площадке, Меченосец внимательно осмотрелся а, заметив двух миленьких женщин, подошел к ним и обратился к светленькой:

– Разрешите пригласить Вас на танец?

Женщина посмотрела на свою подругу и, уловив ее разрешающий жест, согласилась. Они протиснулись ближе к оркестру, и Меченосец аккуратно обнял женщину за талию. Женщина также аккуратно положила свою левую руку на крепкое плечо Меченосца.

Все-таки танго, именно тот танец, который помогает танцующим быстрее и проникновенней прочувствовать друг друга. А при минимуме одежды это проникновение становится возбуждающим. Уже через несколько минут аккуратность Меченосца переросла в распалюющуюся напористость, и он плотнее прижал женщину к себе.

Прочувствовав телом ответное возбуждение, Меченосец произнес:

– Меня зовут Павлом, а Вас как?

Женщина заглянула Меченосцу в глаза, окатив его какой-то неестественной голубизной, и тихо представилась:

– Анна.

– Анна, какое красивое имя, – воскликнул Меченосец и внимательно посмотрел на женщину.

От услышанного комплимента по телу Анны пробежала первая волна приятной дрожи, и она, потупив глаза, так же тихо произнесла:

– У Вас тоже хорошее имя, Павел.

Духовой оркестр сыграл последний аккорд, и Меченосец любезно проводил Анну к подруге. Обратившись к ней, он сказал:

– Вы знаете, Анна очень хорошо танцует.

Подруга почему-то только кривенько улыбнулась, и тогда Меченосец вновь обратился к Анне:

– Анна, могу ли я Вас пригласить на следующий танец?

Теперь, уже не глядя на подругу, Анна сразу же ответила:

– Можно, но только не на вальс.

– А что так? – спросил Меченосец.

– Просто вальс я так и не научилась танцевать, – призналась Анна, – а вот моя подруга вальсирует очень хорошо, верно, Оля.

Оля только кивнула в знак согласия, и как раз в это время духовой оркестр заиграл Севастопольский вальс.

Извинившись перед Анной, Меченосец взял Олю под локоть и, не дожидаясь согласия, повел к эстраде.

Желающих станцевать вальс значительно поубавилось, и Меченосец с Олей свободно вальсировали под звуки знакомой мелодии. Не скажешь, чтобы Оля танцевала очень хорошо, но вести ее было несложно.

– Как здорово, что полячки в свое время научили меня этому танцу, – подумал Меченосец.

Когда вальс закончился, он похвалил Олю за легкость шага и умение вальсировать, от которого был просто без ума.

Этот комплимент подействовал на Олю очень даже положительно, потому что она сверкнула карими глазками, улыбнулась и вздернула свой курносый нос.

Когда они подошли к Анне, она с интересом спросила:

– Павел, а Вы где научились так хорошо танцевать вальс?

– Оленька, долго рассказывать придется, – сказал Меченосец, – поэтому приглашаю вас в ресторан, там, говорят, готовят хорошие шашлычки.

Женщины переглянулись и, не сговариваясь, согласились.

По дороге в ресторан Оля рассказала о том, что у нее через три дня уже заканчивается смена, и она будет вынуждена покинуть Сочи, а вот Анна только второй день, как приехала в санаторий «Стахановец».

– Сегодня я в первый раз вывела ее на танцы, – призналась Оля, – а завтра мы собираемся поехать на гору Ахун.

В ресторане они с трудом отыскивали свободный столик, и официанта пришлось ждать минут десять. За это время Меченосец успел выяснить

женские вкусы, поэтому, когда официант все же к ним подошел, тут же сделал заказ. Для себя он заказал двести грамм коньяку, для женщин бутылку Хванчкары и всем по шашлычку из молоденького барашка. Да, чуть не забыл про овощной салат с пикантным названием «Дендрарий».

Под этот самый салатик они выпили по первой за приятное знакомство, и Меченосец рассказал им обо всех своих героических подвигах на полях Великой отечественной. Его красноречивый рассказ выводил слушателей на мысль о том, что если бы не Меченосец, то победы над фашизмом могло бы и не случиться.

Женщины, не забывая похрустывать огурчиками и сладким перцем, с нескрываемым интересом слушали повествование Меченосца, а когда он рассказал им о тяжелом ранении, они искренне ему посочувствовали. С этим ранением он связал и свое умение танцевать вальс.

– Ах, Оленька, – вздохнув, произнес Меченосец, – лежа на госпитальной кушетке, я, мысленно, уже распрощался с ногой, но чудная медсестра своей настойчивостью смогла помочь мне. Каждое утро она делала массаж моей истерзанной ноги, а когда я смог, наконец, ступить на нее, она стала учить меня танцам. Благодаря ее терпению и чуткому отношению ко мне, я научился танцевать вальс.

Высказав эту тираду, Меченосец глубоко вздохнул и посмотрел на женщин глазами победителя. Надо сказать, что этот взгляд действовал на женщин безотказно, он разил их наповал без каких-либо осечек. На Олю с Анной этот гипнотический взгляд тоже подействовал. Они уставились на Меченосца сочувствующими глазами, и тому оставалось только налить по второй и предложить выпить за прекрасных женщин, которые составили ему сегодня такую приятную компанию.

Этот тост окончательно склонил чашу весов на сторону Меченосца, и он, закусывая шашлычком, стал про себя перебирать варианты.

– Если я захочу остаться с Анной, Оля обидится и уговорит подружку уйти вместе с ней. Следовательно, сегодня мне необходимо соблазнить Олю. С Анной я еще успею развлечься после Олиного отъезда, – подумал он.

Эта мысль придала ему дополнительный заряд решимости, и он произнес тост, от которого у женщин закружились головы, и стало пульсировать внизу животов.

– Милые женщины, – воскликнул он, – вы обладаете биополем, которое притягивает мужчину с такой силой, что никакое сопротивление ему не может помочь. Хочу выпить за ваше биополе, в которое я попал, и получил большой заряд удовольствия. Надеюсь, что это удовольствие будет продолжено.

Женщины с нескрываемой радостью поддерживали Меченосца. Выпитая Хванчкара придала их глазам блеску, который говорил о том, что женщины расслабились по полной программе. Этого расслабления было достаточно для того, чтобы охмурить Ольгу, не обидев при этом Анну.

Да женщины и сами разобрались в ситуации. В туалете между ними произошёл следующий разговор.

– Анна, ты не обидишься, если сегодня я пойду с Павлом, – скорее категорично утверждая, чем спрашивая, произнесла Ольга.

Анна ненадолго задумалась, потом посмотрела на свою новую подругу и с наигранной веселостью воскликнула:

– Конечно, иди. Мне сегодня как-то не до мужиков.

Проводив Анну до санатория, Меченосец с Ольгой пошли в сторону «Приморья».

По пути в «Приморье» Меченосец несколько раз останавливался и, прижав к себе возбужденную Ольгу, крепко целовал. Поцелуи в шею приводили Ольгу в состояние легкой прострации, Ольгины ноги подкашивались, и Меченосцу приходилось напрягать все свои силы, чтобы ее удерживать.

В номере Ольга вышла из легкой прострации и, по-хозяйски осмотревшись, уселась в мягкое кресло. Уселась так, что подол крепдешинового платья не захотел прикрывать ее красивые коленки. Кроме коленок, он не захотел прикрывать и подвязки, придерживающие капроновые чулки.

Взглянув на обтянутые чулками ножки, Меченосец замешкался, но потом собрался и выставил на маленький столик бутылку коньяку, два фужера и коробку конфет.

Подняв наполненный фужер, Меченосец, чтобы показать всю свою опытность, предложил Ольге выпить на брудершафт. Услышав незнакомое слово, Ольга с испугом посмотрела на Меченосца, потом поставила фужер на столик и категорично произнесла:

– Павел, я не люблю на брудер, не нужно надо мной глумиться

– Ольга, да разве я могу глумиться над такой красивой женщиной, как ты, – попытался успокоить Ольгу Меченосец.

– Если не можешь, то и не предлагай мне какой-то брудер....., – капризно произнесла Ольга.

– Да, – подумал Меченосец, – тяжелый случай.

В слух же он сказал:

«Ольга, выпить на брудершафт – это значит выпить и поцеловаться».

– Ну, если выпить и поцеловаться, тогда можно, – успокоившись, согласилась Ольга.

Они выпили на брудершафт, и Меченосец крепко ее поцеловал. Свой поцелуй он хотел продолжить ее раздеванием, но Ольга заупрямилась и спросила:

– Павел, а ты можешь передо мной раздеться?

– Странный вопрос, – немного смутившись, произнес Меченосец, – раздеваться прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас, я люблю смотреть, когда мужчина раздевается, – ответила Ольга.

Меченосец быстро скинул рубашку, оголив свой волосатый торс, потом начал медленно стягивать светлые брюки. Оставшись в трусах, он сделал шаг к Ольге, но та остановила его, попросив:

– Павел, я хочу, чтобы ты снял с себя все.

Просьба женщины, закон для любвеобильного мужчины, и трусы полетели вслед за рубашкой.

Когда он выпрямился, Ольгины глаза впились в его завидное хозяйство, лицо напряглось, и она с шумом сглотнула обильную слюну, которая моментально появилась у нее во рту.

На своем веку Ольга видела не так много мужчин, и то, что она раньше видела, не шло ни в какое сравнение с тем, что маячило у нее перед глазами.

Какой-то неестественный озноб завладел ее телом, и даже допитый коньяк не смог снять Ольгиного волнения.

Поняв, что он произвел на Ольгу неизгладимое впечатление, Меченосец стал медленно к ней приближаться. Когда он подошел к ней вплотную, она прикрыла руками глаза и откинулась на спинку кресла.

Меченосец взял Ольгу на руки и бережно понес к широкой кровати.

Не отводя рук от лица, Ольга попыталась сопротивляться, но эта пародия на сопротивление только больше распалила Меченосца. Сорвав с Ольги одежду, он впились губами в ее аккуратную грудь и

А в это время Анна никак не могла уснуть в своем номере. Она еще ощущала прикосновения Меченосца и корила себя за то, что так быстро согласилась с Ольгой.

– Он такой обходительный, такой симпатичный, – думала она, – в нем чувствуется настоящая мужская сила, которой нет у моего мужа. Во время танца я ощущала напряжение каждой его мышцы. А каким теплым взглядом он смотрел на меня. Под этим взглядом мне хотелось раздеться и броситься в его сильные объятия. Мне хотелось, хоте..., хо.....

Утром Ольга высказала Меченосцу несколько претензий.

– Если бы не твой брудер..., я ни за что бы тебе не отдалась, – высказала она первую претензию.

Заметив наговатую ухмылку Меченосца, она высказала ему вторую претензию:

– Как ты мог входить в меня без презерватива?

– Я думал..., – попытался оправдываться Меченосец.

– Он, видите ли, думал, – наигранно возмутилась Ольга, – надеюсь, что у тебя хватило ума на то, чтобы не..., чтобы не увлажнять мои внутренности?

Не чувствуя легкой иронии в Ольгиных словах, Меченосец продолжил свои оправдания:

– Оленька, я только и делал, что угождал тебе. Разве ты не помнишь, как просила меня о том, чтобы я вошел в тебя еще глубже, чтобы я еще крепче прижал тебя.

– Ах, значит, это я во всем виновата, – сдерживая улыбку, возмутилась Ольга, – а что я скажу любимому мужу, если вдруг.

– Что вдруг, – переспросил Меченосец и, не дожидаясь ответа, продолжил, – ничего вдруг быть не может.

– Смотрите, какой он уверенный, – продолжила высказывать претензии Ольга, – а вот мне кажется, что вдруг вполне может произойти.

Меченосец ненадолго задумался, потом схватил Ольгу в охапку и предложил:

– Ну, если вполне могло произойти, то теперь нам нечего бояться.

Сказав это, он приступил к обследованию Ольгиного тела, не забывая массировать его в некоторых местах. От дотошного массирования голова у Ольги закружилась, претензии куда-то подевались, и она вновь отдалась ласкам Меченосца.

В Ахун в этот день женщины так и не поехали.

А на другой день Меченосец с Анной провожали Ольгу на поезд Адлер – Москва, в котором она уезжала с юга к своему мужу в Белгород.

Счастливого пути, тебе, Ольга, и женской хитрости, которая поможет усыпить бдительность рогатого муженька.

Анна и другие

Проводив Ольгу, Меченосец с Анной проехали к морю и, с трудом найдя свободное место, разлеглись под жаркими солнечными лучами.

На вопрос Анны: «Есть ли у тебя жена», Меченосец категорично ответил: «Нет», что по документам было чистой правдой.

Анна, в свою очередь, рассказала о том, что проживает в Туле, замужем за директором тульской кондитерской фабрики, который не дает ей работать, хотя она окончила в свое время Московский педагогический институт.

Муж на девять лет ее старше и большую часть времени проводит на производстве. Времени на жену у него остается самую малость, и даже эта малость проходит в разговорах о фабрике и о каких-то плановых заданиях.

Иногда к ним в гости приезжают такие же озабоченные дяди со своими женами. Мужья, в своем кругу, обсуждают производственные дела и политику, а жены, от нечего делать, сплетничают и рассказывают друг другу о своих новых нарядах и нечастых развлечениях.

Все годы замужества Анна уговаривала мужа хоть раз съездить на юг, но тот, ссылаясь на загруженность, ей в этом отказывал. В конце концов, Аннина настойчивость ему надоела, и он впервые отпустил ее от себя.

Если бы не Ольга весь ее отдых сводился бы к посещению столовой и пляжа, ни о каких танцах не могло быть и речи. Но что случилось, то случилось.

И вот она лежит на сочинском пляже рядом с симпатичным мужчиной и мучительно ищет тему разговора:

– С чего бы начать, о чем бы у него спросить? Может быть, вспомнить об Ольге?

– Очень жаль, что Ольга уехала, – повернувшись к Меченосцу, сказала она, – одной мне будет совсем некомфортно.

– Анна, я постараюсь сделать все, чтобы здесь Вы не чувствовали себя одинокой, – пообещал Меченосец.

– Спасибо, – поблагодарила Анна, – надеюсь, что мое присутствие не испортит Вам отдых.

– Анна, рядом с такой женщиной, как Вы любой мужчина может испытывать только удовольствие, – с жаром произнес Меченосец, – думаю, что наш совместный отдых будет приятным и активным.

– Вы так уверенно об этом говорите, что у меня не остается никаких сомнений, – улыбнувшись, произнесла Анна.

– Раз сомнения отступили, предлагаю вечером поужинать в каком-нибудь ресторане, – предложил Меченосец.

– Я с удовольствием принимаю Ваше предложение, – произнесла Анна и про себя подумала, – какой же он галантный.

Вечером они, действительно, посидели в ресторане, и Меченосец сделал попытку пригласить Анну к себе в гости. Немного подумав, Анна тактично отказалась.

Расстроенный Меченосец проводил Анну до санатория и пошел в сторону парка «Ривьера», но сегодня был, явно, не его вечер.

Вернувшись в номер, он выпил грамм сто коньяку, подышал на балконе ночным воздухом и, постояв под теплой струей душа, улегся в прохладную постель.

– Интересная женщина, – представив Анну, подумал Меченосец, – чувствуется, что мужским вниманием она не избалована. В отличие от Ольги, флирт – это не то, зачем она сюда приехала. Тем приятней будет ее соблазнить. А почему, именно соблазнить? Может быть, мне будет приятно с ней просто общаться. Находиться рядом с такой женщиной очень даже престижно. Сегодня я обратил внимание, как засматривались на нее похотные мужички. Да и есть на что засматриваться. Фигурка точеная, грудь чуть больше 90, а какие стройные ножки. Нет, Анну не стоит брать силой, перед такой женщиной нужно предстать настоящим кавалером. Она этого достойна.

Уже засыпая, Меченосец подумал:

– Выходит, что она меня крепко зацепила.

Подумал и провалился в глубокий сон.

На следующее утро они встретились на пляже санатория «Приморье»

Меченосец с утра пораньше занял место на галечном берегу и уже успел искупаться, когда на пляже появилась Анна. Поздоровавшись с Меченосцем, она скинула с себя легкое ситцевое платье, оставшись в одном голубом купальнике.

– Может быть, мы пойдем, искупаемся, – предложила она.

Не дожидаясь нового приглашения, Меченосец встал и проследовал вслед за Анной.

Подойдя к кромке воды, он тут же нырнул и, проплыв метров пять, обернулся назад. Анна вошла в воду только по щиколотку и дальше идти не решалась.

– А Вы, оказывается, трусиха, – улыбнувшись, крикнул Меченосец.

– Никакая я не трусиха, – возразила Анна, – просто я долго привыкаю к прохладной воде.

– А Вы быстро присядьте, и тогда вода не покажется Вам такой холодной, – посоветовал он.

– Какой Вы шустрый, – передернув плечами, вскрикнула Анна, – еще немного постою и присяду.

– Тогда я начну на Вас брызгать, – пригрозил Меченосец.

– Нет, только не это, – взвизгнула Анна, потом быстро присела и тут же поплыла.

– Догоняйте, – предложил ей Меченосец и, уверенно загребая сильными руками, поплыл в сторону буйков. Возле буйков Меченосец оглянулся и увидел, как Анна по-собачьи пробует удержаться на воде.

– А Вы красиво плывете, – пошутил он.

– Не нужно надо мной смеяться, – попросила Анна, – вот увидите, через несколько дней я научусь плавать, как Вы.

– Хорошо, я постараюсь Вам в этом помочь, – поддержал ее Меченосец.

Следующий заход в море они опять сделали вместе, только теперь Меченосец стал обучать Анну плаванию брасом, точнее стилем, похожим на брас.

При этом он поддерживал Анну за живот, будто бы случайно задевая ее крепкие груди.

Анну его прикосновения очень возбуждали, поэтому она меньше всего думала о каком-то брасе. Причем здесь брас, если, иногда, в ее бок упирается что-то твердое и пульсирующее.

Безусловно, она быстрее бы научилась плавать по-взрослому, но желание быть с крепким мужчиной в приятной близости заставляло ее оттягивать момент выхода в самостоятельное плавание, и Меченосец это очень даже понимал.

Обучение продолжалось целых четыре дня, в течение которых Меченосец не терял надежды пригласить Анну к себе, но каждый вечер они расставались возле санатория «Стахановец», желая друг другу спокойной ночи.

В один из таких вечеров Меченосец сумел утолить свое мужское желание прямо на ночном пляже.

Прежде чем идти баиньки, он прошел на пустынный пляж и, раздевшись догола, нырнул в тихое теплое море. Отплыв от берега, он лег на спину, и стал любоваться ночным южным небом, украшенным бесчисленным множеством звезд. Казалось, что они, сговорившись, подмигивают Меченосцу с высоты своего положения, словно приглашая его в небесную бездну.

– Как велика вселенная, и какие мы все-таки букашки, – подумал Меченосец.

Вдруг мимо него на большой скорости проплыло какое-то существо. Меченосец перевернулся на живот и посмотрел вслед удаляющемуся существу.

Через несколько минут это существо вернулось обратно, и тогда Меченосец узнал в нем женщину.

– Здравствуйте, – поздоровался с женщиной Меченосец, – Вы тоже любите ночные ванны?

Женщина оглянулась на голос и произнесла:

– Приезжая на юг, я стараюсь от души наплаваться в море. Ночные заплывы мне очень нравятся.

– А чем же они Вам нравятся? – спросил Меченосец.

– А тем, что никто тебе не мешает, что даже одежды не сковывают твоих движений, – призналась женщина.

– Так Вы тоже купаетесь голышом? – вновь спросил Меченосец.

– Постановка вопроса говорит о том, что Вы тоже оставили на берегу свои одежды, – сделал ударение на «тоже», произнесла женщина.

– А Вы догадливы, – сделал заключение Меченосец.

– Надеюсь, Вас не смутит мой голый вид, – задала очередной вопрос женщина.

– Как можно, голая женщина может только возбудить настоящего мужчину, – высокопарно ответил Меченосец.

– Ну, что ж, тогда я выхожу, а Вы возбуждайтесь, если у Вас это получится, – смело заявила женщина.

– Постойте, давайте лучше еще немного поплаваем, – скороговоркой произнес Меченосец.

– Что, испугались, – игриво заявила женщина, – вот тебе и настоящий мужчина.

И тогда Меченосец поднырнул под женщину и, схватив ее за талию, поцеловал в живот и в грудь.

От такой наглости женщина потеряла дар речи, но потом собралась с силами и воскликнула:

– Какой же Вы, все-таки, нахал.

По ее тону Меченосец понял, что женщина не обиделась на него, а только делает вид, что ей это неприятно.

– Она не только не обиделась, но, судя потому, что не кричит, хочет продолжения ласк, – подумал он, и его руки стали гладить натренированное тело женщины.

Через несколько мгновений он почувствовал ее ответную реакцию. Точнее даже не реакцию, а конкретные действия по возбуждению его мужского достоинства. Ее ласки были страстными и необычными. В воде Меченосца еще никто и никогда не ласкал, да и сексуальная близость с женщиной в водной среде была для него новинкой.

Ах, как она извивалась в его объятьях, как кусала его распухшие от ласк губы, как царапала его мускулистые плечи.

Ласки закончились так же быстро, как и начались. Женщина вышла из воды и, обтеревшись полотенцем, быстро оделась и пошла в сторону выхода.

– Послушайте, – крикнул Меченосец, – когда мы еще встретимся с Вами.

– Если захотите встречи, приходите сюда ночью, я буду отдыхать на море целую неделю, – ответила женщина и скрылась в ночной темноте.

– Вот это женщина, – подумал Меченосец, – она даже не поинтересовалась, как меня зовут.

Ложась спать, он еще раз вспомнил о женщине, но так и не смог представить себе ее образ. Ночная темнота мастерски ретушировала лицо и фигуру женщины, и только голос прозвучал в его сознании, пытаясь увести Меченосца в ночную неизвестность.

Утром следующего дня Анна заметила небольшие царапины на его плечах, но тактично промолчала.

– Мало ли что является причиной этих царапин, – подумала она, но какое-то внутренне чувство заставило ее по-другому посмотреть на их отношения.

– Неужели, я начинаю ревновать его, – пронеслась в голове у Анны крамольная мысль.

– Ничего не ревную, – постарался заглушить эту мысль внутренний голос.

– Тогда почему же эти царапины меня так взволновали, – спросила себя Анна.

– А потому, что тебе он не безразличен, – проворчал в ответ внутренний голос.

– Неужели и вправду небезразличен? – задала себе новый вопрос Анна.

– Не безразличен, не безразличен, – хихикнул внутренний голос.

– Анна, – услышала она голос Меченосца, – Вы почему мне не отвечаете?

– Извините, Павел, я просто задумалась, – покраснев, произнесла Анна.

– Я хотел узнать о ваших планах на сегодняшний вечер, – сказал Меченосец.

– А давайте просто погуляем по вечернему Сочи, – предложила Анна.

– Хорошо, – согласился с ней Меченосец.

Вечером они встретились после ужина у входа в санаторий «Стахановец» и пешком пошли в сторону центра.

Дневная жара уступила место вечернему теплу, отовсюду раздавались звуки танцевальных мелодий, а Меченосец и Анна шли, не обращая внимания на снующих мимо них отдыхающих.

Меченосец рассказывал Анне какие-то интересные истории, а Анна его внимательно слушала и от души заливалась звонким смехом. Им было очень хорошо вдвоем и, может быть, поэтому, Анна сама завязала с Меченосцем разговор о том, что ей захотелось посмотреть на номер, в котором он остановился.

Это известие так понравилось Меченосцу, что он тут же пригласил Анну в гости.

Душа его пела так, что он испугался, как бы эту песню не услышали вольно шатающиеся прохожие.

В номере он усадил Анну в кресло, накрыл, по традиции, маленький стол и включил радиолу. Номер заполнили звуки медленного танго, и Меченосец пригласил Анну на танец. В этот раз Анна сама прижалась к нему так, что биение ее сердца насквозь пронизывало Меченосца, а упругие груди пытались выскочить из лифчика.

Пары коньяка ударили в их головы, задурманивая сознание, а руки машинально искали пуговички и крюпочки, высвобождая разгоряченные тела из опостылевших одежд.

– Если бы ты знал, как я хочу тебя, – шептала она.

– Милая, наконец-то, мы решились на это, – стонал Меченосец.

Он целовал ее красивые глаза, он ласкал ее тонкую шею и упругую грудь, и эти ласки приводили Анну в состояние блаженства.

А когда Меченосец своими ласками дошел до заветного треугольника, Анна на секунду сжалась, потом схватила горячими руками его голову и застонала, не сдерживая нахлынувших на нее эмоций.

– Милая Анна, как ты прекрасна, – стонал Меченосец.

– Какие сильные у тебя руки, мой родной, – в беспамятстве шептала Анна.

А сильные руки продолжали ласкать ее напряженное тело, подготавливая его для самого главного, чего Анна в своей жизни еще никогда не ощущала.

– Милый, я, кажется, улетаю, – услышал Меченосец надрывный голос Анны, и ее тело забилося в конвульсиях.

После эмоционального взрыва они еще долго лежали без движения, глядя в потолок, и находясь, мысленно, в блаженной ауре умиротворения.

Первым вышел из этого состояния Меченосец. Посмотрев на улыбающуюся Анну, он, стараясь не шевелиться, попробовал ей не мешать.

Через несколько минут Анна чуточку пошевелилась, потом повернулась к Меченосцу и, обняв его за шею, поцеловала в полуоткрытый рот.

– Спасибо тебе, Павел, – прошептала она, – я еще никогда в жизни не испытывала такого блаженства. Неужели такое может быть?

Меченосец поцелуем ответил на ее вопрос, и этот поцелуй вдруг разбудил в Анне затухающие чувства.

Теперь уже ее ласки сводили с ума Меченосца, и он постарался с достоинством ответить на них. Новое извержение было коротким по времени, но страстным и эмоциональным по существу.

Эта ночь продлилась у них до обеда, а после обеда было ласкающее море и жаркое солнце, которое сделало все возможное, чтобы не утомлять их своим присутствием.

Наступившая ночь принесла Меченосцу и Анне море новых ощущений. Точнее, Меченосец очень постарался и показал Анне высочайший класс удовлетворения женщины. Были в эту ночь и поза Валета, и поза Георгина, и еще несколько новых для Анны поз.

– Какое счастье, что я встретила здесь Павла, – думала Анна, отдыхая после очередного любовного сеанса, – мне еще никогда не было так хорошо.

– Какая чудесная женщина, – думал в это время Меченосец.

В общем, три дня пролетели, как одно короткое мгновение.

А на четвертый день Меченосец почувствовал в канале какое-то неприятное жжение.

Не понимая причины жжения, Меченосец заволновался, настроение его испортилось, и он не пришел на свидание с Анной.

Анна зря прождала его на пляже, потом прошла в санаторий «Приморье», но дверь в номер Меченосца оказалась закрытой.

– Неужели он уехал, не простившись со мной. Как же он мог так поступить, – лезли в голову Анны крамольные мысли, – после того, что между нами было, это, просто, не честно.

Она еще с полчаса постояла возле санаторного корпуса, но, не дождавшись Меченосца, расстроенная вернулась в свой санаторий.

Меченосец видел, как Анна ждала его возле корпуса, как она, опустив голову, пошла к выходу, но окликнуть ее он не захотел.

Побывав днем у санаторного врача, он узнал о том, что подхватил какую-то заразу и вынужден был сдать анализы. Завтра ему должны были объявить окончательный приговор.

– Может быть, это она и заразила меня, – зло подумал Меченосец, – а я ее так ласкал.

Завалившись на свою кровать, Меченосец попытался забыться, но надоедливое жжение, да еще с выделениями, тормозило его мысли, и он окончательно потерял покой. Вскочив с кровати, он налил себе полный стакан коньяку и, осушив его залпом, вышел на балкон.

Вечерний Сочи будоражили звуки духовых оркестров. Для отдыхающих начиналась веселая ночная жизнь, полная неожиданных встреч и любовных приключений.

«Они там веселятся, им и дела нет до моих болячек, – с раздражением подумал Меченосец, – вот пойду и заарканю какую-нибудь красотульку».

Выйдя из санатория, Меченосец пошел в направлении «Ривьеры», но, пройдя несколько десятков метров, остановился и повернул в сторону пляжа.

«Почему это я ополчился на Анну, может быть, заразой наградила меня та женщина, с которой я барахтался в ночном море. Вот сейчас встречу и надеру ей задницу».

Подумав так, он ускорил шаг и уже через пять минут был на пляже. Разместившись под грибком, он стал с нетерпением ждать ночную незнакомку.

Ослабшие от дневного разгула волны плавно накатывались на побережье и нехотя лизали прибрежную гальку. От этого лизания галька издавала звуки, похожие на шелест листвы, и эти звуки успокаивающе действовали на расстроенного Меченосца. Глядя на лунную дорожку, он даже что-то замурлыкал себе под нос.

Вдруг в этом легком шелесте стали четко прослушиваться чьи-то шаги. Меченосец оглянулся на звуки и увидел женщину, которая быстрым шагом приближалась к берегу.

Метра за два до воды она скинула с себя халатик, оставшись в negligee и, сделав несколько легких взмахов руками, вошла в воду.

Меченосец, как гончий пес, напрягся и, скинув с себя одежду, поспешил нырнуть в морскую волну. Подплыв к женщине, он обхватил ее своими сильными руками, почувствовав всю прелесть молодого стройного тела, которое было явно не похоже на тело женщины, с которой он в прошлый раз занимался любовью.

– Дяденька, – воскликнула женщина девчоночьим голосом, – Вы что это делаете?

От неожиданности Меченосец разжал свои объятья и внимательней посмотрел на крикунью. Лунный свет выхватил из темноты юное создание и показал его Меченосцу.

Да, это была еще совсем молодая девушка с белыми распущенными локонами. Она с испугом смотрела на взрослого дядю, не решаясь пошевелиться.

– Вот сейчас возьму и изнасилую тебя, – подумал Меченосец, – надо же мне кому-то отомстить.

Он опять потянулся к девушке, но, увидев ее жалостливый взгляд, отступил, повернулся и стал выбираться на берег.

Накинув на мокрое тело рубашку и брюки, Меченосец спешно покинул пляж.

А девушка еще несколько минут стояла по пояс в воде, стараясь унять окутавшую ее тело дрожь. Ее первый испуг уже прошел, а дрожь в теле не являлась причиной этого испуга. Девушка дрожала от недавнего прикосновения голого мужского тела, которое она еще и сейчас явственно ощущала. А что, это даже очень приятно. Можно сказать, что возбуждающе приятно. – И зачем только я кричала, – подумала она

Лечение закончено, и жизнь прекрасна

На следующий день Меченосец нашел лист бумаги и написал жалостливое письмо для Светочки.

– Милая Света, – писал он, – собрался уже выезжать домой, но маме опять стало плохо, поэтому недельки две, а, может быть, и больше мне придется побыть рядом с ней. Очень соскучился по тебе и Павлуше, но оставить больную маму решиться никак не могу. Как только маме станет лучше, так сразу же и выеду. Аналогичную писульку, только без «соскучился» и «милая», Меченосец написал и директору школы.

Запечатав письма в конверты, он дошел до вокзала и передал их одной из проводниц поезда Сочи–Ленинград, чтобы та, по приезде в Ленинград, опустила письма в один из городских почтовых ящиков.

Целых две недели Меченосец подставлял свой зад под иглу докторского шприца, и, наконец, лечение завершилось. По этому случаю, Меченосец устроил себе провокацию, о которой говорил ему лечащий врач.

Придя вечером в летний ресторан, он заказал себе двести грамм коныяку с шашлычком и, не торопясь, начал медленно его смаковать, любуясь окружающей природой и женщинами, которые опять стали радовать его взгляд.

– Нет, все-таки жизнь прекрасна, – подумал Меченосец, поймав на себе лукавый взгляд симпатичной блондинки, – и вообще, как можно обижаться на такие создания.

Выпивтив грудь, он пригласил ту блондинку на танец и, обняв ее, стал заглушать музыку своим приятным воркованием о красоте его партнерши и об ее прекрасных танцевальных качествах. Приятные слова вызвали партнершу мелко вздрагивать, и прикрывать от счастья глаза.

Но танец закончился, воркование прекратилось, и опомнившийся Меченосец не стал приглашать блондинку за свой столик.

– Извините, – сделав серьезный вид, сказал он, – но я вынужден Вас покинуть. Дела, знаете ли.

Выходя из ресторана, Меченосец спиной ощущал взгляд, которым провожала его обиженная блондинка.

– Ничего, – подумал Меченосец, – завтра переговею, а уж послезавтра оторвусь на полную катушку.

На следующий день он сдал очередной анализ, который перечеркнул его занудную болячку и поднял настроение вместе со всем тем, что было можно поднять.

– Я снова в строю, – воскликнул он, обнимая медсестру, выдавшую ему результаты анализа, – милые женщины, как я вас всех люблю.

Медсестра немного смутилась, потом кокетливо посмотрела на Меченосца и произнесла:

– Всех любить невозможно.

– Ну, если не всех, то многих, – согласился с ней Меченосец и вышел из кабинета.

– Ура, небо опять прояснилось, а море перестало гнать сердитую волну, – выйдя на свежий воздух, прокричал Меченосец.

Проходившая мимо женщина испуганно посмотрела на Меченосца, но, увидев на его лице улыбку, улыбнулась ему в ответ.

От ее улыбки у Меченосца стало еще лучше на душе и он, замурлыкав «бэсамэ, бэсамэ мучо», направился в сторону столовой, чтобы впервые за две недели пообедать с аппетитом.

После обеда он решил переждать в номере знойные часы и не заметил, как заснул. Часа через два он проснулся, освежился под тугой струей душа и, приодевшись, вышел на очередную охоту.

Теплый вечерний воздух располагал к романтике. Наверное, поэтому Меченосцу было особенно приятно смотреть на фланирующих по набережной женщин. А так как женщины приехали сюда для того, чтобы совместить приятный отдых с охотой на самцов, Меченосцу не составило никакого труда познакомиться с одной из них.

Новой жертвой, в хорошем понимании этого слова, была жгучая брюнетка, которую звали Любовью.

Когда при знакомстве она назвала свое имя, Меченосец пошутил:

– Ну, вот, так сразу и любовь.

На что Любовь вполне серьезно отреагировала:

– Павел, какая женщина не мечтает о настоящей любви.

– Но разве замужняя женщина не ощущает любви? – спросил Меченосец.

– А Вы думаете, что замужество и любовь – это звенья одной цепи? – вопросом на вопрос ответила Любовь.

– Конечно, нет, но Ваш вид говорит о том, что Вы счастливы, – ответил Меченосец.

– Не так счастлива, как благополучна, – поправила Меченосца Любовь.

– А чем выражается Ваше благополучие, – вновь спросил Меченосец.

– Наверное, в том, что у меня есть муж, который может меня содержать, – ответила Любовь.

– А кем же работает Ваш муж? – не унимался Меченосец.

– Мой муж, партийный работник. Вам этого достаточно? – в свою очередь спросила Любовь.

– Вполне, – ответил Меченосец и, чтобы сменить тему разговора, предложил, – а не пойти ли нам в какой-нибудь ресторан?

В ресторане, под шампанское и коньячок, оживленный разговор был продолжен. Меченосец, как всегда, рассказал о своих боевых подвигах, а Любовь поведала ему о том, что сразу после войны окончила хореографическое училище, но, влюбившись по уши в разудалого политрука, быстро выскочила замуж, и муж запретил ей где-либо работать. Романтическая любовь быстро прошла, а ей на смену пришла печальная терпимость, переросшая, в дальнейшем, в полное безразличие с гримасой удовлетворения.

На предложение Меченосца пойти к нему в гости, Любовь ответила равнодушным согласием.

Она также равнодушно легла с ним в постель, без особых эмоций выдержала его натиск, хотя и делала вид, что ей это нравится.

Ночью Меченосца разбудил женский плач. Это Любовь, вспомнив о чем-то своем, плакала навзрыд, даже и не пытаясь сдерживать слез.

Обняв женщину, Меченосец попытался ее успокоить, но Любовь отстранилась от него, сказав:

– Не обращай внимания, Павел. Я еще раз убедилась в том, что становлюсь совсем безразличной к мужскому полу.

– Ты это и раньше чувствовала? – спросил Меченосец.

– Да. Впервые, я это почувствовала во время частых репетиций. Близость мужского тела со временем перестала возбуждать меня, – призналась она, – а безразличие мужа еще больше притупило мои чувства.

– Может, не стоит драматизировать? – поспешил успокоить ее Меченосец.

– Нет, Павел. Идя сюда, я думала, что другой мужчина сможет меня возбудить, но этого не произошло, – с сожалением произнесла Любовь.

Поцеловав Меченосца, она встала с постели и скрылась в душе. Через полчаса Любовь покинула апартаменты Меченосца, даже не простившись.

В практике Меченосца это был первый случай, когда он не смог удовлетворить молодую женщину.

Поворочавшись в постели, он все же смог уснуть и даже увидеть сон, в котором молодые женщины облепили его, пытаясь разорвать на куски. Приснится же такое.

Следующая женщина поймала Меченосца сама. В один из дней он после завтрака пришел на пляж и, сделав первый утренний заплыв, разлегся на покрывале.

Солнце потихоньку карабкалось от горизонта вверх, не спеша, разогревая остуженный за ночь воздух.

Пляж постепенно заполнялся людьми, и Меченосец, оглядывая их, по внешнему виду пытался определить социальное положение и характер отдыхающих.

– Вот этот толстяк работает каким-нибудь замом, – подумал он, взглянув на полного низкорослого мужчину, – и выбился в замы он только потому, что умеет вовремя лизнуть. А эта крашеная курица сидит на иждивении какого-нибудь чинуши и с воодушевлением ставит ему рога.

А эта скромница только делает вид, что скромна. На самом деле она полна решимости флиртануть с каким-нибудь мужичком. Не случайно, она то и дело отрывается от книги и поглядывает на мужичков. Вот и по мне уже успела пробежаться своим колючим оценивающим взглядом.

А этот усапый брюнет всем своим видом говорит:

– Дорогие тетки, берите скорей меня, я сделаю вас счастливыми. Причем вряд ли он будет тратить на теток деньги. Люди с такой лощеной харей привыкли жить за чужой счет.

А это что за видение? Никак сама Мэрилин Монро пожаловала на сочинский пляж.

И, действительно, белокурая женщина была очень похожа на известную американскую актрису, но, в отличие от Монро, ее сопровождал не телохранитель, а крепкий волосатый мужчина южной национальности. Хотя, судя по его недоверчивому и грозному взгляду, обязанности телохранителя ему тоже приходилось выполнять.

– Эта женщина, купается как сыр в масле, – подумал Меченосец, – вот только не горек ли этот сыр?

Вдруг он услышал воркующий женский голос:

– Молодой человек, рядом с Вами свободно?

Меченосец с неохотой оторвал взгляд от белокурой женщины и, повернувшись на голос, увидел перед собой пышнотелую молодуху.

- Вроде бы свободно, – пробурчал он.
- Так, вроде бы или свободно, – уточнила пышнотелая.
- Свободно, свободно, – подтвердил Меченосец.

Пышнотелая расстелила рядом цветастое покрывало и, сняв халат, оголила свое заплывшее жиром тело.

– А ведь ей немногим более двадцати пяти, – подумал Меченосец, а вслух спросил, – судя по загару, Вы совсем недавно приехали в Сочи?

– Да, – оживилась толстушка, – я здесь только третий день, но уже без ума от моря и солнца.

– Мне кажется, что ты без ума не только от моря, – подумал Меченосец.

– А Вы, судя по загару, уже давно здесь отдыхаете? – спросила толстушка Меченосца.

– Да, у меня отпуск большой, вот и приходится коротать его на черноморском побережье, – ответил Меченосец.

– А кем же Вы работаете, коль у Вас такой большой отпуск, – вновь спросила толстушка.

– Директором школы, – не моргнув глазом, соврал Меченосец, – Павел Петрович собственной персоной.

– А я Маргарита, Маргарита Александровна, – представилась женщина, – можно просто Рита.

– Очень приятно, просто Рита, – улыбнулся Меченосец, – а где же Вы работаете?

– Я то, – переспросила Рита, – а я заведую столовой в одном учреждении.

– Теперь понятно, откуда эти жировые запасы, – подумал Меченосец, а вслух сказал, – важная профессия. А сами– то готовить умеете?

– Обижаете, – воскликнула Рита, – я ведь кулинарный техникум заканчивала.

– Значит, дипломированный специалист, – полушутя, полусерьезно, резюмировал Меченосец.

– Дипломированный, – подтвердила Рита, – если хотите, могу угостить моим фирменным блюдом.

– И что же это за блюдо? – спросил Меченосец.

– Уральские пельмени, – сообщила Рита, – я их так классно готовлю, пальчики оближете.

– Какая Вы самоуверенная. А почему, собственно, уральские? – вновь спросил Меченосец.

– А потому, что я с Южного Урала, – ответила Рита, – родилась и живу в Челябинске.

– Тогда понятно, – произнес Меченосец, – теперь буду ждать приглашения на пельмени.

– А чего ждать-то, я Вас уже приглашаю, – воскликнула Рита.

– Что, прямо сейчас и идем? – спросил Меченосец.

– Нет, прямо сейчас мы пойдем и окунемся, а вот завтра пельмени за мной, – предложила Рита.

Вот так и захомотала Рита нашего опытного, но слабоватого на передок Меченосца.

Рита, Рита, Маргарита

Ритка Маркина, действительно, родилась в небольшой уральской деревне неподалеку от Челябинска в 1930 году. Кроме Ритки в семье крестьянина Маркина было еще шестеро детей. Три брата и сестра родились раньше Ритки, а еще один брат и сестренка появились на свет после нее. Жили они, конечно, бедновато, но кусок друг у друга не вырывали, и даже старались не грустить.

Перед самой войной старшие братья уехали в город на заработки, а три сестры и младшенький помогали, как могли, родителям по хозяйству.

Ритка чаще всего крутилась возле бабушки, которая с утра до обеда суежилась возле печки, готовя вкусную еду. Бабушка сначала незлобиво отмахивалась от нерадивой помощницы, но, заметив Риткину тягу к стряпне, стала давать ей нехитрые задания. В конце концов, Ритка так научилась готовить, что бабушка только посматривала на нее со стороны, да, иногда, подсобляла советом.

В ближайшую сельскую школу Ритка, вместе со своими сверстниками, ходила за семь с лишним километров. Осенью ребят доставала дождливая погода, зимой сильный мороз с неслабым ветром, а весной дорога так разжижалась, что пройти по ней было очень и очень трудно. Но дети принимали это как должное и на жизнь не очень-то и роптали.

Начавшаяся война внесла некоторые коррективы в Риткино обучение, так как занятия в школе стали проходить нерегулярно.

И если в занятия война внесла незначительные коррективы, то Риткину семью она пощипала основательно. С войны так и не вернулись отец, два старших брата и сестра, которая в 1942 году ушла добровольцем на фронт, окончив в Челябинске курсы радисток. После войны с семилетним образованием Ритка приехала в Челябинск навестить своего брата, да так там и осталась.

Недолго думая, она поступила в кулинарный техникум, а, окончив его, пришла в заводскую столовую и через два года стала заведовать этой самой столовой.

Получить руководящую должность ей помог один из начальников цеха, которому она очень понравилась. Да и Маргарита к нему была неравнодушна. Такого приличного обхождения со стороны противоположного пола деревенская девчонка никогда еще не ощущала, но начальник цеха сразу дал ей понять, что со своей семьей расставаться не собирается.

– Ну, не собираешься, так и не собирайся, – подумала Маргарита, – как-нибудь переживу. Хотя, от одной мысли о том, что начальник цеха, кроме нее, ласкает еще какую-то женщину, у Маргариты начинало покалывать под левой грудью.

Раза два в неделю начальник цеха старался ее навещать, а иногда они даже выбирались с ним в кино.

Вот и на юг они собирались ехать вместе, но в цеху у начальника произошло ЧП с гибелью одного из металлургов. Начались большие разборки, и на юг Маргарите пришлось ехать одной.

Приехав в Сочи, Рита сняла недалеко от моря большую комнату с верандой, и, разложив свои вещи, поспешила к морю, где больше часа ходила вдоль берега босиком, наблюдая за морем и единственным кораблем, который медленно перемещался вдоль линии горизонта. Прилюдно раздеться и искупаться в этот день она так и не решилась.

Идя по воде, она удивлялась морским просторам, которые сливались у линии горизонта с небосводом, заставляя ее задуматься о величии Вселенной и о том, что человек на огромной Земле кажется маленькой частичкой.

В своем деревенском воображении она и представить себе не могла, что Земля так велика и так разнообразна. До этого момента все земное пространство умещалось в Ритином сознании в территорию Челябинска и его окрестностей.

Впервые она стала задумываться о размерах Земли еще в поезде, который в течение трех суток добирался до Сочи. Но за вагонным окном были видны только отдельные картинки, не вписывающиеся во что-то общее, а тут, на морском берегу, перед ней раскрывались бесконечные просторы голубизны, разделенные только линией горизонта.

Вечером она допоздна сидела на веранде, вглядываясь в усыпанное звездами небо, пытаясь определить в звездном многообразии свою звезду.

Так и не сделав свой выбор, она ушла в комнату и, разложив постель, попробовала заснуть, но дневные впечатления еще долго будоражили ее сознание. А когда сонное покрывало все же накрыло ее, она уви-

дела себя на борту корабля, с борта которого была видна только зелено-вато-голубая сфера, да линия горизонта на ней. И в какую бы сторону не перемещался корабль, линия горизонта успевала от него убежать.

Придя на пляж на следующий день, Рита все-таки разделась и впервые окунулась в морскую голубизну.

Странно, чтобы удержаться на поверхности деревенского пруда, ей приходилось затрачивать значительные усилия, а тут морская вода сама удерживала ее на своей поверхности. Рита попробовала нырнуть, но вода вытолкнула ее на поверхность, словно пробку, и тогда она легла на спину и стала любоваться голубым небом, покачиваясь на легкой волне.

– Какое блаженство, – подумала она, – разве могла я мечтать о таком еще года два тому назад.

Следующий день принес ей знакомство с Меченосцем, о котором я уже упоминал.

И вот теперь Меченосец пришел к Рите в гости, и пришел не с пустыми руками. В одной руке он держал большой букет цветов, а в другой бутылку Саперави.

Приготовленные пельмени уже около часа дожидались его, они послушно лежали на большом фанерном листе, обсыпанном мукой. На столе стояла бутылка Столичной и приготовленные Ритой салаты из свежих овощей.

Меченосец вручил Рите букет цветов, который она спешно поставила в трехлитровую банку с водой. Бутылку Саперави Меченосец выставил на стол, где она своим тепленьким боком прижалась к прохладному боку Столичной.

Поблагодарив за цветы, Рита усадила гостя за стол и, указав на бутылку, порекомендовала ему быть хозяином положения.

Меченосец, не сопротивляясь, наполнил водкой свою стопку и уже хотел поставить бутылку на стол, но Рита попросила:

– И в мою стопку налей. Пельменями лучше водочку закусывать.

Они выпили за знакомство, закусив салатами, после чего Рита поспешила на кухню, прихватив с собой фанерный лист с пельменями.

Через десять минут она вернулась в комнату с двумя тарелками пышущих жаром пельменей.

Заглотив предательскую слюну, второй тост Меченосец посвятил Рите – великой кулинарной мастерице.

После этого тоста в ход пошли пельмени со сметаной, которые Меченосец стал уплетать за обе щеки.

Рита, забыв про свою тарелку, с умилением следила за скорой едой Меченосца. Было видно, что жадно глотающий мужчина по достоинству оценил ее кулинарное мастерство. От осознания этого по ее телу пробе-

жала приятная волна удовлетворения. А что еще нужно кулинарных дел мастерице?

Но, как женщине, Рите было мало одного кулинарного удовлетворения. Будучи женщиной крупной, она обладала неисчерпаемым запасом потенциальной энергии, которая будоражила ее возбужденное тело, стараясь вырваться из него зарядами женской ласки и соблазнительного обольщения.

После третьей стопки она так расхрабрилась, что, встав из-за стола, подошла к Меченосцу и уселась к нему на колени. Прочувствовав коленями вес, Меченосец обхватил Риту за раздобревшую талию и чувствительными пальцами прощупал ее жировую прослойку. Эта прослойка как-то насторожила его, но жаркий поцелуй разбудил в нем ответное чувство. Рита так присосалась к нему, что у Меченосца перехватило дыхание. Схватив Риту в охапку, Меченосец, не без труда, донес ее до кровати и плюхнулся в нее вместе с Ритой. Через мгновение Рита уже сидела верхом на Меченосце, скидывая с себя цветастое платье.

Под платьем у нее не было никакой другой одежды, поэтому в поле зрения Меченосца сразу же попали ее большие колышущиеся груди. Он попытался ухватить одну из них за торчащий сосок, но Рита отстранила его руку и с неистовой настойчивостью принялась раздевать. На пол полетела его рубашка, потом брюки, а за брюками и трусы.

Теперь не защищенное одеждой тело Меченосца было в полном распоряжении обезумевшей женщины. Она накинулась на обнаженное тело, как собака на кость, пытаясь руками и языком прощупать все его заветные части.

Меченосцу ничего не оставалось делать, как только подвывать в такт ее негромким стенаниям.

А Рита, оседлав Меченосца, заерзала своим задом в разные стороны так, что ее возбуждение достигло наивысшей степени и, в конце концов, она разразилась таким громким выражением своих эмоций, что хозяйские куры начали хаотично бегать по двору и надрывно кудахтать.

Еще никогда в жизни пот не заливал ее удовлетворенные глаза так обильно. Он катился по Ритиным щекам, он покрыл все ее тело, отчего оно стало скользким и неприятным для Меченосца.

Меченосец попытался отодвинуться от нее, но Рита вновь его обняла и стала ласкаться.

– Милый Павел, я снова тебя хочу, – шептала она Меченосцу, покрывая его тело жаркими поцелуями, но Меченосец на них никак не реагировал.

– Что с тобой, Павел? – после нескольких безуспешных попыток возбудить его, спросила Рита.

– Я, кажется, устал, давай немного отдохнем, – предложил он.

Рита встала с кровати и, обернув себя полотенцем, кинула полотенце Меченосцу.

После этого она подошла к столу, налила в стопки водки и предложила Меченосцу выпить за первую близость. После первой близости ей захотелось близости второй, но как ни старалась Рита, Меченосца она растормошить так и не смогла.

Чтобы как-то отвлечь Риту от мыслей о новом любовном сеансе, Меченосец предложил ей пройтись до моря.

Уже стемнело, когда они вышли из дома и направились в сторону моря. На пустынном пляже почти никого не было, и они, раздевшись под грибком, голыми нырнули в морскую прохладу. И в этой прохладе, вместо того, чтобы охладиться, Рита вновь распалилась. Она прилипла к телу Меченосца, и тот, сначала без удовольствия, а потом с наслаждением стал насаживать Риту на свое окрепшее хозяйство. Она запрокидывала назад голову, она со стоном прилипала к его голому торсу, и Меченосец вновь почувствовал желание удовлетворить прижавшуюся к нему женщину. В этот раз пот не мешал его полному возбуждению, и это возбуждение переросло в экстаз.

– Ах, Ритка, ах, чертовка, ты все-таки добила своего.

Эта мысль заставила Меченосца улыбнуться и нежно ее обнять. Так обнявшись, они и вышли из воды.

На Ритино предложение ночевать у нее, Меченосец ответил отказом, сославшись на то, что рано утром ему нужно будет проходить медицинские процедуры.

Нисколько не обидевшись на Меченосца, Рита поцеловала его в щечку и скрылась за деревянной калиткой.

Меченосец еще несколько мгновений постоял в темноте, потом резко повернулся и быстро зашагал в сторону санатория.

– Ну и темперамент, – думал он, вышагивая по темной улице Сочи, – это ж надо, какая неугомонная. Подавай ей все и сразу. Не успеешь отдышаться, как она опять лезет со своими приставаниями. А может, помочь ей в скидывании лишнего веса? Думаю, что деньков через пять ее и не узнаешь.

А Рита тем временем лежала на кровати и, уставившись в потолок, с удовольствием вспоминала каждое мгновение сегодняшнего общения.

– А он темпераментен, – подумала она, и улыбка озарила ее лицо, – а в воде он был вообще неудержим. Сегодня состоялся мой первый сеанс секса в воде, с чем себя и поздравляю.

А завтра я хочу заняться с ним сексом прямо на песчаном берегу, а потом и в море, а потом и на.....

Ее глаза медленно закрылись, а ровное дыхание говорило о том, что сон, наконец-то, сморил нашу мечтательницу. Тогда не будем ей мешать. Спокойной ей ночи.

Наутро Рита проснулась от петушиного пения. Петькино кукареку разносилось по окрестностям, словно сигнал горниста, оповещающая окружающих о неурочном подъеме.

– Как тебе не стыдно, – подумала Рита, не хочешь спать, так не спи, но зачем же других будить.

Петька, словно услышав Ритино ворчание, перестал кукарекать, и на дворе вновь воцарилась деревенская тишина.

– Как дома в детстве, – подумала Рита, вспомнив деревенский дом, – а что там теперь делает мама? Наверное, доит корову и кормит раскудахтавшихся кур. Наш петух уже успел всех разбудить.

С мыслями о доме она полностью проснулась и, выйдя во двор, умылась у рукомойника.

Быстро позавтракав, она прошла на пляж и заняла место для себя и для Меченосца.

Но Меченосец до обеда так и не появился.

Расстроенная Рита хотела идти в его санаторий, но он сам после обеда объявился на пляже.

– Извини, – сказал он, не успев поздороваться, – после бурного вечера никак не мог проснуться.

Рита с достоинством приняла его извинение, про себя подумав:

– То ли еще будет сегодня.

А Меченосец, не подозревая о грандиозных планах Риты, предложил ей пойти вечером в какой-нибудь ресторанчик.

Рита немного замешкалась с ответом, но после некоторой паузы согласилась, дополнив предложение своим условием:

– А после ресторана мы пойдем на пляж.

Меченосец с удивлением посмотрел на Риту:

– А на пляж после ресторана идти обязательно?

– Конечно, обязательно, – ответила Рита, выдав глазами порцию лукавства, – разве тебе не понравилось вчерашнее купание нагишом?

– Купаться нагишом не только приятно, но и полезно, – уточнил Меченосец, – раз на пляж, значит на пляж.

Его ответ Риту удовлетворил, но она заметила, что согласился на пляж Меченосец без особого желания.

– Ничего, – подумала она, – сегодня я постараюсь выжать из тебя весь твой темперамент.

Вечером они посидели в ресторане. Правда, не только посидели, но и выпили, и потанцевали, и даже Меченосец с кем-то поцапался. А поца-

пался из-за того, что подвыпивший козел нахально толкнул его во время танца.

До драки дело не дошло, но гадостей они друг другу наговорили с три короба.

В общем, из ресторана Меченосец и Рита ушли раньше намеченного. Настроение было подпорчено, но Рита все равно решила осуществить свой эротический план. Она потащила Меченосца на притихший пляж и там постаралась отвлечь Меченосца от грустных мыслей.

Но когда она приняла позу всадницы, со стороны входа на пляж слышались возбужденные пьяные голоса.

– Я точно видел, как эти падлы сюда вошли, – заплетающимся языком промямлил один.

– Если эти падлы вошли, то где же они, – с трудом выговорил вопрос второй.

– Если вошли, то мы их, сук поганых отсюда не выпустим, – прогундосил третий.

Наконец, один из троицы заметил застывшую на Меченосце женщину и завопил:

– А вот и сучка, кореша, да она уже на кобеле.

Поняв, что их заметили, Меченосец скинул Риту с себя и быстро вскочил, прихватив на всякий случай горсть песка.

Подвыпившая троица тут же набросилась на Меченосца, в руке одного из них блеснуло лезвие ножа.

Увидев нож, Рита во все горло завопила:

– Спасите, помогите, убивают.

Меченосец вовремя сориентировался и, увернувшись от ножа, бросил песок в глаза нападавшего. От дикой боли нападавший завопил и, согнувшись буквой г, побежал к морю.

Но двое его корешей успели навалиться на Меченосца, и один из них приложился к его голове подвернувшимся под руку булыжником.

Если бы не милиция, которая прибежала на Ритины вопли, плохо бы им пришлось, так как от удара по голове, Меченосец потерял сознание.

Тут же была вызвана скорая помощь, которая отвезла Меченосца в больницу. А Риту и трех подвыпивших корешей милиция забрала в участок.

Взяв у Риты показания и записав ее данные, следователь отпустил ее домой, а троицу поместили в комфортные условия КПЗ.

Выйдя из милиции, Рита поспешила в больницу, где Меченосцу уже успели наложить шов, и он безмятежно спал в одной из палат. Рита упростила дежурную медсестру, и та разрешила ей остаться возле больного.

– Ах, ты, мой миленький, – по-бабски всхлипывая, причитала Рита, – как я не хотела идти в этот проклятый ресторан. Лучше бы мы сразу пошли к морю. Моему Пашеньке было, наверное, очень больно, но я постараясь выходить его. Вот увидишь, Рита не только готовить умеет. Это ж надо, познакомились только позавчера, а я уже так к тебе прикипела.

Вот так она и причитала всю ночь, пока южное солнце не запустило в палату солнечный зайчик, который, пробежавшись по кровати, пробрался под ресницы Меченосца.

Меченосец поморщился, попытался перевернуться на другой бок, но, почувствовав резкую головную боль, открыл глаза. Осмотрев непонимающим взглядом палату, Меченосец заметил заплаканную Риту.

– Что это ты расплакалась, – пересиливая боль, произнес он, – рано еще меня хоронить.

– Типун тебе на язык, – улыбнувшись, сказала Рита, – слава богу, очнулся.

Она села на край кровати и осторожно погладила его по щеке:

– Милый ты мой, все будет хорошо, я тебя обязательно выхожу.

Искренность, с которой были сказаны эти слова, очень тронула Меченосца. Он взял Ритину руку и прижал ее к своей левой груди.

– Слышишь, как бьется мое сердце, – спросил он.

– Конечно, слышу, – ответила Рита, – мне кажется, что оно вот-вот выскочит из твоей груди.

– Оно может выскочить только в твои руки, – произнес Меченосец.

– Милый Павел, пусть сердце не выскакивает, потому что я рядом и буду возле тебя до тех пор, пока ты меня не прогонишь, – воскликнула Рита.

– Рита, о чем ты говоришь, могу ли я тебя прогнать, – произнес Меченосец, – я уже сейчас готов покинуть эту больницу и уединиться с тобой где-.....

Говоря это, он попытался подняться, но резкая боль вновь уложила его на кровать.

– Лежи-лежи, разве можно вставать, – поторопилась помочь Меченосцу Рита, – вот когда врачи скажут, что все уже позади, тогда и встанешь. А пока я не позволю тебе нарушать постельный режим.

Меченосец с благодарностью посмотрел на Риту и, закрыв глаза, через несколько минут снова уснул.

Рита тихонько вышла из палаты и, поблагодарив медсестру, пошла на сочинский рынок за фруктами и витаминами.

Когда в очередной раз Меченосец проснулся, он увидел цветы, которые стояли на его тумбочке и тарелку с яблоками, грушами и виноградом.

Поймав на себе взгляд Меченосца, Рита засуетилась и попыталась накормить его сочными фруктами.

Целую неделю, пока лежал Меченосец, Рита ухаживала за ним, а когда пришло время выписываться из больницы, заказала такси и привезла его к себе. Еще неделю она откармливала и доводила его до кондиции, не решаясь чрезмерно возбуждать.

Но Меченосец сам возбудил ее, сплыв перед ней эротический танец. Он так откровенно вилял бедрами, что Рита не выдержала и, притянув его к себе, стала энергично ласкать.

В общем, неистовая любовная игра зафиксировала факт окончательного выздоровления Меченосца. Все-таки, любовь, действительно, самое лучшее лекарство.

А через два дня подкралось время Ритино го отъезда.

Последнюю ночь они решили любиться до изнеможения, чтобы в поезде Рита только и делала, что отсыпалась.

Покрытому потом Меченосцу уже не казалось через чур потным и скользким Ритино тело.

Он изъезжил его вдоль и поперек, стараясь запечатлеть себя в Ритиной памяти. А Рита все свои впечатления выплескивала наружу через возбуждающие придыхания и сладостные стоны, переходящие в крик вырывающегося экстаза.

На перроне, перед отправлением поезда между ними состоялся следующий разговор.

– Павел, а, может, ты тоже поедешь со мной, – с надеждой спросила Рита.

– Я бы с удовольствием, но через четыре дня я должен быть в Ленинграде. Время отпуска заканчивается, пора и на работу, – ответил Меченосец.

– Но ты же директор, можешь и попозже вернуться, – предположила Рита.

– Нет, директор обязан пример показывать своим подчиненным, а ты меня склоняешь к нарушению трудовой дисциплины, – твердо сказал Меченосец.

Откуда что берется. Прямо службист какой-то.

Его категоричный тон подействовал на Риту отрезвляюще, и она с надеждой спросила:

– Но, ты ко мне приедешь?

– Конечно, – не задумываясь, ответил Меченосец, – в зимние каникулы как раз и наведуюсь.

Обещание Меченосца подняло Ритино настроение, и она бросилась ему на шею.

– Я буду очень тебя ждать, – прошептала она.

Меченосец поцеловал ее в щечку и сказал:

– А я буду торопить время, чтобы каникулы быстрее наступили.

Проводница попросила всех отъезжающих занять свои места, и поезд медленно отошел от перрона.

Прощай, кулинарных дел мастерица. А почему, прощай, может быть, до свидания?

Возвращение блудного сына

Через два дня, в течение которых Меченосец так и не нашел себе новую пассию, поезд Сочи – Ленинград, отошел вместе с ним от перрона сочинского вокзала.

Обратный путь был для Меченосца вовсе не доходным и скучным, так как с югов люди ехали с выпотрошенными кошельками и с мыслями о предполагаемых встречах с родственниками.

Многие из них перебирали в голове варианты своих южных впечатлений, выбрасывая из памяти те, которые хоть чем-нибудь могли поставить их в неловкое положение перед близкими им людьми.

Не будешь же ты рассказывать своему мужу о страстном любовнике, точнее трех любовниках, с которыми смогла хорошо провести южное время.

А ты разве сможешь поведать жене о молодой красотке, с которой перепихнулся пару раз в ночном Сочи.

Долгий путь домой дает человеку возможность вовремя переволноваться и на перрон родного Ленинграда сойти с легкой жизнерадостной улыбкой.

Вот, мол, смотрите, я хорошо отдохнул и совершенно чист перед вами. И разве могло быть по-другому.

Именно с таким выражением лица ступил на ленинградскую землю Меченосец.

Его, конечно, никто не встречал, да ему этого и не нужно было. Он осторожно пробрался через толпу встречающих и вышел на вокзальную площадь.

Возле вокзала он купил букет цветов для Светочки, какую-то игрушку сыну и с чувством выполненного долга позвонил в знакомую дверь

Светочка с искренней радостью встретила Меченосца, а маленький Павлик особой радости не проявил. Приняв из рук отца игрушку, он еле слышно сказал «спасибо» и отошел в свой игрушечный уголок.

Вечером по случаю возвращения Меченосца обрадованная Светочка накрыла на кухне стол и пригласила всех соседей.

Татьяна, пригубив рюмочку вина, ушла в свою комнату, а дотошный Емельяныч и словоохотливая Ангелина Ивановна принялись расспрашивать Меченосца о житье–бытье сибиряков.

– Расскажи-ка, Павлуша, как матушка Сибирь поживает, – попросил его Емельяныч.

– Хорошо живет, Емельяныч, – ответил Меченосец, – мужички наладили ремесла, детворы во дворах поприбавилось.

– Неужто, мужиков много развелось? – спросила Ангелина Ивановна.

– Много–немного, а есть, кому женщин уважить, – неопределенно ответил Меченосец.

– А чтой-то загар твой какой-то не сибирский, – усомнился Емельяныч, – неужто в Сибири жарища стоит?

– А у нас в Сибири лето, так лето, зима, так зима, – не моргнув глазом, ответил Меченосец, – сейчас в Сибири 30, а то и все 35 градусов.

– Ишь, ты, – удивился Емельяныч, – слыхала, Ивановна, вот ведь какая жара стоит в Сибири.

– Жара, так жара, – согласилась Ангелина Ивановна, – я ведь никуда, дальше Гатчины и не выезжала.

Чтобы сменить тему разговора, Светочка подняла свою рюмку и предложила выпить за здоровье матери Меченосца.

Все хором поддержали этот тост, а когда выпили, Меченосец начал рассказывать соседям о красотах сибирской тайги, об удачной охоте на медведя и зайца.

– Хотел привезти вам медвежьего мяса, да побоялся, что оно в дороге испортится, – сообщил он.

– А ты бы его засолил, как следует, – высказал совет Емельяныч.

– Да по такой жаре и в соли мясо может затухнуть, – ответил Меченосец, – если бы не погреба, так хоть соли, хоть не соли, все равно испортится.

– И то верно, – согласилась с ним Ангелина Ивановна.

Так, разбавляя разговор тостами, соседи и просидели до десяти часов вечера.

А Татьяна в своей комнате никак не могла уснуть.

– Это ж надо, каким холеным приехал из Сибири, – думала она, – по виду и не скажешь, что он с больной матерью сидел. Да и в глазах ника-

кой печали не просматривается. Был кобелем, кобелем и остался. А Светка так обрадовалась, что ничего не замечает. Только смотрит на него своими влюбленными зыркалами, да все приговаривает: «Ты Павлик, кушай, а то проголодался в дороге-то». Какое проголодался. Морда лоснится, а глаза, аж, запыли от удовольствия. Невооруженным глазом видать, что он, кроме себя, никого не любит и любить не собирается. Бедная Светка, чует мое сердце, что наплачешься ты еще с ним.

Светочка же в это время, сдерживая стон, полностью отдавалась ласкам Меченосца. Ее истосковавшееся тело горело жаром, а сердце так и стремилось вырваться из груди.

От этого жара Меченосец напрягся всеми своими мышцами, и, пригнув Светочку к себе, одарил ее своим возбуждением.

И, как ни старалась Светочка сдерживать свои эмоции, стоны вырвались из ее груди, еще больше расстраивая ворочавшегося на диване сына.

– Опять приехал этот долговязый, – зло подумал мальчик, – чего ему от нас нужно?

Павлику Меченосец сразу не понравился. С мамой ему было хорошо и спокойно, а с появлением этого дяди, которого мальчику приходилось называть папой, она стала меньше общаться с ним.

– Убирайся, откуда приехал, – про себя произнес Павлик, – я не хочу, чтобы ты вместе с мамой спал.

С этой мыслью Павлик долго ворочался, пока, наконец, не уснул.

А первого сентября он стал учеником 1 б класса школы, в которой преподавала его мама.

После уроков ему приходилось идти в кладовку к человеку, которого он называл папой, делать там домашнее задание и дожидаться своей мамы.

Незамеченными эти посещения остаться не могли.

Первой внимание на эти посещения обратила Лариса Петровна. Помня о мести, которая все лето будоражила ее сознание, Лариса Петровна продолжала доставать Меченосца. Неоднократно она предпринимала попытки заговорить с ним, но Меченосец всякий раз уходил от серьезного разговора.

Заметив в кладовке Меченосца Павлика, она стала внимательнее следить за ним, и эта слежка ее по-настоящему увлекла.

В процессе слежки она обнаружила тот факт, что по окончании рабочего дня Меченосец, Светочка и Павлик следуют домой вместе. Выяснив такой факт, Лариса Петровна решила серьезно поговорить со Светочкой, и, наконец, такой случай представился. Светочка сама пришла в библиотеку за какой-то книгой.

Прежде чем отдать книгу, Лариса Петровна начала душещипательный разговор:

– Светлана Васильевна, – обратилась она, – я Вас должна кое о чем проинформировать.

– Это о чем же? – немало удивившись, спросила Светочка.

– Я обратила внимание на то, что Вы встречаетесь с Павлом Петровичем, – уточнила Лариса Петровна.

– Да, встречаюсь, – согласилась с ней Светочка, – а почему это Вас так трогает?

– Почему трогает, почему трогает – разозлилась Лариса Петровна, – а потому и трогает, что я с ним тоже встречалась некоторое время. Он грязно надо мной надругался и бросил.

– Вы хотите сказать, что между вами что-то было? – вновь спросила Светочка.

– Не что-то было, а была любовь, – ответила Лариса Петровна, – настоящая любовь, во всяком случае, с моей стороны.

– То есть, вы любили друг друга? – уточнила Светочка.

– Да, да, еще как любили, – зло ответила Лариса Петровна.

– А что же помешало вашей любви? – спросила Светочка.

– А то и помешало, что Павел Петрович только пользуется женщиной, а любовь не входит в его планы. Вот и над Вами он надругается и бросит.

– Он надо мной уже давно надругался, – спокойно сказала Светочка, – наш сын Павлик как раз и является следствием такого надругательства.

– Как, – удивилась Лариса Петровна, – разве Павлик ваш общий сын?

– Да, Павлик наш общий сын, – подтвердила Светочка, – и поэтому надругаться надо мной Павел Петрович уже никак не может.

Сказав это, Светочка вышла из библиотеки. Разговор с Ларисой Петровной ее очень расстроил.

– Выходит, все о чем в прошлом году говорили учителя, было чистой правдой, – подумала она, – а, может быть, Лариса Петровна просто мстит Павлу за то, что он не стал с ней общаться? Но ведь об этом в прошлом году первой заговорила не Лариса Петровна, а завуч. Значит, между ними, действительно, что-то было.

Вечером между Меченосцем и Светочкой состоялся нелицеприятный разговор, и, как Меченосец не отпирался, переубедить Светочку он не смог.

На следующий день вся школа узнала о том, что маленький Павлик – это родной сын Светланы Васильевны и Павла Петровича.

Вот тебе и на, столько времени они от нас это скрывали.

Директриса вызвала их к себе на ковер и детально обо всем расспросила. Выслушав обоих, она пожурила их за то, что они до сих пор не расписались. При этом она напомнила им о долге и том, что семья является основной ячейкой социалистического общества.

Светочка и Меченосец пообещали подумать над этим самым серьезным образом, а, выйдя в коридор, разошлись в разные стороны.

Вечером Меченосцу был предъявлен ультиматум. Или завтра они идут в ЗАГС, или послезавтра Светочка выставляет за порог его вещи.

Всю ночь Меченосец пытался найти ответ на один очень простой вопрос.

– Что лучше, – думал он, – пойти и расписаться или остаться свободным и жить в свое удовольствие. Ну, распишусь и что тогда. А тогда начнется, этого не делай, туда не ходи, с этими не встречайся. Да нет, Светочка не из таких женщин, чтобы все запрещать. А впрочем, чем черт не шутит, это она сейчас такая сдержанная, но будет ли она такой, после того, как окольцует меня? А, если не будет, то развод, потом элементы. В общем, не самый лучший вариант. Но, если с ней не согласиться, тогда нужно съезжать, а куда? Ехать домой мне совсем не хочется. Вика меня уже не примет. А, может, уехать к Рите в Челябинск? Вот он, спасительный вариант, к которому придется вернуться послезавтра, вернуться после.....

Но послезавтра он ждать не стал. Утром, дождавшись ухода Светочки с Павликом, Меченосец встал, не спеша, побрился и, оставив на столе записку, вышел из дома. Он даже не повернулся, чтобы еще раз посмотреть на дом, в котором оставлял своего сына и женщину, которая ему этого сына родила.

Вернувшись вечером домой, Светочка прочитала записку и по-бабьи зарыдала. Маленький Павлик, не поняв причины слез, подошел к маме и попытался ее успокоить:

– Мамочка, не плачь, пожалуйста, я теперь буду слушаться и учиться, как следует.

Обняв сына, Светочка постепенно успокоилась, но ночью слезы вновь подступили к ее глазам.

Ехал в Челябинск, а вышел в Ярославле

В полдень Меченосец сел в поезд, уходящий на Урал. Его соседями по купе оказались молодая пара, ехавшая по распределению в Свердловск и женщина лет тридцати. Молодые были заняты, в основном, со-

бой. Сидя напротив Меченосца и женщины они о чем-то переговаривались и смотрели друг на друга нежными взглядами. Первым телячьих нежностей не выдержал Меченосец. Выйдя из купе, он стал с безразличием рассматривать мелькающие за окном пейзажи. Минут через десять к нему присоединилась и женщина.

Оторвавшись от пейзажей, Меченосец оценивающе осмотрел ее с ног до головы.

– А что, – подумал он, – женщина в самом соку. Грудь, что надо, ножки тоже вроде ничего. Личико симпатичное, вот только глаза таращатся на белый свет слишком откровенно, но это не беда. По одежде можно понять, что живет в достатке. Да и духи у нее тоже не слабые.

Минут пять они постояли молча, потом Меченосец решился и задал женщине первый вопрос:

– Не хотите мешать молодым?

– А мы разве им мешали, – переспросила женщина, – мне показалось, что они вообще никого не замечают. Смотрят с нежностью друг на друга, а до других им и дела нет.

– Мне тоже так показалось, – согласился с ней Меченосец.

– Их можно понять, дело молодое, – вздохнув, произнесла женщина.

– А что так грустно? – спросил Меченосец.

– Невольно вспомнила, как сама вот также ехала по распределению из Ленинграда в Ярославль, – ответила женщина.

– Так Вы из Ленинграда? – опять спросил Меченосец.

– Теперь уже из Ярославля, – ответила женщина, – хотя родилась в Ленинграде и сейчас возвращаюсь от своих родителей.

– А не пойти ли нам в ресторан, а то неудобно как-то в проходе разговаривать, – предложил Меченосец, и женщина с ним охотно согласилась.

В ресторане Меченосец заказал джентльменский набор из двухсот грамм коньяка, фужера красного для женщины и нехитрого закусона.

– Давайте выпьем за наше знакомство, – предложил он, – меня зовут Павлом Петровичем, можно просто Павел.

– Очень приятно, – сказала женщина и тоже представилась, – Ксения Михайловна, можно просто Ксения.

Улыбнувшись друг другу, Меченосец и Ксения чокнулись и выпили за знакомство.

– Так я понимаю, что сейчас Вы едете к месту своей работы? – спросил Меченосец.

– Сейчас я еду, прежде всего, к себе домой, а потом уж к месту работы, – уточнила Ксения, – мой отпуск кончился, и я возвращаюсь домой.

– Вот как, – оживился Меченосец, – значит, отпуск Ваш подошел к концу. А где же Вы работаете, если, конечно, не секрет.

– Секрета никакого нет, после окончания финансово-экономического института я получила распределение на ярославский шинный завод, где теперь и работаю начальником планового отдела, – сообщила Ксения.

– И как, работа Вам нравится? – в очередной раз спросил Меченосец.

– Иногда нравится, иногда не очень, – призналась Ксения.

– А когда не нравится? – спросил Меченосец.

– Не нравится, когда нереальные планы спускают сверху, когда передовиков производства заставляют штамповать по указке, – с возмущением ответила Ксения, – правда теперь я уже не так резко реагирую на все это.

– Устали бороться с бюрократами? – задал очередной вопрос Меченосец.

– Не устала, а поняла, что бесполезно бороться с ветряными мельницами, – с грустью ответила Ксения.

– Как это с ветряными мельницами? – переспросил Меченосец.

– Вы, наверное, не читали «Дон Кихота», тогда советую почитать, – предложила Ксения.

Меченосец на секунду задумался, потом пообещал:

– Обязательно прочитаю.

– А что это мы все обо мне, да обо мне, – опомнилась Ксения, – может быть, Вы и о себе что-нибудь расскажете?

– А что обо мне рассказывать, – вроде бы смутился Меченосец и тут же начал придумывать новую историю своего жизненного пути, – родился в Смоленске в интеллигентной семье. Отец был директором филармонии, а мама преподавала в одной из смоленских школ. Детство мое было радостным и интересным, но началась война и всех моих родственников расстреляли немцы. Одному мне удалось убежать в лес, где и приютили меня местные партизаны. В шестнадцать лет я взял в руки винтовку и, наравне со взрослыми, стал мстить фашистам за погибших родственников. Был не единожды ранен, а в одном из боев меня, тяжело раненого взяли в плен, вывезли на территорию Германии и посадили в концлагерь. Освободили нас американские войска, их начальники предлагали мне райскую жизнь за океаном, но я отказался. А когда был передан в руки наших доблестных органов, уехали они меня в один из сибирских лагерей, и только в прошлом году из него выпустили. Настали, наконец-то, времена, когда справедливость восторжествовала, и я снова дышу воздухом свободы, но очень жаль потерянных лет.

Ксения внимательно выслушала рассказ Меченосца, а когда он замолчал, нежно на него посмотрела. Она хотела задать ему новый вопрос, но не решилась.

А Меченосец посидел еще минуты две в задумчивости, а потом предложил:

– Ксения, давайте выпьем за наступление времени, при котором реабилитируются невинные и честные советские люди.

Ксения с удовольствием поддержала этот тост, совсем другими глазами посмотрев на своего попутчика.

Немного помолчав, Меченосец и Ксения продолжили свое общение, и Меченосец окрасил повествование таким финалом:

– После лагеря поехал я в Смоленск, но дома своего не нашел, родственников тоже. Погоревав несколько дней, я решил исполнить свою детскую мечту, а в детстве я очень хотел побывать в колыбели нашей революции. И вот моя детская мечта сбылась, я побывал в Ленинграде, который очень любил.

– А куда же Вы теперь едете? – спросила взволнованная Ксения.

– А теперь я еду на заработки, говорят, что на Урале можно найти приличную работу с достойным заработком, – ответил Меченосец.

– А что же семья, – спросила Ксения, потом опомнилась и поправилась, – извините, а что же потом?

– А что потом, – переспросил Меченосец, – потом заведу семью, как все нормальные люди и буду жить ради своих детей.

Меченосца опять понесло, он уже и сам начинал верить всему сказанному. А уж как поверила в это Ксения, и представить себе невозможно.

Она смотрела на Меченосца своими откровенно добрыми глазами, и они уже не казались ему такими вытарашенными.

Его рассказ взволновал Ксению, и она всей душой прикипела к этому интересному и столько пережившему человеку.

В общем, ранним утром они вместе вышли из поезда на сонный вокзал города Ярославля.

К этому времени Меченосец уже знал, что, приехав в Ярославль, Ксения больше года жила в общежитии, потом вышла замуж за такого же молодого специалиста, и им была предоставлена комната в коммунальной квартире с общей кухней на восемь семей.

Через два года, узнав о том, что у Ксении не может быть детей, ее муж ушел к другой женщине, и вот теперь она живет одна.

– Это даже хорошо, что у тебя не может быть детей, – подумал тогда Меченосец.

Было воскресное утро, и коммунальная квартира, в которой жила Ксения, только-только начинала просыпаться.

По коридору в направлении кухни проследовала заспанная кругобедрая женщина. Из комнаты напротив выглянула маленькая девочка. Она поздоровалась с тетей Ксенией и быстро скрылась за дверью.

В Ксениной комнате было чисто и уютно. Нехитрая мебель была рационально расставлена. Возле левой стенки металлическая кровать беззастенчиво хвасталась своим красивым покрывалом и пирамидой из подушек. Напротив нее небольшой комод был уставлен всякими слониками и шкатулочками. Рядом с ним примостился буфет, створки которого были плотно прикрыты. Посредине комнаты разместился круглый стол с четырьмя стульями по периметру. А у окна красовалось трюмо с разными статуэтками, баночками и коробочками. На мебели и вещах просматривался аккуратный след заботливой женской руки. Было видно, что хозяйка квартиры любит чистоту и порядок.

Разобрав чемодан, Ксения поспешила на кухню, чтобы приготовить завтрак, а Меченосцу она доверила свой выпускной альбом.

Пока Меченосец любовался фотографиями, Ксения приготовила яичницу, достала из буфета рюмочки и бутылку рябиновой настойки.

Выпив за приезд, Ксения и Меченосец закусили яишенкой, и так как вся ночь прошла в разговорах, то в тепле их очень и очень разморило. От этого глаза их стали непроизвольно слипаться, и Ксения, посмотрев на Меченосца этими самыми полузакрытыми глазами, предложила ему отдохнуть до обеда.

Разложив постель, она достала из комода еще одно одеяло для Меченосца, потом отошла к окну, дав возможность ему раздеться и лечь в постель.

– А теперь отвернись ты, – попросила она, когда Меченосец улегся в постель, – отвернись к стене и постарайся уснуть.

Когда Меченосец отвернулся к стенке, Ксения скинула с себя шелковое платье, сняла пояс с чулками и нырнула под одеяло.

Несколько минут они тихо лежали, подвернув друг другу зады, но сон куда-то девался, а от разморенности не осталось и следа. Кровь бурлила в молодых телах Меченосца и Ксении, и от этого бурления головы их начали кружиться.

Бурление крови заставило Меченосца повернуться к Ксении, а чудный запах духов, как магнитом, притянул его к ней.

Ксения попыталась с головой укрыться одеялом, но Меченосец придержал одеяло и несколько раз нежно лизнул ее ушко. Голова у Ксении еще больше закружилась, она повернулась к Меченосцу и застыла в ожидании. Меченосец осторожно поцеловал ее в полуоткрытый рот, и тут

Ксения не сдержалась и обхватила Меченосца обеими руками. На пол полетели трусы и лифчик, а за ними и болтающееся в ногах одеяло. Панцирная сетка уже давно не испытывала такого давления на себя, она жалобно заскрипела под чрезмерной нагрузкой, словно прося у обезумевшей пары снисхождения.

Но ни о каком снисхождении не могло быть и речи, потому что проголодавшаяся Ксения в эротическом беспамятстве умоляла Меченосца любить ее еще и еще. От этой мольбы Меченосец еще больше распался, внедряясь в Ксению все глубже и глубже, и каждое его движение доставляло ей неописуемое наслаждение, все реальнее приближающее наступление оргазма. И, наконец, доведенная до безумия женщина вскрикнула, потом удовлетворенно вздохнула и полностью расслабилась.

Утомленный Меченосец несколько мгновений полежал на притихшей Ксении, потом медленно с нее сполз. И тут сон окончательно его сморил.

Он уже не слышал, как улыбающаяся Ксения повернулась к нему, погладила по мокрым волосам, потом осторожно поцеловала в щеку и, положив свою руку на его волосатую грудь, безмятежно засопела.

Проснулись они только к вечеру, когда коммунальная квартира наполнилась звуками застольных песнопений и ругани. В выходной день не возбраняется ни веселиться, ни ругаться, но только в меру. А разве может быть мера у подвыпивших людей. Вот и в их дверь кто-то бесцеремонно постучал:

– Эй, Машка, открывай дверь, мать-перемать, не слышишь, что муж пришел.

Это изрядно выпивший сосед по ошибке барабанил не в ту дверь. Наконец, соседняя дверь отворилась, и рассерженная Машка принялась воспитывать пьяного муженька:

– Опять нажрался, скотина. Говорила мне матушка, чтобы не выходила за такого уроды, как ты. Ну-ка, быстро в комнату, и чтоб я тебя больше не слышала.

И, действительно, голос провинившегося мужа притих и стал пьяненько-мягким:

– Машуля, золотко, наконец-то я тебя увидел. Ну, дай я тебя поцелую.

– Иди, иди, рожа твоя немытая, – уже не так злобно произнесла Машка, – горе ты мое.

Дверь за ними захлопнулась, и их нелицеприятный разговор заглушили звуки старой застольной песни про какого-то Хана Булата.

Меченосец посмотрел на Ксению, и та предложила:

– Давай вставать, теперь уже соседи не скоро успокоятся.

Меченосец стал перелезать через Ксению, чтобы одеться и сходить в туалет, но так и застрял на ней на целый эротический час. Оказывается, под звуки застольных песен возбуждение зарождается моментально и длится значительно дольше. В этом Меченосец с Ксенией смогли убедиться воочию.

А на следующий день для Ксении Михайловны наступали трудовые будни, и к этим будням она начала готовиться уже сегодня.

Когда после бурного сладострастия Меченосец предложил ей посидеть за накрытым столом, Ксения тактично отказалась, сообщив о том, что завтра она выходит на работу:

– Павел, сегодня я должна подготовиться к завтрашнему дню, а ты можешь выпить и закусить. Через час, если ты захочешь, мы сможем прогуляться до Волги.

Меченосец уже давно хотел подышать свежим воздухом, поэтому тут же согласился, и через час они были уже на улице.

Ярославская осень оказалась, действительно, золотой. Под ее доброжелательным приглядом великовозрастные липы и достигшие своего совершеннолетия тополя сбросили пожелтевшие наряды, и теперь Меченосец с Ксенией шли по разноцветному ковру из подсохшей листвы. Шуршание листвы еще больше поднимало их настроение, и они, улыбаясь друг другу, шли на встречу с Волгой, о которой Меченосец впервые узнал от учителя географии и из некрасовского стихотворения. Правда, из стихотворения он запомнил только первое двустишие:

– О, Волга – колыбель моя, любил ли кто тебя, как я.

И вот она, великая русская река, которую еще сегодня Меченосец мог лицезреть только через вагонное окно пассажирского поезда.

Стоя на высокой набережной, они смотрели на Волгу и любовались ее плавным течением.

– Как же ты широка и полноводна, – про себя подумал Меченосец, а в слух произнес, – Ксения, посмотри, какая красотища.

– А давай спустимся вниз, – предложила Ксения, – там полной грудью можно вдохнуть волжскую свежесть.

По деревянной лестнице они спустились к самому берегу, откуда можно было не только наблюдать величавое течение Волги, но и дышать ее свежерыбным нектаром.

Подойдя к самой воде, Меченосец зачерпнул целую пригоршню и с наслаждением омыл свое разгоряченное лицо.

– Хочешь, я сейчас искупаюсь? – спросил он у Ксении.

– Искупайся, но только вода слишком холодная, ты же видишь, что никто не купается, – предупредила она.

– Ну и что, нам сибирякам не привыкать, – прокричал Меченосец, скидывая с себя куртку.

– Каким сибирякам? – переспросила Ксения.

Меченосец понял, что проговорился, но вовремя сориентировался и произнес:

– Это у нас в сибирском лагере была такая присказка, в любых ситуациях мы говорили, что нам сибирякам не привыкать.

– Извини, что заставила тебя вспомнить о лагерном времени, – тихо сказала Ксения.

– Извиняю, – прокричал Меченосец и, закончив раздевание, вошел в воду.

– Бррр, действительно, холодная, – крикнул он, потом охладил водой свое тело и поплыл. Метров через десять он повернул обратно и, доплыв до берега, быстро выскочил из воды.

– Ух ты, какая холоднющая, – стуча зубами, произнес он.

От контакта с холодной волжской водой его тело горело, а зубы выбивали какую-то нелепую чечетку.

Схватив майку, Ксения стала усердно вытирать воду с его покрасневшего тела:

– Какой же ты сумасшедший, разве можно нырять в такую холодную воду. Не дай бог, еще заболеешь.

– Не заболеею, – стараясь улыбнуться, пообещал Меченосец, – волжская вода не может мне навредить.

– Волжская вода не может, а вот человек может, – заупрямилась Ксения.

Она поцеловала его в затвердевший сосок, потом в другой.

– Ну-ка, скидывай свои мокрые трусы, – скомандовала она, прикрывая Меченосца.

Меченосец снял мокрые трусы, показав сморщенную игрушку, и без промедления оделся.

– А теперь быстро домой и в койку, – потащила его Ксения.

А дома Ксения с удовольствием поставила Меченосцу грелку, и не простую грелку, а грелку во весь рост, и была эта грелка очень полезной и не менее приятной.

Вот тебе и Волга, настроила наших молодых на любовный лад, а сама течет себе по российским просторам и в ус не дует. Нет, пожалуй, в «ус не дует» здесь не подходит, пусть будет лучше так: «даже не замечает, что воодушевляет людей на любовь и на подвиги».

А что, ведь это, действительно, так. Только Волга смогла обеспечить Меченосцу и Ксении

долгую и сравнительно безоблачную жизнь.

Спросите, как? Да очень просто.

Волга и его новая любовь.

Прослонулся без работы Меченосец около полугода, и хоть Ксения его не торопила, он стал активно искать место приложения своих мужеских сил.

В апреле, когда Волга освободилась ото льда, на ее водные просторы вышли многочисленные туристические пароходы. На один из таких пароходов и пришел Меченосец в поисках работы. Его проводили к капитану речного судна, и от него он узнал, что на его счастье, на пароходе имеется вакансия матроса.

– Но эта должность, только первая ступень продвижения по служебной лестнице, – обнадежил Меченосца капитан.

– Попробуем, – сказал сам себе Меченосец и, попрощавшись с Ксенией, вышел в свое первое плавание. Правда, Ксении он сказал, что идет одним из помощников капитана.

Пароход назывался именем великого русского баснописца Ивана Крылова. Был он двухпалубным и по тем временам сравнительно большим. А курсировал пароход из Москвы до Астрахани и обратно.

Круиз длился девятнадцать дней, затем два дня перерыв, заправка и снова в спокойные воды реки Москвы с выходом в Волгу.

Обязанности матроса были нехитрыми, и Меченосец, проплыв от Ярославля до Казани, быстро их освоил. Подумаешь невидаль, отдать концы, взять концы, надраить палубу или помочь повару, то есть коку.

А на верхней палубе загорали такие пампушечки, что, аж, дух захватывало. Меченосец то и дело появлялся там, чтобы смахнуть с поручней и перил незаметную глазу пыль.

Он пока не форсировал событий, но уже присмотрел для себя чернявенькую непоседу, которая то и дело переворачивалась на своем лежаке, постреливая своими карими глазками.

Меченосцу показалось, что чернявенькая совсем не случайно ему мило улыбалась и заманчиво выгибалась на лежаке. При этом ее внушительный лобок становился еще более заметным. У Меченосца видение лобка вызывало обильное слюновыделение.

– Ах, егоза, – думал он, – вот стемнеет, я тебя обязательно отыщу.

Вечером он прошелся по пароходу, заглянул в корабельный ресторан и там увидел разодетую чернявенькую. Она сидела за столиком и старательно накачивала себя Советским шампанским.

– Это даже очень кстати, – подумал Меченосец, – от шампанского женщины еще больше раскрепощаются. А раскрепощенная женщина – кладезь волнительных моментов.

Охотничий инстинкт подсказывал Меченосцу, что с этой женщиной можно будет творить чудеса. Глаза женщины выдавали не только ее безудержный темперамент, но и ее прежнюю неудовлетворенность.

– Ничего, дорогая, я сумею тебя удовлетворить, – подумал он про себя, – и не таких удовлетворял по высшему разряду.

Ну и хвастун же ты, Меченосец. Смотри, не перенапрягись, а то штаны с задницы спадут от самовосхваления.

Но штаны у Меченосца спали не от этого. Вышедшая на палубу чернявенькая подошла к облокотившемуся на перила Меченосцу и промяукала:

– Что же это Вы скучаете. Разве мало женщин на корабле?

Меченосец оглянулся на приятный голос чернявенькой и, без смущения, произнес:

– Женщин-то много, а вот нравитесь только Вы.

– Даже вот как, тогда в чем же дело, – заворковала чернявенькая, – я вся в Вашем распоряжении.

Сказав это, она не стала ждать реакции Меченосца, а, притянув его к себе, запустила свою руку в его широкие штаны.

От неожиданности Меченосец даже присел, но чернявенькая продолжала ласкать его внушительное хозяйство.

– А ты, действительно, хорош, – с придыханием сказала чернявенькая, – а какой у тебя стручок, я просто балдею.

В общем, довела она Меченосца до такого состояния, что он схватил чернявенькую в охапку и, завалив на себя, постарался поэнергичнее ее усадить. Почувствовавшая твердь Чернявенькая еще энергичней заерзала своим задом.

Проходивший мимо капитан не узнал в темноте Меченосца, а туристы пусть развлекаются, как хотят. Проглотив обильную слюну, он удалился с верхней палубы.

А захмелевшая чернявенькая продолжала терзать вспотевшего Меченосца до тех пор, пока не зашла в бурном оргазме. Но одного оргазма ей было недостаточно, и она уговорила Меченосца продолжить любовь в ее каюте.

А в каюте был коньяк, были фрукты и неудержимая чернявенькая, которая сразу же взяла быка за рога. То есть, не быка, а Меченосца, и не рога, а за его ослабевшее хозяйство.

От ее горячих и темпераментных ласк хозяйство быстро окрепло и, о боже, чернявенькая заняла позу наездницы, подвернув Меченосцу свой

аккуратненький зад. Пробежавшись руками по ее спине, Меченосец обнял чернявенькую и ухватился за ее крепкие груди. Но пришпорить разогнавшуюся чернявенькую ему не удалось.

– Ну и темперамент, ну и энергетика, – мелькнула в распаленном мозгу Меченосца мысль.

Но резкий вскрик отвлек Меченосца от этой мысли, это чернявенькая извещала его о своем новом оргазме. И этот оргазм Меченосец ментально прочувствовал сам.

Через несколько минут он встал, выпил бокал коньяку и хотел выйти на свежий воздух, но дверь каюты оказалась закрытой.

Голенькая Чернявенькая, развалившись на койке, с улыбкой наблюдала за безуспешными попытками Меченосца.

– Милый, лучше опять разденься, возьми бокал коньяку и присоединяйся ко мне, – попросила она.

– Ну, что за бестия, – подумал Меченосец, – не я ее, а она меня ухайдакает.

Раздевшись и наполнив бокалы, он сел на край койки, и звон тех самых бокалов известил о том, что темпераментная любовь будет продолжена. Так оно и произошло. Чернявенькая, словно случайно, пролила на его ляжку несколько капель коньяку и жеманно воскликнула:

– Ой, я, кажется, тебя облила.

Пролепетав это, она наклонилась к его ляжке и стала слизывать с нее пролитый коньяк. Ее язычок работал, как массажная щеточка, и эта щеточка подбиралась все ближе и ближе к его разомлевшему хозяйству. При этом черные волосы женщины приятно щекотали живот Меченосца, и от этого щекотания дрожь пробежала по всему его телу.

В конце концов, выпитый коньяк ударил Меченосцу в голову, а обычный массаж с трудом, но возбудил его на новые подвиги.

Новому возбуждению Меченосца чернявенькая была очень и очень рада. Теперь она, не спеша, заводила его и сдерживала свои эмоции, чтобы продлить удовольствие, которое разливалось по ее темпераментному телу. И это удовольствие все больше и больше разогревало чернявенькую. А сверхразогретая чернявенькая была подобна вулкану, из которого то и дело вырывались потоки огнедышащей лавы. Причем, извержения сопровождалось такими воплями, от которых Меченосцу становилось как-то не по себе.

После очередного сеанса, как не хотела чернявенькая, ей пришлось отпустить Меченосца.

– А ты, однако, настоящий мужчинка, – резюмировала она, отпирая дверь каюты после любовного сеанса, – я надеюсь, что это первое, но не

последнее наше свидание. Меченосец промычал ей что-то в ответ и шатающейся походкой побрел по коридору.

– Ничего себе свидание, – думал Меченосец, отмеряя шагами ночной коридор, – у меня до сих пор ноги трясутся от перенапряжения, ну и зверь, баба.

Придя к себе в каюту, он завалился на койку и, конечно бы, проспал очередную пристань, но корабельный кок Трофим вовремя его разбудил. Правда, будить Меченосца ему пришлось несколько минут.

Чернявенькую же никто не будил, поэтому она проспала не только завтрак, но и обед. А после обеда туристы без чернявенькой высыпали на берег Казани, чтобы ближе ознакомиться с ее достопримечательностями. Узнав об этом, чернявенькая нисколько не расстроилась.

– Эка невидаль, – подумала она, – на обратном пути я успею налюбоваться Казанью. Вечером опять были танцы в пароходном ресторанчике, и чернявенькая вновь вливала в себя шипучий напиток. Вливая напиток, она тешила себя надеждой вновь встретиться с Меченосцем, но доблестный покоритель женских сердец отсыпался в это время в своей каюте. Да, ухайдакали сивку крутые горки.

На следующий день взорам туристов открылся город Куйбышев, но Меченосец не замечал его красот. Пока туристы любовались городом, он, без особого желания, драил палубы, думая о своих взаимоотношениях с чернявенькой. И, если перед Гамлетом стоял вопрос: «Быть или не быть?», то Меченосец теребил себя вопросом:

– Общаться с чернявенькой или не общаться? – Она, конечно, ничего, – думал он, – можно сказать, даже очень ничего, но ее сексуальный голод меня немного страшит. Хотя она меня и похвалила, но ирония в ее глазах говорила о некоторой неудовлетворенности. А, может быть, мне это, просто, показалось. Вот встречусь сегодня с ней, тогда и посмотрим, кто кого не удовлетворяет. А, может, все-таки не стоит встречаться? Тут Меченосец на несколько секунд задумался, после чего попробовал пробудить свое мужское самолюбие:

– Уж не струсил ли я? Нет, конечно, не струсил. Чего мне бояться-то. Мне будет даже интересно понаблюдать за ней. Что новенького она сегодня мне покажет, какие способы применит, чтобы меня возбудить. Решено, буду встречаться.

Решив так, Меченосец посмотрел на Куйбышев глазами победителя и с вдохновением домыл верхнюю палубу.

Вечером он нашел чернявенькую в пароходном ресторане, но та уже успела возбудиться шампанским.

Увидев Меченосца, она поднялась со стула и с распростертыми объятиями пошла к нему навстречу. Заплетающимся языком она проквкала:

– Ну, где же ты пропадал, мой ненаглядный?

Меченосец вовремя успел ее подхватить. Попав в его объятия, чернявенькая полностью расслабилась, и Меченосцу потребовались немалые усилия, чтобы дотащить ее до каюты. Найдя в ее сумочке ключ, он открыл дверь каюты и уложил пьяную чернявенькую в постель. Закрывшись изнутри, он сделал попытку растормошить чернявенькую, но та только икнула и затихла в очень даже привлекательной позе. Ее стройные ножки, обтянутые фильдикосовыми чулками, бесстыдно раскинулись на койке, хвастаясь своими подвязками.

Меченосцу ужасно захотелось дотронуться до подтяжек пальцами, но эти наглые пальцы не захотели ограничиваться только подтяжками. Они задрали подол цветастого платья, и перед глазами Меченосца нарисовался волнительный треугольник черненьких кудрей.

– Ай, да проказница, – подумал Меченосец, – оказывается, в ресторан ты ходишь без трусиков.

Эта картина его так возбудила, что он быстро разделся и прилег рядом с чернявенькой. Сделав еще одну попытку ее растормошить, он лег на нее и представил себе картину насилия над подвыпившей жертвой. Эта картина его еще больше раззадорила, и он, воткнув свое хозяйство, стал энергично работать над неподвижной, подмыкивающей жертвой. То ускоряя, то замедляя темп, он доводил себя до грани извержения, потом отступал от этой грани и старался вновь к ней приблизиться. Неподвижность чернявенькой его, как ни странно, заводила и заводила. Более часа он измывался над ее телом, как хотел. Тем самым, он будто бы мстил ей за свои сегодняшние переживания и сомнения. Насладившись до упора, он выплеснул в нее упругую струю своего возбуждения и еще более полчаса лежал возле чернявенькой с какой-то противенькой улыбкой. Уходя, он вынул из сумочки чернявенькой пару двадцатипятирублевых и положил их к себе в карман:

– Не обижайся, киса, я их честно заработал. А ты, однако, мстительный, парниша.

После этого секса Меченосец впервые посмотрел на женщину, как на жертву, с которой можно делать все, что только душеньке угодно. Точнее, не душеньке, а мужскому инстинкту быть хозяином положения.

На следующий день он бесцеремонно нагрубил чернявенькой, сказав о том, что пьяные женщины не его конек, что ему не доставляет никакого удовольствия с ними совокупляться. Да, да, он так и сказал: «совокупляться».

После этого чернявенькая еще больше запила и на обратном пути вновь не смогла полюбоваться Казанью.

Рыжеволосая москвичка и влюбчивая саратовка

Следующей жертвой Меченосца стала рыжеватая москвичка, с которой он познакомился в очередном круизе уже в районе Углича. Еще на московском причале Меченосец положил глаз на симпатичную рыжеволосую москвичку, которая перед отплытием долго прощалась с каким-то импозантным мужчиной. Был мужчина лет на десять старше висящей на его шее рыжеволосой женщины.

Так вот, когда пароход прислонился к причалу Углича, все туристы высыпали на берег, и экскурсовод повел их в центр старого русского городка. Одна только рыженькая осталась возле корабля и стала медленно прохаживаться вдоль волжского берега.

Меченосец посмотрел в сторону рыжеволосой и, раздув ноздри, пошел на ее благоухающие флюиды.

– Вот сейчас я тебя заарканю, – думал он, подходя к рыжеволосой все ближе и ближе.

– Разрешите представиться, один из помощников капитана, Павел Петрович, – бойко представился он.

Рыжеволосая вопросительно посмотрела на Меченосца и произнесла:

– Очень приятно, Павел Петрович, но мне сегодня не до Вас.

– А что так? – почувствовав раздражение в голосе, задал вопрос Меченосец.

– А потому, что я хочу побыть одна, – с еще большим раздражением произнесла рыжеволосая.

– Но, может, я могу чем-нибудь Вам помочь? – теряя надежду, спросил Меченосец.

– Вы можете мне уже тем, что оставите меня в покое, – ответила рыжеволосая.

Осознав безуспешность своей попытки, Меченосец извинился и, не спеша, вернулся на борт парохода.

В следующие два дня Меченосец не обращал на рыжеволосую никакого внимания. Более того, в Ярославле, прямо на ее глазах он особо страстно целовался с Ксенией, которая пришла с ним повидаться. Нацеловавшись на людях, он завел Ксению в свою каюту, и там они любились до предупредительного гудка, который оповещал команду и туристов о скором отплытии. Проводив Ксению по трапу, он на прощание еще раз крепко ее поцеловал, и этот поцелуй был сделан на глазах у рыжеволосой.

На четвертый день плавания Меченосец поздоровался с рыжеволо-
сой, и получил в ответ, хоть и осторожную, но улыбку.

На шестой день она, мило улыбнувшись, поздоровалась с ним сама.

— Ну, что ж, — после этого подумал Меченосец, — можно начинать
свои ухаживания. Можно-то, Меченосец, можно, но только осторожно.

Новая попытка ухаживания не принесла ему никаких результатов.
Более того, рыжеволосая опять перестала улыбаться и старалась не попа-
даться Меченосцу на глаза.

И тогда Меченосец переключил свое внимание на женщину, которая
присоединилась к туристам в Саратове. А в Саратове, как поется в из-
вестной советской песне, парней так много холостых, а я люблю женато-
го. Любовь с первого взгляда, именно так называлось состояние саратов-
ской женщины, которая увидела Меченосца, и сердце ее учащенно заби-
лось. Женщина моментально забыла о своем муже, который только и де-
лал, что работал и пил, пил и снова работал. Целых пятнадцать лет она
отказывалась от профсоюзной путевки и только в этом году решилась,
хотя бы на десять дней, оставить своего благоверного.

И вот теперь она стояла на борту туристического парохода и любо-
валась проплывающими мимо пейзажами. Она до сих пор не могла пове-
рить в то, что смогла, вот так запросто, оставить своего мужа и своих
двух сыновей. Хотя, без вмешательства сестры, она никогда бы не реши-
лась на туристическую поездку. Именно сестра уговорила ее прокатиться
по Волге, мир посмотреть, да себя показать.

— Какая же красотища, — думала женщина, глядя на заросший сос-
нами берег — прожив сорок лет, я, кроме Саратова, ничего не видела и
нигде не была.

И в этот момент перед ней нарисовался наодеколоненный Мечено-
сец. Вначале он высказал ей пару комплиментов, от которых у женщины
закружилась голова, потом нежно взял за локоток, отвел ее прядь волос и
прямо в ухо прошептал: «Сегодня, в девять часов вечера я жду Вас на
нижней палубе кормы».

Опьяняющий запах одеколона, приятные слова и не менее приятное
касание губами ее мочки окончательно добили женщину, и она уже сей-
час была готова броситься в его объятия. Но всему свое время и жен-
щине, которую, кстати, звали Валентиной, пришлось с нетерпением
ждать вечерних девяти часов.

А в девять часов вечера она уже трепыхалась в жарких объятиях
Меченосца. Трепыхалась не оттого, что эти самые объятия ей не нрави-
лись, а оттого, что была слишком неопытной, чтобы адекватно вести себя
в сильных мужских руках. Она уже и не помнила то время, когда моло-
дой муж брал ее на руки и, донеся до кровати, принимался неистово ее

целовать. С рождением второго ребенка муж стал все реже и реже радовать ее любовной прелюдией. Раз в месяц, с трудом выйдя из состояния беспробудного пьянства, он кое-ка к забирался на Валентину и, немного попыхтев, сваливался с нее. Сваливался для того, чтобы тут же захрапеть. Ей был противен сивушно-табачный запах, исходивший из его вонючего рта. Ей были неприятны его пьяные приставания, но ради детей она безропотно терпела все его приставания. Нет, почему же безропотно. Один раз она попыталась воспротивиться его пьяным приставаниям, но, получив от мужа под глаз, перестала даже пытаться. Несколько дней после этой попытки она пудрой и кремом старательно замазывала появившийся под глазом синяк. Но этот синяк был в ее жизни не единственным, потому что даже не чувствуя сопротивления, поводы для рукоприкладства муж все равно находил. В общем, ей приходилось жить и тешить себя принципом – раз бьет, значит любит.

И так жили многие ее соседки. Это-то Валентину и успокаивало.

Но мы отвлечлись от темы ее вечернего свидания с Меченосцем. А Меченосец в это время полностью овладел Валентиной. Его ни в коей мере не смущали ни простые чулки с допотопными резинками, на которых они держались, ни байковые трусы Валентины. В эти моменты он ощущал только ее податливое тело, а поцелуями старался пригасить ее бурное реагирование на очередной оргазм. К сожалению, я не так поэтичен, чтобы в красивых словах рассказать о том, какими глазами смотрела Валентина на Меченосца после ласк, но взгляд ее был трепетным и благодарным одновременно. Единственное сравнение, которое пришло мне на ум, было сравнение Валентининога взгляда с взглядом сверхпреданной собаки на своего всемогущего хозяина. Да простят меня женщины, но у некоторых из них этот взгляд становится превалирующим, а жаль.

В общем, каждое утро Валентина встречала Меченосца именно таким взглядом. Дня два это ему очень нравилось, и он удовлетворял Валентину по полной программе, используя при этом и стойку, и сидение, и лежку. В режиме совокупления он даже умудрялся носить ее на руках, что придавало близости еще большее наслаждение, и Валентина окончательно поверила в его любовь. А где вера в любовь, там усиливающееся желание как можно чаще быть рядом с любимым. И если в Волгограде она вместе с другими туристами сошла на берег, то Астрахань она так и не посмотрела. Почуввав неладное, Меченосец стал придумывать различные причины своей занятости. То его вызывал по срочному делу капитан, то в борту образовывалась какая-то пробоина, которую кроме него никто не мог заделать, то В конце концов, Валентина не выдержала и, поймав его на верхней палубе, бросилась к нему на шею и призналась, что не может жить без него. Меченосец даже растерялся от такого порыва.

ва. Слава богу, что в это самое время почти все туристы находились на экскурсии, и ее порыв оказался почти не замеченным. Для кого-то и замеченным, но рыжеволосая уже давно наблюдала за отношениями Меченосца и Валентины, и эти наблюдения все больше и больше выводили ее из себя.

– Как так, – думала рыжеволосая, даже не пытаясь унять нахлынувшее чувство ревности, – что она себе позволяет, эта неухоженная провинциалка. Ни кожи, ни рожи, а туда же.

И вот теперь она с радостью наблюдала за тем, как воспрянувший духом Меченосец оттолкнул провинциалку и зло произнес:

– О какой любви ты говоришь? Побаловались и будет. Ты, случайно, не забыла, что у тебя есть семья.

– Павел, дорогой, ты только скажи, и я останусь с тобой, – вцепившись в Меченосца, воскликнула Валентина.

– Нет уж, нет уж, – пытаясь отцепить Валентину, произнес Меченосец, – уж лучше оставайся со своим муженьком. Ни о какой любви не может быть и речи.

– Но как же так, Павел, ты же говорил, что любишь меня, – глядя на Меченосца преданными глазами, спросила Валентина.

– Ну, говорил, – не сдерживая себя, закричал Меченосец, – говорил в порыве страсти, а ты и уши развесила. В общем, давай кончать этот базар. Я тебя не любил, и любить не собираюсь.

Сказав это, он отвернулся от Валентины и быстро зашагал в сторону своей каюты. Валентина попыталась следовать за ним, но шагов через пять остановилась и, прошептав:

– Что же ты со мной делаешь, Павел», – горько заплакала.

Чтобы не упасть, она ухватилась за поручень и, не скрывая эмоций, заревела, как белуга.

Ее тело неестественно затряслось, а ноги вдруг стали ватными и непослушными. Посмотрев на плачущую соперницу, рыжеволосая ехидно улыбнулась и перешла на другой борт.

– А, может быть, мне отомстить этому самцу за плачущую провинциалку, – подумала она, глядя на волжскую волну, – обнадежил женщину, а теперь в кусты. А впрочем, чем это он ее обнадежил? Нет уж, милочка, сама захотела, сама и расхлебывай. Постояв в задумчивости еще несколько минут, она вернулась в свою одноместную каюту и, завалившись на койку, продолжила размышление:

– А он, видать, неплохой любовник, коль так зацепил женщину. Может быть, мне тоже стоит его попробовать? Хватит думать о своем холеном муженьке, ведь он все равно не поверит, что в круизе я ни с кем

не флиртвала. А раз не поверит, то и переживать нечего. Прости меня, муженек, но лучше за дело получать твою словесную оплеуху.

Подумав так, рыжеволосая встала с койки и принялась готовить себя к вечернему свиданию. Прежде всего, она натянула на себя легкое шелковое платье, потом поправила прическу, подкрасила губки, припудрила щечки и выпорхнула на верхнюю палубу. Меченосца рыжеволосая нашла в ресторане, где он коньячком заливал свое неприятное randevu с Валентиной.

– Здравствуйте, Павел Петрович, – поздоровалась она, – первый раз вижу Вас таким озабоченным. Что-нибудь случилось?

Меченосец оглянулся на голос и, увидев рыжеволосую, кивнул ей в знак приветствия.

Не дождавшись его приглашения, рыжеволосая села за столик и заказала себе бокал Хванчкары.

Отпив глоточек вина, рыжеволосая представилась:

– Меня, между прочим, зовут Лилей.

Меченосец внимательно посмотрел на рыжеволосую и предложил:

– Тогда давайте выпьем за знакомство, и уж, коль Вы Лиля, то я просто Павел.

– Хорошо, Павел, – проворковала Лиля и отпила еще один глоток Хванчкары.

Немного помолчав, Лиля спросила:

– А где же Ваша вчерашняя подруга?

– Ну, во-первых, она мне не подруга, – сердито ответил Меченосец, – а, во-вторых, я за ней не слежу.

– Следить, может, и не следите, но о чем-то переживаете, – предположила Лиля.

– Знаете, Лиля, давайте сменим тему разговора. Я, например, хочу выпить за Вашу красоту.

Сказав это, он поднял свой бокал и залпом выпил его содержимое.

Слова Меченосца Лиле, конечно, понравились, и она, раззадорившись, отпила значительный глоток вина.

Покраснев не то от слов, не то от выпитого, Лиля осмелилась пригласить Меченосца на танец, и тот с удовольствием согласился.

Во время танго Меченосец прижал к себе разомлевшую Лилю и за приятной гладью шелка прочувствовал молодое и упругое тело женщины. Будто бы случайно, рука Меченосца соскользнула с Лилиной талии, и приятная округлость возбудила его. Из головы тут же вылетели воспоминания об его неприятном разговоре с Валентиной, и всеми своими фибрами он переключился на ароматную и красивую женщину, которая с желанием прижималась к нему.

– Неужели я смогу ее уговорить, – думал он, поглаживая рукой Лилину талию.

– Какая горячая у него рука, горячая и сильная – думала Лиля, все плотней прижимаясь к Меченосцу.

Не знаю, чем бы все это закончилось, но музыка оборвалась, и возбужденная пара вернулась за столик.

Отдышавшись и налив в бокал коньяку, Меченосец произнес свой очередной тост:

– Лиля, я еще никогда в жизни не испытывал такого наслаждения в танце. Вы умеете зажигать мужчин. За это качество я и хочу с Вами выпить.

В общем, заласкав Лилию тостами, Меченосец полностью расположил ее к себе, и произошло то, что и должно было произойти.

Через двадцать минут они уже обнимались в Лилиной каюте, и шелковое платье больше не прикрывало ее стройного тела. Поза вальса устроила их обоих, но, окончательно возбудив друг друга, они вернулись к позе темпераментной наездницы, и тут Лиля выдала все, на что только была способна. А способна она была на многое. Получив наслаждение лицом к Меченосцу, она перевернулась, показав ему выгнутую спину и прекрасную попку, которая никак не хотела останавливаться. Она елозила по передку Меченосца с все нарастающей скоростью и, в конце концов, довела его до оргазма. Почувствовав тепло упругой струи, Лиля застыла, потом вскрикнула и затряслась в наслаждении всем своим телом.

После тряски, она перевернулась, легла на Меченосца и с благодарностью прошептала:

– Милый, мне показалось, что я улетала в какую-то прекрасную бездну.

Меченосец обнял ослабевшую Лилию и, пересилив усталость, стал покрывать ее лицо нежными поцелуями. Он знал, что после оргазма женщина ждет этих ласк и не только ждет, но и готова ответить на них вновь разбуженной нежностью. И Лилина нежность накрыла тело Меченосца новыми ласками.

В общем, ночь прошла в жарких объятиях под покрывалом ласк и наслаждений, наслаждений и ласк.

Из Лилиной каюты выжатый, как лимон, Меченосец прошел на корму и с неохотой приступил к своим служебным обязанностям, а счастливая Лиля еще долго не могла уснуть, заново переживая восхитительные мгновения прошедшей ночи. Еще ни один мужчина не мог удовлетворить ее так, как это сделал Меченосец.

Хотя, о чем это я, у нее и мужчин-то до этого было всего только два. Первым был ее сокурсник, с которым они хотели пожениться, но после того, как он попробовал Лилю, интерес к ней у него быстро пропал. Проплавав несколько дней, она постаралась его забыть и уже через полгода вышла замуж за своего преподавателя, который и оказался ее вторым мужчиной. Причем, вышла она не по любви, а по какому-то девичьему принципу. И назывался это принцип – «назло». Назло тому парню, что обманул ее, назло своим подругам, которые были без комплексов и меняли парней, как перчатки. И вот теперь она, воочию, убедилась, что муж, как мужчина, вообще никакой. Одни придирки и подозрения.

– Слава богу, я смогла ему изменить, – улыбнувшись, подумала Лилия.

С чувством выполненного долга она повернулась на правый бок и через несколько минут засопела, как малое дитя.

Спокойной ей ночи, точнее дня, который принесет Лиле новые приятные впечатления.

Но от новых приятных впечатлений Лилия отказалась сама. Проснувшись в полдень, Лилия вновь пережила мгновения сегодняшней ночи и, как они были ни хороши, но возвращаться к ним она не захотела.

– Хватит, изменила мужу, и будет. Как говорится, хорошенького помаленьку, – подумала она, – а то увлекусь этим делом и остановиться не смогу. А мне этого совсем не нужно. Встретившись вечером с Павлом, она поблагодарила его за прекрасную ночь и сказала о том, что была очень рада с ним познакомиться, но от дальнейших встреч отказалась.

Удивленный Меченосец все же попытался уговорить ее на очередную ночь, но Лилия тактично отказалась.

– Не обижайся, Павел, – сказала она, – я и так наделала много глупостей.

Говоря это, она лукаво на него посмотрела и, чмокнув в щеку, удалилась в свою каюту.

Вот тебе и рыжеволосая. Сказала – нет, значит, нет.

Ярославское затишье

Навигация на Волге закончилась, туристический пароход «Иван Крылов» надолго пришвартовался к одному из причалов города Астрахани, и Меченосец вновь бросил якорь в Ксениной гавани. И случилось это в канун очередной годовщины Великого Октября.

Обрадованная Ксения встретила Меченосца накрытым столом и жаркими поцелуями. Ни от того, ни от другого Меченосец не отказался. Более того, накрытый стол вновь оголил его красноречие и тягу к любви.

Выпив первую, Меченосец пустился в долгий рассказ о его самоотверженном труде в роли помощника капитана. Оказывается, их круиз, то есть трудное плавание, сопровождалось всякого рода непредвиденными ситуациями, из которых команда корабля каждый раз выходила с честью. Основная роль при этом, конечно, отводилась Меченосцу.

После второй он рассказал о том, что только благодаря его бдительности их пароход, то есть корабль, не столкнулся с большущей баржей «Волго–Балт». После третьей он поведал о том, что только его решительные действия позволили потушить пожар в машинном отделении. После четвертой он уже заделывал пробоину ниже ватерлинии, а после пятой утихомиривал разгулявшихся туристов.

После шестой

В общем, после девятой Ксения отдалась ему полностью, а как же иначе. Перед таким героем было трудно устоять.

На следующий день шестого ноября Меченосец проснулся с головной болью и с провалами в памяти. Он помнил о том, как сходил перед ужином в баню, как попил пивка после нее, как сел за накрытый стол и выпил за Ксению, но вот дальнейшие события проплывали перед его возбужденным взором как-то выборочно.

Сами понимаете, что человек, помнящий о вчерашнем не все, чувствует себя как-то неловко. Более того, он начинает беспокоиться и тормошить себя мыслями о том, уж не наговорил ли чего лишнего в пьяном угаре. При этом он пробует подобострастно смотреть на своего более трезвого собеседника, пытаясь по его виду угадать вчерашний сценарий.

Именно таким подобострастным взглядом уставился проснувшийся, но еще не протрезвевший Меченосец на Ксению.

Спокойный вид Ксении и ее приветливое «ты можешь еще поспать» немного успокоили Меченосца, и он, действительно, уснул.

К обеду Ксения его разбудила и заставила охладить себя холодной водой прямо в комнате. Для этого она принесла в комнату кувшин и тазик, над которым Меченосец согнулся и подставил под холодную струю свою натруженную шею и воспаленную голову.

Обтеревшись полотенцем, он сел за стол и, первым делом, поправил здоровье прохладным «Жигулевским», которое заботливая Ксения принесла из магазина. После пивка настроение его улучшилось, и он с удовольствием похлебал кислых щей. Правда, от котлеты с картошкой он все же отказался и только допил оставшееся пиво.

Выпитое пиво ему позволило посмотреть на окружающий мир совершенно другими глазами. Если до пива его взгляд был подобострастным, то после пива глаза стали масляными и озорными.

– А не пойти ли нам сегодня в какой-нибудь ресторан, – предложил он Ксении, ущипнув ее за зад.

Ксения вопросительно посмотрела на Меченосца, словно сомневаясь в серьезности его предложения, но, поймав на себе его озорной взгляд, поняла, что тот решительно настроен на ресторан.

– Хорошо, – согласилась она, – но только мне потребуется время на то, чтобы одеться и привести себя в порядок.

Чтобы не смущать Ксению, Меченосец вышел во двор, где соседские мужики, заглотив по стаканчик портвешка, дубасили стол пластмассовыми костяшками домино.

Напротив, на деревянной скамейке о чем-то судачили дворовые кумушки. Заметив незнакомого симпатичного мужчину, они переключили свое внимание на него, и их взгляды стали еще подозрительней и хитрей. На какое-то время они даже забыли про свои жареные семечки и, перебивая друг друга, приступили к высказыванию различных предположений и догадок.

– Наверное, он поджидает Большаковскую Катьку, – предположила одна.

– Да ты что, Тимофеевна, это же Ксюхин хахаль, – промолвила другая.

– А что-то я его раньше не примечала, – изумилась третья.

– А то и не примечала, что он все лето где-то шастал, – ответила четвертая.

– Говорят, что его на пароходе видели, – сообщила пятая.

В общем, перемыли косточки нашему Меченосцу по самое некуда. Могли бы и дальше перемывать, но из подъезда вышла разнаряженная Ксения, и внимание кумушек переключилось на нее.

А Ксения подхватила под руку своего Меченосца и, задрав нос, прошла мимо кумушек, всем своим видом говоря о том, что она теперь некая-нибудь разведенная, а женщина при мужчине.

– Судачьте, судачьте, если вам больше делать нечего, – подумала она, в который уже раз взглянув на Меченосца влюбленными глазами. И так, всю дорогу до ресторана она шла и посматривала на шедшего рядом мужчину.

Ресторан «Медведь» встретил их яркими огнями и здоровяком по имени Никодим. Вот уже двадцать лет работал Никодим местным вышибалой, и любой завсегдатай, взглянув на него, вспоминал, что бузить в этом ресторане не положено. А кто об этом забывал, незамедлительно

оказывался возле выхода, предварительно пролетев по лестнице два пролета.

Сев за столик возле окна, они не успели оглянуться, как перед ними вырос официант.

– Что желают дорогие гости? – спросил он, подавая Меченосцу меню.

Меченосец попытался передать меню Ксении, но та попросила его сделать выбор за двоих.

– Значит так, – начал Меченосец, – двести грамм водочки, бутылку шампанского, два салата «Мимоза», свиные отбивные и два пирожных. Да, чуть не забыл, стаканчик морсу для запивки.

Не прошло и десяти минут, как на столе уже стоял запотевший графинчик с водочкой, бутылка шампанского, стаканчик морсу и два салата «Мимоза».

– Ну, что ж, – разлив спиртное, сказал Меченосец, – давай выпьем за нашу встречу. Я так по тебе соскучился.

– Я тоже очень по тебе скучала, – призналась Ксения.

Они выпили по первой, и Меченосец пригласил Ксению на танец.

Для Ксении все было так романтично и неожиданно, потому что в Ярославле ее еще никто не приглашал в ресторан. И вообще, в ресторане она побывала один-единственный раз вместе со своими однокурсниками после получения диплома об окончании института. Тогда они, за неимением больших денег, заказали себе по паре дешевеньких коктейлей, и весь вечер посасывали их через соломинки. Кажется, эти коктейли стоили по рубль тридцать. После коктейля они тогда почувствовали себя, по-настоящему, взрослыми и самостоятельными. Но это было не в Ярославле, а в ее родном Ленинграде и уже сравнительно давно.

Танцуя с Меченосцем, Ксения в полной мере ощутила то счастье, которое испытывает любая женщина, вдруг осознающая, что она в этом мире не одна, что рядом с ней находится дорогой ей человек. И именно таким дорогим человеком становился для нее Меченосец.

До этого она, конечно, надеялась на их совместную жизнь, но полной уверенности в том еще не ощущала, а сегодня, нет, точнее, именно сейчас Ксения это почувствовала и поняла.

Меченосец немало удивился, когда во время танца уравновешенная Ксения вдруг обняла его за шею и с чувством поцеловала сначала в одну щеку, потом в другую.

– С тобой все хорошо? – невольно спросил он, но, заглянув в ее счастливые глаза, все понял и крепко прижал к себе.

А завтра была демонстрация трудящихся, на которую Ксения пошла вместе с Меченосцем. Возбужденные шинники собирались возле завод-

ской проходной, чтобы оттуда проследовать по Советской улице до главной площади, где была установлена трибуна для руководителей города и почетных гостей.

Кто-то пускался в пляс, кто-то уже успел поднабраться, а кто-то искал товарищей по смене, с которыми можно было пропустить по одной.

Ксения перезнакомила Меченосца со своими сотрудниками, точнее сотрудниками, так как в плановом отделе работали, в основном, женщины.

И вот заиграл духовой оркестр, собравшиеся засуетились и колонна шинного завода тронулась в неблизкий путь. Перед Красной площадью ее остановила доблестная милиция, чтобы пропустить вперед колонну моторного завода.

А на площади колонну приветствовали местные вожди и другие высокопоставленные лица и личики. Стараясь перекрыть звуки медных труб, с трибуны вещались призывы «Да здравствует ...» и приветствия, типа «Слава труженикам шинного завода». И на эти приветствия радостные шинники отвечали громкими «ура». А за площадью людские колонны растворялись в замусоренных праздничной атрибутикой улочках и переулках.

Возбужденные трудящиеся или собирались кучками, чтобы законно поприбавить где-нибудь в подворотне, или спешили к уже накрытым праздничным столам.

Плановый отдел по традиции почти всем составом проследовал к одной из сотрудниц, которая жила недалеко от главной площади города. Ксения раньше никогда не присоединялась к этой компании и теперь попыталась отказаться, но женщины уговорили Меченосца, и Ксения сдалась.

Праздничный стол был накрыт женщинами моментально, так как еще до демонстрации основные закуски и горячее были ими приготовлены. На столе появились традиционные пирожки с капустой и ливером, селедочка, нарезанная ровными ломтиками с лучком, сыр с докторской колбасой, квашеная капуста, соленые огурцы и грибы. А на горячее женщины приготовили тушеную картошку с мясом. В общем, стол ломился от нехитрой закуски, а уж водочка с винцом появились только в последний момент. Кроме Меченосца из мужчин был только муж той самой хозяйки, к которой компания завалилась в гости. Звали его Константином, и был он смурным и неразговорчивым. Зато хозяйка комнаты была сама доброта и отзывчивость. Звали ее Дашей или Дарьей Степановной.

Кроме Ксении и Дарьи за праздничным столом разместились Тамара лет тридцати, Полина чуть старше и совсем молоденькая Нина.

По праву хозяина Константин поднял стопку и произнес:

– Ну, за Великую, так сказать, октябрьскую.

Сидящие за столом его дружно поддерживали и залпом выпили, кто водочку, а кто и вино.

После выпитого в ход пошла закусочка. Ох, уж эти хрустящие огурчики, пирожки с мясом, просто пальчики оближешь, а уж о вкуските тушеной картошке и говорить невозможно, полон рот не дает.

За первой пришел черед второй, и говорливая Тамара предложила выпить за хозяйку дома, которая почему-то густо покраснела при этом.

А потом была третья за хорошую начальницу, после чего разгоряченные женщины, вместо того, чтобы встряхнуться, затаили грустную «Ромашки спрятались, поникли лютики ...». Вот и пойми этих женщин, вроде бы праздник, а поют о грустном.

Пока женщины пели, мужички выпили еще по одной, и Константин, ни слова не сказав, вышел в коридор.

Дарья настороженным взглядом проводила его и почему-то совсем загрустила. Не то от песни, не то оттого, что муж куда-то ушел.

По обыкновению после песни Меченосец порадовал женщин своим красноречием, наговорив в их честь таких красивых слов, о которых некоторые из них только догадывались. Алаверды последовал незамедлительно, молоденькая Нина поблагодарила Меченосца за прекрасный тост и пожелала ему и Ксении большого семейного счастья. Вот тебе и да, большого, да еще и семейного. Серьезно о семейном счастье Меченосец как-то не задумывался, поэтому и реакция на тост у него была более сдержанной, чем у Ксении. Правда, гости этого не заметили, а раскрасневшая Полина вдруг запела веселенькую «Как меня младую девку принимал парнишка».

И не успел парнишка в третий раз поцеловать младую девку, как дверь в комнату открылась, и на пороге появился в стельку пьяный Константин. Посмотрев на присутствующих мутным взором, он крепко выругался, потом кому-то погрозил и рухнул на пол, как подкошенный. Меченосцу сразу же вспомнилась крылатая фраза «Лектор готов» из всеми любимого советского фильма.

Он помог Дарье положить пьяного муженька на металлическую кровать, и расстроженные женщины заторопились по домам.

Простившись с Дарьей, Ксения уговорила Меченосца пройти по волжской набережной, где праздничное веселье еще только начиналось.

Разлучница

Целых шесть лет прожили Меченосец с Ксенией душа в душу. Были, конечно, и у них разные разборки, но до крупных ссор дело не доходило. И все благодаря Ксении, которая со своим покладистым характером не давала раздуться пожару долгих распрей. А Меченосца было за что ругать. Первое время он, как мог, пытался беречь семейную идиллию, но делал это с каким-то неестественным надрывом. В конце концов, надрываться ему надоело, и на седьмой год совместной жизни он стал все чаще пропадать в кругу дворовых дружбанов. Причем, количество дружбанов менялось по естественной пропорции. Заводились в кармане у Меченосца деньги, и дружков появлялось, хоть пруд пруди, но стоило ему поиздержаться, как охочих до его компании становилось все меньше и меньше.

С подачи Меченосца, дворовые мужики забросили под стол доминошные кости и приноровились играть в картишки. Сначала по копейкам, а потом и по рублям. А в любой игре, кроме выигравших, бывают и проигравшие, а проигравший, да еще и под кайфом, становится не в меру воинственным. Меченосец, конечно, чаще всего выигрывал, а человеческая зависть, увеличиваясь с каждым днем, дошла до критической точки и сильно по нему ударила. Ударил так, что попал наш отчаянный Меченосец в городскую больницу с сотрясением мозга и переломом черепа. Только на вторые сутки он немного оклемался и через пелену увидел перед собой прелестное создание в белом халате. Увидев создание, он снова провалился в глубокую спячку и вышел из нее только на следующее утро, в момент, когда пожилая медсестра втыкала в его задницу внушительный шприц.

– Что, очухался? – спросила она скрипучим голосом.

Меченосец попытался ответить, но от резкой головной боли его лицо перекошилось, а из глаз сыпанули искры.

– Лежи, лежи, – проскрипела медсестра, – тебе сейчас покой нужен. Сказав это, она отошла к соседней койке, чтобы уколоть в зад очередного больного.

Когда болевые ощущения закончились, Меченосец поднатужился и с любопытством осмотрел больничную палату. На семи металлических койках возлежали больные. Некоторые из них уже получили очередной лекарственный заряд, а кто-то еще только готовился к неприятной процедуре.

Справа от Меченосца лежал пожилой старичок с перевязанной рукой, за ним мужчина средних лет с забинтованной макушкой. На следующей койке Меченосец увидел только подвешенную ногу. С подвешенной ноги он перевел взгляд на другой ряд и рассмотрел там смуглого молодого человека, еще одного небритого старика, мальчишку лет шестнадцати с забинтованным носом и мужчину средних лет, которому повязка поддерживала сломанную челюсть.

— Да, хороша компания, — подумал Меченосец, — интересно, а как же я сюда попал? Он попытался поднапрячь память, но память выхватывала только отдельные эпизоды из последнего дня его пребывания на воле. Вот он прощается с Ксенией, которая спешит на работу, вот идет в соседний магазин за бутылкой «Московской». На этом месте возникает первый провал памяти, после которого Меченосец четко видит дворовый стол и мелькающие карты в руках сдающего. Потом опять провал, и новая четкая картинка тербит его сознание. С кучей денег он встает из-за игрового стола, но чья-то рука пытается его удержать, и тогда он бьет наотмашь по морде хозяину этой руки. А потом наступает долгий провал, который прерывается вчерашним прелестным видением.

Пришедшая вечером Ксения рассказала ему о том, что поколотили его рассвирепевшие дружбаны, за то, что он в очередной раз выиграл большие деньги и не согласился играть с ними дальше.

— Хорошо, что участковый сумел вовремя вмешаться, — вытирая слезы, произнесла Ксения, — а то случилось бы непоправимое.

В этом месте Меченосец снова провалился в глубокий сон. Ксения еще минут двадцать посидела возле кровати, потом поцеловала его в щеку и вышла из палаты.

А утром Меченосца разбудил голубоглазый ангел:

— Больной, приготовьтесь к уколу.

Меченосец оголил правую половину волосатой задницы, и ласковая женская рука аккуратно воткнула в нее не такой уж большой шприц.

И тут Меченосец окончательно проснулся. Он посмотрел на женщину влюбленными глазами и промолвил:

— Как хорошо Вы сделали укол. Вчера мне было значительно больней.

— Если Вы помните о вчерашнем уколе, значит, пошли на поправку, — улынувшись, сказала женщина.

— Это не поправка, — возразил Меченосец, — это сиюминутное прозрение, которое закончится, как только Вы от меня отойдете.

— Ничего не поделаешь, другим больным тоже нужна моя помощь, — произнесла женщина и перешла к соседней койке.

– Вот это женщина, – подумал Меченосец, провожая ее взглядом, – мало того, что она симпатична, но еще и очень добра. Да, белые одежды делают женщину более соблазнительной и менее доступной.

Подумав так, он вспомнил о Ксении, которая, чего греха таить, тоже отличалась душевной добротой.

– Нет, все же Ксения слишком часто думает только о работе, – продолжил свои размышления Меченосец, – чуть что, а мне нужно подготовиться к завтрашнему дню, или у нас на работе опять горячка, или сегодня мне придется задержаться после рабочего дня. И так почти каждый день. Она, конечно, любит меня, но ее любовь размывается производственной текучкой, от которой мне ни жарко, ни холодно. Может быть, поэтому я и связался с этой дворовой шелупонью, которая мнит из себя черт те что. Один кичится тем, что отсидел когда-то в колонии для несовершеннолетних, другой хвастается двумя годами за кражу кошелька, третий вспоминает свои юношеские проделки, когда сходилась пацанва стенка на стенку. В общем, больше фарсу, чем настоящего дела.

Эти мысли опять загнали Меченосца в уныние и он, повернувшись на правый бок, попытался уснуть. Но сон не захотел укрыть его своей усыпляющей накидкой, и Меченосец опять повернулся на спину.

– Ну что, вроде бы оклемался, – услышал он голос старика.

Меченосец повернул голову в сторону своего соседа с перевязанной рукой и подтвердил:

– Вроде бы оклемался, да не совсем.

– Совсем еще не скоро оклемаешься, мил друг, – тоном специалиста заявил старик, – уж больно плохим тебя сюда доставили. Полночь за полночь, а врачи забегали, как борзые.

– Неужели я совсем плохим был? – переспросил Меченосец.

– Еще каким плохим, мил друг, – ответил старик, – ты на тележке кулем лежал без признаков жизни. Переложили тебя на койку, так ты почти два дня без движения пролежал. А как кличут-то тебя?

– Можешь звать Павлом, – ответил Меченосец.

– А меня, Павел, можешь Терентием величать, – представился старик.

– Интересное имя, Терентий, – произнес Меченосец.

– А чего интересного-то, мил друг. В детстве меня Терей дразнили, так я даже очень обижался, – признался Терентий.

– Твое имя интересно тем, что я впервые увидел человека с таким именем, – уточнил Меченосец.

– Эка невидаль, да в нашей деревне, почитай, каждый десятый Терентием был, – сообщил Терентий.

– А давно ли ты, Терентий, из деревни-то съехал? – спросил Меченосец.

– А как призвали меня в армию, так я в ей и остался до самой революции, мил друг, – ответил Терентий, – сначала с немцами воевал, потом с ними братался, а затем и с беляками пришлось повоевать.

– Так ты, Терентий, еще до революции с немцами познакомился, – вновь спросил Меченосец.

– Еще в четырнадцатом, мил друг. Да лучше бы с ними и не встречаться, – ответил Терентий.

– А после революции чем занимался, – задал очередной вопрос Меченосец.

– А после революции сагитировала меня одна революционерка, да так, что о деревне я и думать перестал. После этой агитации, мил друг, появился у нас сын, потом второй, а потом и дочь родилась, – ответил Терентий.

– А дальше что, – не скрывая своего любопытства, спросил Меченосец.

– А дальше, Павлуша, арестовали мою революционерку за то, что отказалась она подписывать кляузу на своего начальника, и, как враг народа, пошла по этапу, – с грустью сказал Терентий.

– Прости меня, отец за то, что заставил тебя ворошить прошлое, – произнес Меченосец.

– Да, за что же прощать-то, жизнь есть жизнь, – Терентий смахнул с ресницы скупую слезу и надолго замолчал.

Чтобы не мешать старику, Меченосец уставился в потолок и попытался вспомнить свой дом.

– Интересно, как чувствует себя мама, как живет сестра, – подумал он, – какой же я стервец, что до сих пор не побывал на родине. Вот только вылечусь, так сразу и поеду к матери, обязательно поеду.

Мысли его прервала вошедшая в палату медсестра. Оказывается, пришло время делать очередной укол, и Меченосец повернулся на спину.

– Скажите, пожалуйста, а как Вас зовут? – спросил Меченосец после укола.

– Меня зовут Зоей, – представилась медсестра и собиралась уже отойти к койке старика, но Меченосец удержал ее за руку.

– Спасибо Вам, Зоя за Вашу улыбку и нежную руку, – поблагодарил он медсестру.

В этот раз Зоя не стала поспешно вырывать свою руку, она мило улыбнулась Меченосцу и попросила:

– Павел, а ведь меня, действительно, ждут другие больные.

Меченосец отпустил Зоину руку и пылко произнес:

– Я попрошу врача, чтобы он мне прописал как можно больше уколов.

– Не советую, – игриво произнесла Зоя и отошла к койке Терентия.

Когда медсестра покинула палату, Терентий присел на край койки и, усмехнувшись, произнес:

– А ты, Павлуша, не промах. Эвон, как смотрел на нашу Зочку, мил друг.

– А что, разве смотреть запрещено, – повернул к старику голову Меченосец.

– Смотреть-то, мил друг, не запрещается, вот только раздевать глазами не резон, – ответил Терентий.

– Да я, вроде бы, и не раздевал, – поспешил возразить Меченосец.

– Вот именно, что вроде бы. Меня, мил друг, на мякине не проведешь, я воробей стреляный, – хитро улыбнувшись, произнес Терентий, – распутство твоих зыркал даже болезненная пелена не может скрыть.

– Неужели мой взгляд выглядит со стороны распутным, – искренне удивился Меченосец.

– Еще каким. Мне показалось, что ты, мил друг, пробуровил своим взглядом нашу Зочку до самой потаенности, – хитро взглянув на Меченосца, произнес Терентий.

– А ты, Терентий, видать, тоже не промах, – воскликнул Меченосец.

– Да уж не промахивался, когда молодым был, – подтвердил Терентий, – бывало, мил друг, в деревне не одну молодаяку за околицу уводил, а со сколькими в духмяном сене наобнимался, так и не сосчитать.

– Загибашь, ты, Терентий, – усомнился Меченосец, – это в городе девок много, а где в деревне-то их взять.

– Как это где взять, – взъерошился Терентий, – да у нас в деревне больше ста дворов было, да в каждом доме по десять, а то и по пятнадцать ребятишек заводилось.

– Неужто так было? – переспросил Меченосец.

– А так и было, – подтвердил Терентий, – конечно, не все из детишек доживали до молодецкого уровня. Вот и в нашей семье из четырнадцати человек трое умерли в раннем возрасте. Один брат в два годика умер от скарлатины, другой дожил только до девяти лет, а сестренка утонула в пруду по недогляду.

– Да, – удивился Меченосец, – плодовитыми были твои земляки.

– Плодовитыми и работающими, – подтвердил Терентий, – да и повеселиться умели, будьте нате.

Сказав это, Терентий даже привстал со своей койки. Подойдя к окну, он несколько минут постоял в задумчивости, потом вернулся и продолжил свой рассказ:

– Да уж, работали в поле от зари до зари, но и гульнуть могли до самых петухов. Бывалоча мне от бати частенько доставалось за то, что застаивался с косой на покосе. А как не застоишься, если в сон клонит. А уж как нас с дружками в солдаты провожали, мил друг, так и не передать. Три дня вся деревня гуляла на проводах, а потом на четырех подводах отвезли нас до города и в ружье. Здесь Терентий снова ушел в задумчивость, из которой его вывел звонкий голос санитарки, которая предложила больным приготовиться к ужину.

Пужинал Меченосец с помощью санитарки без особого аппетита и не только по состоянию своего здоровья, но и по тому, что кашу манную с детства не любил.

Терентий же быстро расправился с кашей, потом на кусок хлеба с маслом положил еще один кусок хлеба и, откусив от него значительную часть, запил ее горячим чаем. Закончив чаепитие, он смахнул с тумбочки в свою ладонь хлебные крошки и отправил их себе в рот.

Крестьянская привычка вошла в его сознание на всю оставшуюся жизнь. Поковыряв пальцем в зубах, он достал из тумбочки пачку «Красной звезды» и пошел в курилку.

На следующий день Меченосец попробовал подняться с больничной койки, но голова его закружилась, и горло сжал тошнотворный спазм. Он опять завалился на койку и попросил Терентия вызвать санитарку. Та подложила под Меченосца утку, дождалась, пока тот сделает свое грязное дело, и вместе с уткой удалилась из палаты.

– Ты, мил друг, не ерещься, – посоветовал Терентий, – полежи еще малек в спокойствии, а завтра опять попробуешь встать.

– Да мне показалось, что я уже совсем выздоровел, – признался Меченосец, – проснулся, голова, вроде бы, ясная. Ну, думаю, пора подразмяться.

– Успеешь еще, какие твои годы, – усмехнулся Терентий, – завтра Зочка придет, мил друг, так вскочишь, как резвый жеребец.

– Нет, Терентий, когда Зочка приходит, моя голова кругом идет, – произнес Меченосец, – это ж надо, какая женщина.

– Да твоя Ксения тоже ничего, мил друг, – сказал Терентий, – и лицом симпатична, и фигурой ладная.

– Что правда, то правда, Терентий, Ксения тоже баба ладная, – согласился Меченосец, – вот только улыбки у нее такой нет. Все у нее дела, да случаи. То на работе задержится со своими отчетами, то домой принесет заводские заморочки. А мне это надо?

– Здесь ты, мил друг, не прав, – возразил Терентий, – если бы я так рассуждал, так и дня бы со своей женой не прожил. Я же тебе говорил, что была она у меня дюже активной. То заседания, то пленумы, то еще

какая-нибудь хренотень, а детей-то воспитывать надо. Вошел я в ее положение и взял на себя все домашние заботы. И кухарить приноровился, и стирать, да и с детьми заниматься. Я через них, может быть, и грамоте-то научился.

– Нет, Терентий, я так не смогу, – признался Меченосец, – мне внимание нужно. Без женского внимания я сохнуть начинаю.

– Оно и видно, что сохнешь, глазищи-то так и норовят под подол забраться, – засмеялся Терентий.

– А ты, Терентий, не смейся, – рассердился Меченосец, – не могу я жить без женской ласки. Хоть убей, не могу.

– Вон как тебя расперло, мил друг. Значит, действительно, без женщин трудноватенько тебе приходится, – согласился Терентий.

– Еще как трудно, Терентий, – вновь признался Меченосец, – сегодня такой сон приснился, что проснулся я в холодном поту и до утра уснуть никак не мог.

– И что же это за сон такой, мил друг? – спросил Терентий.

– А приснилось мне, будто начал я любиться с одной девахой, и вдруг, откуда ни возьмись, накинудись на меня еще девицы, числом с дюжину. И все бы ничего, да они сначала кусаться стали, а потом и волосы в разных местах приноровились рвать. Если бы не проснулся, быть бы мне без единого волоска, а, может быть, и без друга моего прелестного, – рассказал Меченосец.

– Неужто, и до него бы добрались? – переспросил Терентий.

– Добрались, да для них это самое заветное желание, – произнес Меченосец, – только одни из женщин тянутся к нему за удовольствием, а другие – за отмщением. Так вот эти самые тянулись за тем, чтобы лишить меня мужеского достоинства.

– Да, хорошо, что ты вовремя проснулся, мил друг, – с сочувствием произнес Терентий, – и приснится же такое.

Сказав это, Терентий взял пачку «Красной звезды» и удалился в курилку.

А Меченосец уставился в потолок, и перед его глазами возникла картинка южного берега. Вот он раздевается возле грибка, потом медленно идет к кромке воды, потом с разбегу ныряет в морскую прохладу и, размашисто загребая, плывет в сторону буйков. Доплыв до буйков, он поворачивает обратно и видит Риту, которая приветливо машет ему с берега.

– Да, Рита бы сейчас сидела возле меня, – подумал Меченосец, – в тот раз она просидела возле моей койки весь день и всю ночь. От Ксении этого не дождешься. А почему же я тогда не поехал к Рите, ведь она меня так приглашала? А, может, махануть после выздоровления к ней?

– О чем задумался, детина, – услышал он голос возвратившегося Терентия.

– О чем может думать прикованный к койке человек, – вопросом на вопрос ответил Меченосец.

– Ясно дело о чем, – утвердительно произнес Терентий, – ты теперь только о бабах и думаешь, мил друг.

– Ишь, какой ты догадливый, – усмехнулся Меченосец, – а ты, разве, не о них думаешь?

– А что мне о них думать, мил друг. Я до сих пор жду свою ненаглядную. Хоть и пришло из лагеря известие об ее смерти, а я все равно думаю, что она жива, – произнес Терентий.

– Извини, Терентий, что опять заставил тебя ворошить прошлое, – извинился Меченосец.

– А куда от него денешься, – воскликнул Терентий, – прошлое до конца дней будет сидеть во мне. Оно только какое-то время сидит тихо, а чаще постреливает болью то в одном месте, то в другом.

– Терентий, а почему к тебе никто не приходит? – опять спросил Меченосец.

– А кому приходится-то. Старший сын погиб на войне, а другие детки разлетелись в разные стороны. Сын сейчас живет в Иркутске, а дочь под Мурманском – сообщил Терентий.

– Может быть, братья или сестры здесь живут, – спросил Меченосец.

– Есть, конечно, и братья и сестры, только они тоже далеко, – ответил Терентий и перевернулся на другой бок.

Так прошел еще один больничный день, а на другой Меченосец повторил свою попытку встать на ноги. В этот раз он перетерпел небольшое головокружение и дошел до туалета.

Возвращаясь назад, он увидел Зою и попытался улыбнуться ей, но Зоя на его улыбку ответила строгим:

– Павел, разве можно вставать. Вам еще, как минимум, нужно дня два полежать на койке.

– Не ругайте меня, Зоя, – произнес Меченосец, – разве я могу долго лежать при виде Вас.

– Хорошо, если мое появление идет Вам на пользу, а вдруг во вред, – улыбнувшись, воскликнула Зоя.

– Нет, Зоенька, Ваша милая улыбка не может быть во вред, – не согласился с ней Меченосец, – я уверен, что с Вами смогу выздороветь значительно раньше.

– Буду этому только рада, – сказала Зоя и скрылась в соседней палате.

В этот день Меченосца посетил следователь, но, не узнав у него ровным счетом ничего, ушел не солоно хлебавши.

Вечером, когда больные в палатах утомились, Меченосец сделал первую попытку познакомиться с Зоей поближе.

Выйдя в коридор, он подошел к столу, за которым сидела Зоя, и произнес:

– Вы не будете против, если я посижу рядом с Вами. Что-то совсем не спится.

Зоя посмотрела на Меченосца уставшими глазами и, без удовольствия, но разрешила ему присесть.

Сев на стул, Меченосец спросил:

– Зоя, Вы, наверное, очень устали?

– Да нет, все как обычно, – ответила Зоя, – новый больной поступил в таком же состоянии, как Вы в прошлый раз.

– То есть, в очень плохом? – переспросил Меченосец.

– В очень плохом, – ответила Зоя, – видать Вам здорово досталось.

– А я ничего не помню, – признался Меченосец, – вот сегодня и следователь спрашивал, а я ничего не мог вспомнить.

– И кто же это Вас так побил? – спросила Зоя.

– Не знаю, кто конкретно, но кто-то из дворовых, – ответил Меченосец.

– За что же, если не секрет? – вновь спросила Зоя.

– Наверное, за то, что мне по жизни везет, – ответил Меченосец.

– А точнее? – переспросила Зоя.

– А точнее за то, что я выиграл у них большие деньги, – ответил Меченосец.

– Неужели из-за этого нужно так звереть, – произнесла Зоя, – ведь они могли Вас убить.

– Ну, как видите, до убийства дело не дошло, но попинали они меня прилично, – сказал Меченосец.

– Ничего себе, прилично. О каком приличии можно говорить, когда Вас еле выходили, – возмутилась Зоя.

– Прилично в том смысле, что очень сильно, – уточнил Меченосец, – и некому меня, бедного, пожалеть.

– Как это некому, к Вам жена вон каждый день приходит, – уточнила Зоя.

– Приходит, конечно, но разве добьешься от нее жалости, – хитро улыбнувшись, произнес Меченосец.

– Не прибедняйтесь, пожалуйста, – посоветовала Зоя, – я же вижу, как волнуется за Вас жена.

– Волноваться, может, и волнуется, но жалеть, не жалеет, – категорично сказал Меченосец.

Сказав это, он попытался взять Зоину руку, но та ловко отдернула ее и с напускной серьезностью произнесла:

– Большой, Вам следует выполнять больничный режим, а то я пожалуюсь на Вас доктору.

– Фу, ябеда-ка рабеда, – по-детски произнес Меченосец и, пожелав Зое спокойной ночи, поплелся в свою палату.

Зоя с улыбкой посмотрела ему вслед и подумала:

– А что, он мужчина видный и, вроде бы неплохой.

В общем, перед самой выпиской Меченосцу удалось сломить слабое сопротивление Зои и сделать ей много приятного. Удовлетворив Зою своим искусством обольщения, он признался ей в любви и выразил желание переселиться к ней. На такое желание Зоя отреагировала не сразу. Она подумала над этим до самого утра, а по окончании дежурства заглянула к Меченосцу в палату и сказала о своем согласии.

Таким образом, после выписки Меченосец переехал к Зое.

Ксения несколько раз пыталась обсудить с Меченосцем сложившуюся ситуацию, но он с некоторым раздражением прерывал бессмысленное обсуждение.

Общение с Зоей также оказалось безрезультатным. В душе Зоя сочувствовала Ксении, но сделать с собой ничего не могла. С каждым днем она все больше и больше привязывалась к Меченосцу, так как от его ласк она теряла голову, а вместе с ней и чувство сострадания.

Зою тоже можно было понять. Жизнь без мужчины не доставляла ей особой радости. Напротив, она чувствовала себя какой-то обделенной и неполноценной.

Месть или отдача долгов

Не помня всех деталей нападения, Меченосец решил отомстить по-одиночке всем любителям картежной игры.

Первым он поймал Акимыча, который когда-то сидел два года за кражу, и отмудохал его так, что тот остался без передних зубов и с синяком на копчике.

Вторым под его горячую руку попал Кирюха, который по молодости сидел в колонии.

Кирюхе он сломал челюсть и отработал по печени.

За третьим картежником ему пришлось поохотиться две недели. Сначала тот уехал в какую-то командировку, потом осенняя слякоть замуровала его дома, и он несколько вечеров не высовывался на улицу.

Наконец, выпал первый снежок, и легкий морозец сковал осеннюю распутицу. В этот вечер Витек, так звали третьего картежника, взял с друзьями две бутылки портвешка, чтобы раздавить их в соседнем дворе.

Меченосец дождался, когда дружки выпьют по первой, после чего прервал их полупьяный обмен мнениями.

Подойдя к теплой компашке, он предложил:

– Витек, отойдем в сторонку, мне надо с тобой поговорить.

Почуввав недоброе, Витек заерепенился:

– Никуда я с тобой не пойду. Если хочешь, говори здесь.

Его поддержал один из собутыльников:

– Чего ты, фраер, к нему привязался. Видишь, что он не хочет с тобой разговаривать.

Меченосец посмотрел на говорящего и произнес:

– Мне начхать на то, что он не хочет со мной разговаривать, зато я хочу. – А ты кто такой, чтобы нам указывать, – заплетающимся языком спросил третий.

Ответом ему послужил сильный удар в челюсть, от которого тот завалился на снег.

Взяв Витка за грудки, Меченосец приподнял его и произнес:

– Мне сказали, что ты меня использовал, как футбольный мяч.

Собутыльник попытался выручить своего приятеля, но, получив по башке, рухнул на скамейку.

Почуввав серьезность намерений Меченосца, Витек заголосил:

– Да, не пинал я тебя. Это все Живодер устроил. – Как это Живодер, – удивился Меченосец, – его тогда и за столом-то не было. – Да, не было, но он давно хотел тебе отомстить, – сообщил Витек.

Лежащий на снегу собутыльник попытался подняться, но поскользнулся и снова завалился на бок.

Отодвинув Витькиного собутыльника на край, Меченосец сел рядом с Витьком и потребовал, чтобы тот поподробней рассказал о Живодере.

Немного успокоившись, Витек рассказал ему о том, что Живодер уже давно хотел отомстить Меченосцу. В тот злополучный вечер Живодер пришел во двор со своими друзьями и, когда Меченосец, забрав выигрыш, направился к подъезду, оглушил его ударом по голове какой-то железякой. Когда Меченосец упал на землю, Живодер с друзьями сначала его отпинал, а потом, обчистив карманы, скрылся. – Вот оно что, – подумал Меченосец, – значит, до этого я квитался не с теми.

Поднявшись со скамейки, Меченосец посоветовал Витьку держать язык за зубами, после чего покинул полупьяную компашку. — Значит, надо отлавливать Живодера, — думал он, вышагивая по плохо освещенной улице, а я не знаю, даже в каком доме он живет.

Но вылавливать Живодера ему не пришлось, потому что Витек не стал держать язык за зубами. После ухода Меченосца он допил содержимое бутылки и направился к Живодеру.

Узнав о намерениях Меченосца, Живодер поговорил со своими друзьями, и сам организовал охоту на него.

В один из вечеров Меченосец возвращался с Зоей из кинотеатра, когда к ним подвалила гопа из шести человек. Возглавлял эту свору сам Живодер.

Увидев агрессивно настроенных мужиков, Зоя плотней прижалась к Меченосцу и посмотрела ему в глаза.

Обняв Зою, он прошептал:

— Быстро беги в сторону света, там люди, а я с ними поговорю.

Зоя попыталась возразить, но Меченосец силой отодвинул ее за спину и подтолкнул в сторону света.

Зоя сначала медленно, потом все быстрее пошла в направлении освещенной улицы. Перейдя на бег, она закричала:

— Помогите, человека убивают, люди, помогите.

А в это время шпана набросилась на Меченосца и, повалив его на землю, стала с остервенением избивать.

Даже не пытаясь подняться, Меченосец прикрыл руками голову, подтянул к животу свои колени и стиснул зубы.

В этот раз ему опять чертовски повезло. Милицейский свисток заставил нападавших оставить жертву и броситься наутек.

Бледная Зоя подбежала к лежащему в крови Меченосцу и упала к нему на грудь. Слезы лились из ее глаз, а руки машинально обследовали тело Меченосца.

Из подъехавшей скорой помощи вышел врач с санитаром, но Зоя не захотела отдавать Меченосца в руки незнакомого врача. Санитар все же сумел оторвать Зою от избитого, и врач, обследовав Меченосца, сделал ему обезболивающий укол. Меченосец пошевелился, потом приоткрыл глаза, чему-то улыбнулся и снова провалился в беспамятство.

Врач хотел отвезти Меченосца в городскую больницу, но, узнав о том, что Зоя является медсестрой данной больницы, согласился довести его до Зоиной квартиры.

Две недели понадобились Зое, чтобы вновь поставить Меченосца на ноги.

Полное выздоровление они отметили бокалом шампанского, жаркими ласками и неудержимым оргазмом.

Ну, что ж, держись Живодер, Меченосец снова в строю.

Но Живодер редко ходил один, его окружали или дружки, или женщины.

Оставив мысль поймать Живодера на улице, Меченосец решил прошвырнуться по ресторанам, в которых, по словам Витька, тот забавлялся.

Чтобы не беспокоить Зою, посещением ресторанов Меченосец занимался в те дни, когда она дежурила в больнице.

В один из таких вечеров он зашел в ресторан «Европа» и, заняв столик в самом углу, заказал двести грамм коньяка с каким-то салатом.

Время было не позднее, и публика только начинала заполнять ресторан.

Не успел Меченосец отпить из бокала второй глоток, как в ресторан появился Живодер с каким-то мужиком и двумя симпатичными шлюшками.

Не заметив Меченосца, компашка заняла столик возле эстрады, и услужливый официант тут же их обслужил.

Меченосец подождал, пока Живодер наполнит бокалы, и направился к его столику.

Увидев Меченосца, Живодер так и застыл с поднятым бокалом.

Подойдя к столику, Меченосец положил тяжелую руку на плечо Живодера и предложил:

– Давай выйдем, надо поговорить. – Никуда я с тобой не пойду, – Живодер попытался стряхнуть с плеча руку Меченосца, – говори при моих друзьях, мне нечего от них скрывать.

Тогда Меченосец взял Живодера за шкуру и попытался его поднять. Чтобы избежать публичной шумихи, Живодер встал и пошел к выходу. За ними увязался и приятель Живодера, пытаясь нащупать в кармане спасительную заточку.

В туалете, ни слова не говоря, Меченосец как следует, приложился к челюсти Живодера. Тот отлетел метра на два и стукнулся головой о косяк кабинки. Меченосец сделал шаг к поверженному Живодеру, но боковым зрением заметил тень и резко обернулся.

Сзади на него надвигался приятель Живодера с острой заточкой. – Ну, что ж, – подумал Меченосец, – придется уложить и тебя. Но уложить приятеля Живодера ему не пришлось. В кабинке появился бородатый мужик, который и вырубил хозяина заточки.

Живодер забился в угол и с ужасом смотрел на бородатого мужика.

Подойдя к Меченосцу, бородатый спросил:

– По какому случаю махалово? – А тебе не все ли равно, – зло ответил Меченосец. – Узнаю, узнаю мужика–труженика из сибирского лагеря, – улыбаясь, произнес бородатый, – а ты, видать, меня совсем не признаешь.

Меченосец присмотрелся к бородатому и только по глазам узнал в нем Кудлатого. – Кудлатый, ты что ли, – спросил он. – Значит, вспомнил все же Кудлатого-то, – повеселел Кудлатый, – тогда пошли в зал. – Нет, Кудлатый, не могу, мне вот этому мудаку должок нужно отдать, – указал он на Живодера. – Оставь его, с ним мои дружбаны разберутся, – произнес Кудлатый и направился из туалета.

Меченосец последовал вслед за ним. – Интересно, как это Кудлатый попал в Ярославль, – подумал он. Кудлатый, между тем, пригласил Меченосца за свой столик и познакомил его со своей девицей:

– Знакомься, это Роза. – Павел, – в свою очередь представился Меченосец. – Меченосец, каким это ветром тебя занесло в Ярославль? – спросил Кудлатый.

– Все очень просто, понравилась женщина, вот и приехал к ней в гости, – ответил Меченосец.

При этом он посмотрела на знакомую Кудлатого, и та улыбнулась ему в ответ.

– Так ты, значит, здесь в гостях? – переспросил Кудлатый.

– Можно сказать и так, только гощу я в Ярославле вот уже восемь лет, – признался Меченосец.

– Значит, серьезных отношений с бабами у тебя, по–прежнему, в планах не намечается? – для уточнения спросил Кудлатый.

– Пока нет, а там посмотрим, – ответил Меченосец, – а ты сам-то когда на волжский берег высадился?»

– Я то, – переспросил Кудлатый, – неделю тому назад приехал ярославскую братву проверить, да заодно и Ляльку навестить.

Услышав свое имя, Лялька заморгала глазками и выдавила из себя подобострастную улыбку.

– И часто ты ярославских братьевников проверяешь? – опять спросил Меченосец.

– А вот как по Ляльке затоскую, так и проверяю, – отшутился Кудлатый, – скажи-ка лучше, по какому поводу базар с Живодером случился?

Меченосец без утайки рассказал Кудлатому о причине разборки с Живодером, и тот предложил ему встретиться завтра в ресторане «Волга».

На следующий день Кудлатый представил Меченосца ярославским авторитетам, расписав его в самых положительных тонах. После третьего

стопаря Меченосец был принят в ряды ярославских уркаганов и с этого дня, без особого желания, стал работать на общак.

В круг его обязанностей входила карточная игра и знакомство с богатыми телками с целью их последующего раздевания и в прямом, и в переносном смысле.

В общем, Меченосец стал в одном лице профессиональным каталой и приятным обольстителем под крышей самого Кудлатого.

Зоя не сразу заметила перемены, которые стали происходить с Меченосцем, так как на свою работу он выходил только в дни Зоиногу дежурства.

То, что Меченосец перестал выходить во двор, ее только порадовало.

Правда, через полтора месяца она обратила внимание на тот факт, что Меченосец купил для себя два новеньких костюма.

На ее естественный вопрос Меченосец ответил таким образом:

– Зоя, лапушка, не задавай мне лишних вопросов. Мне надоело зарабатывать по мелочам, а крупный куш возможен только в приличной компании.

При этом он протянул ей футляр, обтянутый красным бархатом, в котором Зоя обнаружила прелестное кольцо.

За кольцо она, конечно, отблагодарила Меченосца жаркими ласками, но тень сомнения, все же, не прибавила в их отношения положительные эмоции. Наоборот, этих эмоций с каждым днем становилось все меньше.

Все чаще Меченосец стал пропадать из дома на день, а то и на два. Сегодня он облапошил за картежным столом двух заезжих торгашей из Закавказья, а завтра нежилась в кровати с какой-нибудь зажиточной ярославкой. Те же закавказцы его пытались несколько раз отмутузить, но ярославская братва, всякий раз, приходила ему на помощь. Да и как не придешь, если парень работает на общак.

Любви все возрасты покорны

Обеспеченных женщин Меченосец без труда отыскивал, посещая различные тусовки, концерты и спектакли.

На одной из таких тусовок он заметил довольно-таки пожилую, припорошенную сединой женщину. Несмотря на возраст, женщина гордо несла свою голову, а ее взгляд был полон решимости и благородства.

– Да, эта женщина голубых кровей, – подумал Меченосец и решил, во что бы то ни стало, познакомиться с ней.

Пообщавшись со своим знакомым, он упросил его, и тот представил Меченосца пожилой статной женщине:

– Анастасия Владимировна, добрый день, разрешите представить Вам моего друга.

Анастасия Владимировна строго посмотрела на говорившего, потом на Меченосца и властно произнесла:

– Ну, что ж, представляйте.

– Павел Петрович, заядлый игрок в преферанс, – представил знакомый.

Услышав о преферансе, женщина, улыбнулась и уже более теплым взглядом посмотрела на Меченосца:

– Вы, действительно, любите играть в преферанс?

– Да, Анастасия Владимировна, с преферансом меня ознакомил мой отец перед тем, как его арестовали, – ответил Меченосец.

– И кем же был Ваш отец, Павел Петрович, – спросила Анастасия Владимировна.

– Мой отец был офицером царской армии, а после революции служил в Красной армии, но в 37 году, по чьему-то доносу, его арестовали и сослали в Сибирь, – не моргнув глазом, соврал Меченосец.

– Бедный Павел Петрович, – с сочувствием произнесла Анастасия Владимировна, – я надеюсь, он остался жив?

– Ну, что Вы, его расстреляли в 40 году, – сообщил Меченосец.

– Примите мои соболезнования, – произнесла Анастасия Владимировна и отошла к своей старой знакомой.

– Вот тебе и раз, – подумал Меченосец, – хотел ее охмурить, а она взяла и отошла.

Пообщавшись с другими завсегдатаями тусовки, он уже собрался уходить, но услышал голос Анастасии Владимировны:

– Павел Петрович, куда же Вы?

– Да, вроде бы, со всеми пообщался, пора и честь знать, – ответил Меченосец.

– Ну, вот, а я хотела пригласить Вас за преферансный столик, – с сожалением в голосе произнесла Анастасия Владимировна.

Меченосец с благодарностью посмотрел на женщину и с воодушевлением воскликнул:

– Анастасия Владимировна, всегда готов составить Вам компанию.

– Тогда прошу, – сказала Анастасия Петровна и указала Меченосцу в сторону стола для игры в преферанс.

Через несколько минут к ним присоединились руководитель местной филармонии и директор кинотеатра «АРС».

Играли они с переменным успехом, но часам к десяти Меченосец приноровился к манере игры Анастасии Владимировны, и конец игры ознаменовался их внушительным выигрышем. Причем, играя в паре с Анастасией Владимировной, Меченосец не мог не заметить азартного блеска в ее глазах, и этот азарт выдавал ее несомненный темперамент.

– Этот темперамент мне хотелось бы очень даже попробовать, – подумал Меченосец.

И, словно уловив его настроение, Анастасия Владимировна предложила:

– А не пойти ли нам ко мне? Такой успех стоит и отметить.

Меченосец сделал вид, будто очень смутился, услышав такое предложение. Посмотрите, мол, какой я неопытный и скромный. Но, после некоторой паузы произнес:

– С превеликим удовольствием обмо ..., то есть, отмечу это событие.

Прощавшись с хозяевами, они вышли из дома и, не спеша, прошли по свежему воздуху несколько сот метров. Именно столько метров отделяло их от дома, где жила Анастасия Владимировна. А жила она на втором этаже четырехэтажного кирпичного дома, в котором «ютились», в основном, представители ярославской элиты.

Крупногабаритная трехкомнатная квартира, окна которой выходили на волжскую набережную, была уставлена старинной мебелью из массивного дуба и китайским фарфором.

– Будьте, как дома, – предложила Анастасия Владимировна, – я только переоденусь, приготовлю напитки и вернусь к Вам.

Пока Анастасия Владимировна переодевалась, Меченосец внимательней осмотрел гостиную. Напротив дивана, где он сидел, в левом углу комнаты разместилось пианино, а в другом углу красовался сервант с великолепной посудой. Со стены на Меченосца надменно смотрел какой-то мужчина, и от этого взгляда ему, вдруг, захотелось куда-нибудь укрыться.

– Вы чем-то взволнованы? – услышал Меченосец голос Анастасии Владимировны.

– Нет, что Вы, – поспешил он ответить, – просто я восхищаюсь Вашим вкусом. Извините за нескромный вопрос, а чей это портрет?

– Это портрет моего мужа, – ответила Анастасия Владимировна, – он был известным ученым и умер три года тому назад. Если портрет Вас чем-то смущает, то можем перейти в другую комнату.

– Нет, что Вы, я нисколько не смущаюсь, – произнес Меченосец, но сделал вид, что покраснел.

– Если не смущает, тогда усаживайтесь поудобней и наполняйте бокалы, – предложила Анастасия Владимировна.

Меченосец поспешил выполнить просьбу Анастасии Петровны, а когда бокалы были наполнены, предложил выпить за хозяйку этой замечательной квартиры.

Анастасия Владимировна пригубила шампанского, и молодой румянец проявился на ее щеках.

– Угощайтесь фруктами, – предложила она, – а, может быть, Вы хотите чего-нибудь посушественней?

– Спасибо, есть я совсем не хочу, – ответил Меченосец и, допив шампанское, закусил виноградом.

– Скажите, Павел, можно я буду Вас так называть, – спросила Анастасия Владимировна и, получив разрешение, продолжила, – Вы давно живете в Ярославле? – Совсем недавно, – ответил Меченосец, – родился я в Ленинграде, туда же и вернулся после окончания войны.

– Неужели Вы были на фронте? – удивилась Анастасия Владимировна, – мне показалось, что Вы совсем молоды.

– Это только так кажется. На самом деле, я прошел от Бобруйска до самого Берлина, где и получил осколочное ранение и сотрясение мозга, – сообщил Меченосец.

– Ах, Вы, бедненький, – посочувствовала Анастасия Владимировна и погладила рукой Меченосца по голове.

От ее прикосновения Меченосец непроизвольно сжался, но, тут же, выпрямился и предложил:

– Давайте выпьем за наш сегодняшний успех.

Они вновь пригубили шампанского, и Меченосец уже в который раз пожалел, что на столе не оказалось ничего покрепче.

– Сейчас бы хватануть стакашек водки, да закусить ее селедочкой, а то какой-то предательский озноб посетил мое тело, – подумал он.

И вновь Анастасия Владимировна угадала его состояние.

– Павел, я сейчас вернусь, – произнесла она и через две минуты появилась в гостиной с бутылкой коньяку.

Заметив его нерешительность, она воскликнула:

– Ну, что же Вы, Павел, наливайте в свой фужер коньяку, да побыстрей, а то я забуду тост, который хочу произнести.

Меченосец наполнил коньяком свой бокал, и Анастасия Владимировна произнесла:

– Павел, я хочу выпить за наше сегодняшнее знакомство и хочу, чтобы оно длилось, как можно дольше.

Звон бокалов закрепил ее желание, а после того, как Меченосец осушил свой бокал и поставил его на стол, Анастасия Владимировна прильнула к его губам.

От неожиданности Меченосец чуть не задохнулся.

– Вот тебе и старушка, – пронеслось у него в голове, – незря ее глаза светились азартом, по всей видимости, азартна она во всем. А что это я так напрягся? Помнится, я сам хотел испробовать ее темперамента.

Не то от этих мыслей, не то от забродившего в его внутренностях коньяка трусоватое чувство Меченосца покинуло, и он обхватил Анастасию Владимировну своими крепкими руками.

– Держись, моя дорогая старушка, я научу тебя любовным утехам, – думал он, все крепче прижимая Анастасию Владимировну.

Но учиться любовным утехам Меченосцу пришлось самому. Почуввав его ответное желание, Анастасия Владимировна перехватила инициативу и, распахнув свой халат, сунула свой миниатюрный сосок в полуоткрытый рот Меченосца. В считанные секунды этот миниатюрный сосок превратился в затвердевший удлинненный стержень, и его пульсирование передалось Меченосцу. С необычайным желанием Меченосец принялся сосать затвердевший сосок Анастасии Владимировны, чувствуя, как все больше и больше возбуждается эта женщина.

– Павел, дорогой Павел, если бы ты знал, как я тебя хочу, – вырывались из ее груди слова, обращенные к Павлу, и эти слова вдохновляли Меченосца на новые продолжительные ласки.

Он уже совсем забыл про возраст этой захваченной темпераментом женщины. В его руках ее не молодое, но ухоженное и стройное тело билось с каким-то невероятным желанием быть обласканной и любимой.

И Меченосец не жалел сил, чтобы исполнить желание этой, на первый взгляд, недоступной и самоуверенной женщины. И ему было уже совсем наплевать на то, что с портрета в это время на него надменным взглядом смотрел какой-то известный ученый, муж женщины, которую он с наслаждением ласкал.

Насладившись первыми ласками в гостиной, они перешли в спальню. Точнее, Меченосец перенес в спальню убаюканную ласками Анастасию Владимировну. И там Анастасия Владимировна сделала Меченосцу такой эротический массаж, что он набросился на нее, как раззадоренный бычара.

Тихие оханья Анастасии Владимировны переросли в возбуждающие стоны, потом в надрывные завывания, и, наконец, в истошные крики. С последним вскриком закончились ее конвульсивные движения, и обессиленная Анастасия Владимировна распласталась на широченной кровати.

Меченосец еще немного полежал возле нее, потом тихо встал и направился в гостиную.

Наполнив свой бокал коньяком, он мгновенно осушил его, потом закинул в рот пару виноградин и обратился к портрету:

– Ну, что ты смотришь на меня своим идиотским взглядом. Смотри – не смотри, а рогов я тебе навешал по самое некуда. А если будешь смотреть также надменно, то рогов у тебя будет значительно больше. Подумаешь, знаменитый ученый. Я вот только семь классов с грехом пополам одолел, а покруче тебя буду в сексе. Владимировна от тебя, наверное, никогда не получала такого удовольствия, потому что у тебя в башке одни формулы. А у меня голова светлая, потому как без комплексов, то есть без научных обоснований. Я, уважаемый теоретик, на практике все испытал и точно знаю, как женщину удов .., удовл ...удовл Тут язык его стал активно заплетаться, Меченосец несколько раз икнул и завалился на диван.

Первой в полдень проснулась Анастасия Владимировна. Понывающее тело напомнило ей о событиях эротической ночи, и она хитровато улыбнулась. Сложив аккуратно разбросанную одежду, Анастасия Владимировна набросила на себя шелковый халат и вышла в гостиную. И что она видит?

Мускулистое тело Меченосца даже без фигового листа.

– Да, для того чтобы прикрыть внушительное хозяйство этого же-ребчика потребовался бы не один фиговый лист, – подумала она и встала на колени возле дивана. Ей захотелось во всех деталях рассмотреть это самое хозяйство, что она и начала делать. Но просто так рассматривать мускулистое тело ей быстро наскучило, и тогда, взглянув на портрет мужа, она принялась прощупывать на теле Меченосца каждую мышцу. Она пробежалась пальчиками по мышцам рук, особенно тщательно помассировала грудные мышцы, с большой охотой погладила мускулистый живот и от пупка, по волосяной дорожке, спустилась к источнику ее ночно-го блаженства. Погладив источник по головке, она обратилась к нему с такими словами:

– Ах, ты мой хороший, ах, ты мой крепенький. Спасибо тебе за сегодняшнюю ночь, за то, что ты напомнил мне о моей молодости.

Она так нежно обращалась к источнику, что тот, как прилежный школьник, начал медленно выпрямляться, выказывая свою готовность к дальнейшим подвигам.

А когда он совсем выпрямился, между ног у Анастасии Владимировны что-то приятно заныло. В общем, насилуемый Меченосец очнулся только к концу первого акта, а второй акт начался при полном его участии. Господа, спектакль продолжается. И продолжался он ровно три дня и три ночи.

Знакомство с долей риска

Спектакль мог продолжаться и дольше, но Анастасия Владимировна вдруг вспомнила, что сегодня в знаменитом Волковском театре должна состояться какая-то премьера. Поцеловав Меченосца, она воскликнула:

– Милый Павел, сегодня мы обязательно должны пойти в театр, в своей жизни я не пропустила еще ни одной премьеры. Причем это было высказано таким тоном, что всякие возражения исключались, поэтому Меченосец безропотно согласился. Ему и самому хотелось поскорей выбраться на свежий воздух. Как не силен он был, но укатали Сивку Меченосца крутые горки Анастасии Владимировны.

Получив согласие Меченосца, Анастасия Владимировна позвонила администратору театра и забронировала у него два билета в партере.

Перед спектаклем Анастасия Владимировна в сопровождении Меченосца гордо прошлась по фойе, то и дело, здороваясь со своими знакомыми, а знакомых у нее было предостаточно. Весь ее вид говорил о том, что находиться рядом с мужчиной, который значительно моложе ее не каждой дано.

Своим видом она, словно, говорила:

– Смотрите и завидуйте. Меня еще хотят, и хотят не какие-то заезженные мерины, а молодые кобельки, которых вам не видать, как своих ушей. Утолив свое честолюбие, Анастасия Владимировна с гордо поднятой головой проследовала в зрительный зал. Утомленный Меченосец поплелся за ней, ему-то как раз совсем не хотелось светиться перед театральной публикой. На сцену он тоже смотрел только изредка. Изредка и очень отрешенно, но зрительный зал рассматривал с особым усердием. Прежде всего, его интересовали одинокие женщины с приличным приданым, хотя и от замужних привлекательных особ он бы не отказался.

Рассматривая женщин, он мысленно их характеризовал:

– Вот эта толстушка, конечно, при деньгах, но скупердяиста и боязлива, а та, молодящаяся шатенка вряд ли имеет большие накопления. Одна видимость и больше ничего. А вот эта яркокрашенная развратница только глазами зыркать и умеет. Зато вон та худосочная страшила уж точно сидит на сундуке с богатством. А эта богата, но не одинока. Ишь, как прижимается к своему лысому мужичку. Но, что это

Прищуренные глаза Меченосца вдруг округлились и попытались загипнотизировать красивую женщину лет тридцати. Да, женщина, действительно, притягивала своей красотой. Кроме того, она и одета была с изысканным вкусом.

– Вот это женщина, – забродило в мыслях Меченосца, – я уже сейчас хочу с ней познакомиться.

Он так напрягся, что Анастасия Владимировна шепотом спросила:

– Неужели тебе спектакль не нравится? На что он также шепотом ответил:

– Ну, что ты, Анастасия, я просто очень переживаю за главного героя.

На его переживания Анастасия Владимировна ответила нежным касанием руки.

Уважаемый читатель должен заметить, что обращаются теперь Меченосец и Анастасия Владимировна друг к другу на ты. И немудрено, совместное пребывание в замкнутом пространстве в течение трех дней к этому обязывает.

В перерыв Меченосец попытался хоть как-то приблизиться к красивой незнакомке, но Анастасия Владимировна представила его своей знакомой:

– Знакомься, Аидочка, Павел Петрович, мой хороший партнер по преферансу. Аида протянула Меченосцу свою вялую руку и хитро улыбнулась. Мол, знаем мы ваши преферансы, сами иногда в постели поиграем.

И тут Меченосцу вновь повезло. К ним подошла именно та красивая женщина, которую он высмотрел в зрительном зале.

– Тетя, я очень рада тебя видеть, – обратилась она к Аиде, как позже выяснилось, Марковне.

Аида Марковна обняла свою племянницу и представила ее Анастасии Владимировне и Меченосцу:

– Знакомьтесь, это моя племянница, Екатерина. Екатерина Ильинична.

– Очень приятно – за двоих ответила Анастасия Владимировна.

Ответила за двоих потому, что на некоторое время Меченосец потерял дар речи.

Опомнившись, он скромно произнес:

– Мне тоже очень приятно. Сказал-то он это скромно, но ручку Екатерины Ильиничны сжал не один раз, а целых три.

Ох, проказник, ох, сердцеед.

Дополнительные массирования руки не остались незамеченными. Екатерина Ильинична с благодарностью посмотрела на Меченосца и произнесла:

– Мне тоже очень приятно познакомиться с Вами.

Ну, что ж, можно смело сказать, что контакт состоялся, а раз состоялся, то дело, в дальнейшем, за небольшим.

Но этого небольшого Меченосцу пришлось ждать целых две недели. И встреча эта оказалась совершенно случайной.

В воскресенье, когда Зоя ушла на очередное дежурство, решил Меченосец навестить Анастасию Владимировну, но поцеловав запертую дверь, вышел на волжскую набережную, где по вечерам гуляла значительная часть ярославцев.

Возле беседки играл духовой оркестр, и наиболее решительные вальсировали в окружении толпы.

Меченосец с детства любил музыку духовых оркестров, и до сих пор корил себя за то, что в свое время так и не научился играть на трубе.

Подойдя к беседке, он прислонился к ограде и стал с наслаждением слушать мелодию Севастопольского вальса.

Где-то внизу величавая Волга несла свои воды к такому далекому Каспийскому морю, и Меченосец невольно вспомнил свои давние круизы до Астрахани и обратно.

– Хорошее было время, – пронеслось у него в голове, – плыви себе потихоньку, пощупывай бабенок, да окрестности разглядывай.

И тут чей-то голос прервал его приятные воспоминания.

Оглянувшись назад, он увидел Екатерину Ильиничну, которая приближалась к беседке и приветственно махала ему рукой.

– Здравствуйте, Екатерина Ильинична, – приветствовал ее Меченосец, – очень рад Вас видеть.

– Я тоже рада встретить Вас здесь, – ответила Екатерина Ильинична, – а почему Вы один?

– А с кем же мне быть? – вопросом на вопрос ответил Меченосец.

– Как с кем, неужели у Вас до сих пор нетзнакомой, – воскликнула Екатерина Ильинична.

– Вы знаете, ни жены, ни хорошей знакомой у меня до сих пор нет, – ответил Меченосец, но буду очень рад, если в Вашем лице я приобрету друга, а лучше....

Не дав Меченосцу закончить, Екатерина Ильинична сказала:

– А лучше хорошего друга.

– Да, конечно, хорошего друга, – согласился Меченосец.

– Ну, что ж, постараюсь быть для Вас хорошим другом, – произнесла Екатерина Ильинична.

– Скажите, Екатерина Ильинична, а хорошего друга можно пригласить на танец? – озорно спросил Меченосец.

И так же озорно Екатерина Ильинична согласилась с его приглашением.

Вальс она танцевала просто великолепно. Меченосец, как пушинку, кружил ее стройное тело и от души любовался открытой улыбкой.

– Какая же она красивая, – думал он, стараясь как можно плотней прижать ее к себе.

Но, хоть и силен ты Меченосец, а вальс – это тебе не танго с его вульгарными прижиманиями. Вальс не терпит провокационных телодвижений и тесных прижиманий.

И все же, когда последний аккорд вырвался из медных труб, Меченосец не упустил случая, чтобы прижать к себе Екатерину Ильиничну. И сделал он это, конечно, не из-за своего сексуального желания, а благодарности ради. По ответному движению Екатерины Ильиничны он понял, что его благодарность была воспринята с пониманием.

После вальса разгоряченная Екатерина Ильинична предложила ему прогуляться по волжской набережной, и Меченосец с удовольствием согласился, предвкушая еще большее удовольствие.

Мысленно он уже гладил Екатерину Ильиничну по цветастому шелку чуть ниже талии и массировал ее прекрасную грудь, на которую постоянно косился, но мысли его прервал традиционный вопрос:

– А расскажите немножко о себе?

Вопрос Екатерины Ильиничны, конечно же, расстроил распутившего слюни Меченосца, но он собрался и рассказал такую душещипательную историю о себе любимом, что сердце женщины сначала заняло от переживаний, а потом волнительно забило от сочувствия.

Да простит меня читатель, но, чтобы как следует прочувствовать переживания Екатерины Ильиничны, я, просто, вынужден пересказать содержание Меченосца на тему «Герой не понятый и оскорбленный».

В этот раз он родился на берегах Волги в семье беспобудного пьяницы, который то и дело мучил Меченосца и его мать. Не вытерпев унижений, Меченосец сбежал из дому и около года скитался по необъятным просторам нашей великой страны. Война застала его в Белоруссии, и в свои пятнадцать лет он был вынужден взять оружие и уйти в партизаны.

Он пускал под откос поезда, ходил в разведку, громил фашистов налево и направо, за что представлен был к правительственной награде, но награды так и не получил, потому что вместе с освободившими его частями Красной Армии пошел на Берлин. По пути он, конечно, уничтожил не один десяток бронетехники противника, а фашистов загубил столько, что и не сосчитать. За это его опять представили не то к ордену Красной звезды, не то к звезде героя, но в одном из боев он был тяжело ранен и взят в плен. Пытками и мучениями фашисты пытались выведать у него секретные данные, но он, выдержав все испытания, не проронил ни слова. Нет, все-таки несколько слов он фашистам в изнеможении прошептал.

– Стреляйте, сволочи, смотрите, как погибает советский солдат, – прошептал он.

Но выстрелить фашистам так и не удалось, потому что вовремя подоспели его однополчане.

В полевом госпитале Меченосца с трудом вывели из обморочного состояния, перевязали с ног до головы и отправили эшелонам в Ленинград.

В ленинградском госпитале Меченосец пролежал больше двух месяцев, и каждый день его не покидала мысль о возвращении на фронт. Но война закончилась, и на некоторое время его приютила сердобольная старушка медсестра.

Съездив на родину, он узнал о том, что отец погиб на войне, а мать, получив похоронку, вскорости умерла. Родственников у него тоже не осталось, и он вернулся к сердобольной старушке.

Два года тому назад старушка умерла, и его выселили из комнаты. Поскитавшись по общежитиям, он вернулся на Волгу, но счастья здесь так и не нашел.

Вот такая вот, Екатерина Ильинична, невеселая история.

Рассказанная история так взволновала Екатерину Ильиничну, что она взяла Меченосца под руку и, заглянув в его глаза, прошептала:

– Господи, сколько же Вы пережили.

Потом они, молча, продолжили свой путь. Екатерина Ильинична заново переживала услышанное и перебирала возможные варианты своей помощи Меченосцу, а тот, в свою очередь, искал путь выхода из молчаливого оцепенения.

Наконец, он, как можно бодрее, произнес:

– А что это мы все про меня, да про меня. Может быть, Вы тоже расскажете о себе?

Екатерина Ильинична не сразу вышла из оцепенения, но, пройдя еще несколько метров, сказала:

– А что обо мне рассказывать? Родилась я сразу после войны. Отец у меня заведует кафедрой медицинского института, а мать работает участковым врачом. Они хотели, чтобы я тоже пошла в медицинский, но я поступила в педагогический. В настоящее время работаю завучем в одной из школ.

– Так Вы, оказывается, педагог? – переспросил Меченосец.

– А что, на меня это так не похоже? – в свою очередь спросила Екатерина Ильинична.

– Нет, ну что Вы, – воскликнул Меченосец, – просто, когда я впервые увидел Вас, подумал о том, что такая красота должна принадлежать высокому искусству.

Его слова, конечно, понравились Екатерине Ильиничне, и она игриво произнесла:

– А что теперь? Вы, наверное, разочаровались, узнав, что я школьный сухарь?

– Как можно, Екатерина Ильинична. Все эти дни я только и думал, что о встрече с Вами, – признался Меченосец.

– Я тоже часто вспоминала Вас, – покраснев, произнесла Екатерина Ильинична.

– Екатерина Ильинична, может быть, стоит нам перейти на ты, – спросил Меченосец.

– Можно и перейти, – согласилась Екатерина Ильинична.

Но перейти на ты они так и не смогли.

Пройдя несколько шагов, они вышли на Стрелку, где с высоты правого берега открывался великолепный вид на слияние вод реки Которосли с водами великой русской реки Волги.

– Павел Петрович, посмотрите какая красота, – воскликнула Екатерина Ильинична.

– Да, – согласился Меченосец, – в последнее время я очень часто стал приходить сюда, чтобы полюбоваться волжскими просторами.

– Значит, Вам тоже нравится это место? – посмотрев в его глаза, спросила Екатерина Ильинична.

Меченосец нежно дотронулся до локотка Екатерины Ильиничны и с чувством произнес:

– Даже очень нравится. А, находясь рядом с Вами, я совершенно по-новому посмотрел на Стрелку, – воскликнул Меченосец. И тут он, невольно, почувствовал, что вовсе не лицемерит, говоря эти высокие слова. Близость Екатерины Ильиничны была ему очень приятна, но эта приятность не ограничивалась только тем, что пробуждала в нем чувства самца. Глядя на Екатерину Ильиничну, он почувствовал какое-то новое возбуждение, ранее ему не знакомое, и это возбуждение заставляло его быть очень внимательным и осторожным. Осторожным в движениях и поступках, в словах и мимике.

Может быть, поняв его состояние, Екатерина Ильинична спросила:

– Вы, наверное, хотите узнать, замужем я или нет?

– Вы читаете мои мысли, – ответил Меченосец.

– Значит, я неплохой психолог, – улыбнулась Екатерина Ильинична и произнесла, – у меня есть муж, и работает он в городском уголовном розыске.

Услышав об уголовном розыске, Меченосец отдернул свою руку от локтя Екатерины Ильиничны, потом опомнился и шутливо произнес:

– Значит, охрана Вам обеспечена.

– Наоборот, муж пропадает на своей работе денно и нощно, – с сожалением сказала Екатерина Ильинична

«Неужели в Ярославле так много преступников, что их приходится ловить без передышки, – спросил Меченосец.

– Может быть и немного, но составлять всякие отчеты мужу приходится даже дома, – призналась Екатерина Ильинична.

– Да, нелегкая это работа без проблем описать обормота, – попробовал пошутить Меченосец, но Екатерина Ильинична шутку не приняла.

– Но у оперативников, действительно, нелегкая работа, – сказала она, – им приходится сталкиваться и с вооруженными преступниками.

– Екатерина Ильинична, я совсем не хотел Вас обидеть, – поспешил исправить положение Меченосец, – на земле еще немало преступников, с которыми нужно бороться.

Сказав это, он попытался обнять Екатерину Ильиничну, но она увернулась и произнесла:

– Время уже позднее, пора и по домам. Провожать меня не надо, мне тут недалеко.

Уловив требовательные нотки в голосе Екатерины Ильиничны, Меченосец не стал возражать, но попросил ее номер телефона.

Внимательно посмотрев на Меченосца, Екатерина Ильинична продиктовала номер своего рабочего телефона и, попрощавшись, быстро пошла в сторону Демидовского сада.

Сначала любовник, а потом ...

Через год, не удовлетворенный ярославскими масштабами, Меченосец загрустил и решил навестить Москву. Да, провинциальный Ярославль не стал для него источником действительно больших доходов. Конечно, жили они с Зоей совсем не бедно, но Меченосцу хотелось чего-то большего. Да и Зоины расспросы ему изрядно поднадоели.

Отношения с Екатериной Ильиничной тоже не заладились. Чем чаще он с ней встречался, тем настойчивей пытался ею овладеть. Екатерина Ильинична с охотой принимала его ухаживания, но, как только дело доходило до обниманий, так настроение ее быстро портилось, и она, тут же, торопилась домой. Такое поведение Екатерины Ильиничны раздражало Меченосца, но чем больше он раздражался, тем больше ее хотел. Чувствуя это, он решил, хотя бы на время, удалиться от нее.

В общем, Ярославский вокзал столицы нашей Родины распахнул перед Меченосцем двери в иной, бурлящий мир наслаждений и соблазнов.

От одного только воздуха, наполненного нектаром автомобильных выхлопов, у Меченосца закружилась голова.

– Вот та игрушка, которую я, обязательно, приобрету», – подумал он, глядя на проезжавшую мимо «Победу».

Остановившись в гостинице «Россия», Меченосец расспросил администратора о московских значных местах и в первый же вечер решил посетить ресторан «Континенталь», в котором, кроме прекрасной кухни, водились еще неплохие валютные проститутки.

Одна из таких проституток и присосалась к импозантному Меченосцу или потому, что никто из иностранцев ее еще сегодня не снял, или потому, что профессиональный нюх учуял в нем богатого клиента.

Софи, так звали симпатичную проститутку, оказалась очень разговорчивой и веселой девицей.

Не забывая с аппетитом поглощать салат «Цезарь», она рассказывала Меченосцу о красотах Москвы и о том, как любит парней из ансамбля «Биттлз».

Про московские красоты Меченосец был наслышан, а вот об английском ансамбле не знал почти ничего.

Софи умолкла только тогда, когда в зале ресторана появился здоровенный детина с взлохмаченной шевелюрой.

Меченосца удивила такая реакция Софи, и он спросил:

– А кто этот здоровяк?

– Это наш папочка, Кирилл Александрович, – ответила Софи.

– Как это, папочка? – переспросил Меченосец.

– А так, – уклончиво ответила Софии, – он нас просто опекает.

Позже Меченосец узнал о том, что Кирилл Александрович был главным сутенером города Москвы и ее окрестностей, но это было чуть позже.

А сейчас Меченосец пригласил Софи на танец, который, в отличие от предыдущего рока, был медленным и контактным.

Прижимая во время танца Софи, он убедился в ее привлекательности и окончательно решил, что обязательно попробует в эту ночь московскую проститутку.

Решено–сделано. Посидев в ресторане еще около часу, Меченосец пригласил Софи к себе в гостиницу, отчего та, конечно, не отказалась.

Гостиница «Россия» для нее была даже очень знакома. В ней, как раз, и останавливалось большинство ее прежних клиентов.

«Значит, клиент, действительно, при валюте», – подумала она, заходя за Меченосцем в просторный одноместный номер.

Без особых прелюдий Меченосец завалил Софи на широкую кровать, но та, прежде чем приступить к сексу, достала из сумочки какой-то заморский презерватив и, послонявив возбужденную колотушку партнера, аккуратно напаялила на нее это эластичное приспособление.

Отработала в этот раз Софи на все сто, да и Меченосец внес в ее профессиональную копилку некоторые новинки. Прежде всего, это был вариант вибрации колотушки между грудей, что доставляло Меченосцу большое удовольствие. Судя по тому, как Софи всякий раз пыталась поймать колотушку своим широко раскрытым ротиком, движения Меченосца доставляли и ей определенное удовольствие. А когда, после массажа грудей, Меченосец вновь вошел в Софи, то та как-то быстро забила в экстазе и издала продолжительный вопль блаженного удовлетворения.

После этого вопля Меченосцу не составило большого труда уговорить Софи, чтобы на следующий день та познакомила его с Кириллом Александровичем.

Потом был еще один сеанс бурного секса, после которого они провалились в глубокий сон.

Проснулись они только к обеду, и Меченосец щедро расплатился с Софи. Немного подпортило ее настроение то, что рассчитался он с ней не валютой, а советскими червонцами, к которым у нее с некоторых пор интерес поубавился.

Но червонцы тоже деньги, а деньги, да еще скрашенные полученным удовольствием вдвойне приятны.

С этой приятностью Софи покинула пропитанный спермой номер Меченосца, чтобы вечером вновь встретиться с ним в том же самом ресторане.

Вечером Меченосец вновь появился в ресторане «Континенталь», и через полчаса к нему подседа ухоженная Софи. Они обменялись любезностями, выпили за приятную ночь, и Софи попыталась задать Меченосцу несколько вопросов. Тот тактично ее остановил и пригласил на танец, так как оркестр в это время заиграл что-то веселенькое.

Как раз во время танца и появился в зале подвыпивший Кирилл Александрович.

Меченосец еще раз напомнил Софи о своей просьбе, и та представила Меченосца Кириллу Александровичу.

Тот, без особого удовольствия, принял приглашение Меченосца и присел за его столик. Софи тоже хотела сесть на свой стул, но Кирилл

Александрович посмотрел на нее взглядом удава, и та засеменила к соседнему столику. За бутылкой коньяку завязалась следующая беседа.

– Кирилл Александрович, очень рад с Вами познакомиться, – начал Меченосец и хотел продолжить свой монолог, но опытный сутенер перебил его:

– Хватит увертюры, скажи-ка лучше, что тебе от меня нужно?

Меченосец немного опешил от откровенно грубого обхождения, но потом взял себя в руки и произнес:

– Да ничего особенного Кирилл Александрович. Просто наслышан я, что вы большой знаток московских увеселительных заведений.

– Уж не Софка ли тебе об этом поведала? – хриловатым голосом спросил Кирилл Александрович.

– Ну, что вы, с Софи я еще не успел как следует познакомиться, – соврал Меченосец.

– Вот это ты зря, – опрокинув очередную порцию коньяку в свою внушительную утробу, пробурчал Кирилл Александрович, – меня, великого психолога человеческих душ, еще никто и никогда не обманул. Значит, по-твоему, трахать Софку всю ночь, это еще не знакомство?

Поняв, что лопухнулся, Меченосец воскликнул:

– Кирилл Александрович, от вас, действительно, ничего невозможно скрыть.

– И не пытайся, я этого ужасно не люблю, – прохрипел Кирилл Александрович, встал и, не попрощавшись, пошел к выходу.

– Да, – подумал расстроившийся Меченосец, – разговор не получился.

Потом глаза его сузились, и он уже вслух сказал:

– Да и хрен с ним, буду искать другие пути.

– Какие это пути ты будешь искать? – спросила подошедшая Софи.

– Да пошла бы ты, – в сердцах воскликнул Меченосец.

Но Софи его грубость не остановила, она села на стул, налила в свой бокал коньяку и залпом выпила.

– Меченосец, скажи, ну кто тебя так обидел – сморщившись от лимончика, спросила она.

Посмотрев на ее кислое выражение лица, Меченосец немного успокоился:

– Что это я взбеленился, не ее вина, что этот раскормленный хряк растопырил пальцы. И вообще, это, пока, единственный человек, который скрашивает мое московское одиночество.

– А не пойти ли нам с тобой к эстраде, – взбодрившись, предложил он, – мои ноги так и просятся в пляс.

Софи вполне устраивало предложение Меченосца, и она поспешила за ним.

Натанцевавшись, они вновь вернулись за стол, и Меченосец поднял бокал за прелестную Софи.

За ее прелесть он поднял бокал и в своем номере, когда они вернулись из ресторана.

За это Софи отблагодарила Меченосца страстными ласками и продолжительным оргазмом. Таким образом, ее профессионализм сделал свое дело, Меченосец окончательно успокоился и до утра проспал в обнимку с удовлетворенной Софи.

Наутро он вновь с ней щедро расплатился, и, как ни упрашивала Софи, выводил ее из номера.

Ему захотелось побыть наедине со своими мыслями. А думать было о чем. Деньги, которые Меченосец привез с собой в Москву, заканчивались, а у него еще не созрел четкий план их добывания.

– Не воровать же идти, в конце концов, – думал Меченосец, – как-то недружелюбно встречает меня Москва. Одна Софи скрашивает мое одиночество, да и та только за деньги. А, может быть, наплевать на столицу, да и махнуть на Урал?

Достав из холодильника бутылку пива, он выпил из нее большую половину и опять задумался:

– Нет, раз с первой попытки до Урала добраться не удалось, значит ехать туда мне не суждено. Да и вообще, что это я раскис. Приехал покорять Москву, так покоряй, черт побери. А, может, стоит поискать в столице Лилию?

Подумав так, он быстро оделся и, спустившись вниз, вышел из гостиницы.

Осеннее солнце с неподдельным любопытством наблюдало за снующими туда–сюда москвичами, которым не было никакого дела до шедшего в сторону Красной площади Меченосца.

А Меченосец искал в этом скоплении москвичей и гостей города милое лицо рыжеволосой Лили, которую он когда-то охмурил. Охмурил только раз, но не отказался бы охмурить не единожды.

Проголодавшись, он зашел в небольшое кафе и без особого удовольствия съел остывающие кислые щи и котлету с чуть теплым картофельным пюре. Протолкнув все это холодным пивком, он вернулся в гостиницу и, плюхнувшись на кровать, вновь задумался.

– Если бы не осень, уехал бы я сейчас на черноморское побережье, поплескался бы в теплом море, помял бы в свое удовольствие разомлевших от солнечных лучей телок, опустошил бы кошельки у азартных любителей картишек. Кстати о картишках, руки-то у меня так и не переста-

ют чесаться, а раз руки чешутся, их надо почесать с помощью колоды карт.

Подумав так, он вскочил с кровати, и ноги сами понесли его в сторону ресторана «Континенталь».

– Ничего, – думал он, – я там обязательно познакомлюсь с человеком, который поможет мне найти сборище любителей карточной игры.

Но искать человека Меченосцу в ресторане не пришлось, так как в девять часов вечера в зале появился подвыпивший Кирилл Александрович. Увидев Меченосца, Кирилл Александрович подошел к столу и плюхнулся на стул.

– Ну, привет, искатель приключений, – поздоровался он.

– Здравствуйте, Кирилл Александрович, – учтиво приветствовал Меченосец сутенера.

– Так ты, говорят, хочешь потрясти московские притоны? – спросил Кирилл Александрович.

– Ну, что Вы, – делая вид, что сконфузился, ответил Меченосец, – просто руки мои ужасно чешутся, а другого эффективного средства их почесать, кроме колоды карт, я еще для себя не открыл.

– Значит, говоришь, руки чешутся? – переспросил Кирилл Александрович, пристально взглянув на Меченосца, – недуг серьезный, но, думаю, что смогу оказать тебе помощь. Сам понимаешь, что бесплатно я никому ничего не делаю.

– Конечно, конечно, – оживился Меченосец, – о чем базар.

– Вот-вот, не о чем нам с тобой базарить, – согласился Кирилл Александрович, – все твои проигрыши за свой счет, а от выигрыша двадцать пять процентов мои.

– Ни хрена себе, – подумал Меченосец, но вслух произнес, – может быть, остановимся на пятнадцати процентах?

Кирилл Александрович ненадолго задумался, потом еще раз изучающе посмотрел на Меченосца и изрек:

– Хорошо, двадцать процентов мои, и уже завтра я представлю тебя в одном из притонов.

Мужчины ударили по рукам и договорились встретиться завтра в девять часов вечера.

Как только Кирилл Александрович покинул зал, за столик к Меченосцу подседа Софи.

– Меченосец, угости свою девочку чем-нибудь вкусеньким, – промурлыкала она.

Меченосец дружелюбно посмотрел на Софи и воскликнул:

– Сегодня я хотел бы угостить сразу двух хорошеньких девочек. А ну-ка, где твоя подружка?

Софи быстро прошла взглядом по залу и, заметив приятельницу, помахала ей рукой.

Та вихляющей походкой подошла к столу, и Софи представила ее:

– Симпатяшечка Бриджит.

– Уж не Бриджит ли Бордо? – спросил Меченосец, жестом приглашая симпатяшечку за стол.

– Нет, не Бордо, – ответила Бриджит, – но мне очень хочется быть похожей на нее.

Меченосец внимательно посмотрел на симпатяшечку и произнес:

– Да ты и так немного смахиваешь на француженку.

От услышанных слов Бриджит немного покраснела и произнесла:

– Вы мне просто льстите.

Разлив коньяк по бокалам, Меченосец поднял тост за прекрасную Бриджит, а чтобы не обидеть Софи, следующий тост посвятил ей.

Глотнув коньяку, Софи хотела пригласить Меченосца на танец, но тот тактично отказался, сказав, что танцевать они будут у него в номере.

Расплатившись с официантом, Меченосец повел довольных проституток в свой гостиничный номер.

Первой в постель к Меченосцу шмыгнула Софи, и пока Бриджит ковырялась с поясом и чулками, она успела настроить Меченосца на эротический лад. Юркнув под одеяло, его эротический настрой Бриджит тут же почувствовала, так как что-то большое и твердое уперлось в ее загорелое бедро. И началось.

Этой ночью две подружки вылизали Меченосца с ног до головы. Особо усердствовала Бриджит. Если Софи уделяла больше внимания груди и плечам Меченосца, то Бриджит очень тщательно исследовала все, что было ниже его пояса. От этих исследований Меченосец еще энергичней заводился и в состоянии эмоционального возбуждения уже не понимал, чьи же прелести ему приходится ласкать. А эти прелести то изгибались, то пульсировали, то на мгновение застывали, то вновь пускались в свой эротический танец.

В общем, получилось так, что девицы не только вылизали Меченосца, но и высосали его до самой последней капли.

Весь день после бурной ночи Меченосец проспал, как убитый. Проснувшись в шесть часов вечера, он привел себя в порядок, спустился в кафе и с аппетитом заморил червячка.

Без пятнадцати девять он уже сидел в ресторане «Континенталь», а ровно в девять часов в зале появился раскрасневшийся Кирилл Александрович.

Без всяких прелюдий он подошел к столу и сказал, что через полчаса повезет Меченосца в один из московских катранов. После этого он переместился к другому столику, за которым сидел какой-то иностранец.

Поговорив с иностранцем, Кирилл Александрович встал из-за стола и посмотрел на Меченосца. Тот понял, что момент настал и направился вслед за Кириллом Александровичем.

Виктория

Через двадцать минут светлая Волга Кирилла Александровича домчала их до одного из домов на Ленинградском проспекте. Именно в этом доме, располагался один из московских катранов, который посещали как представители всех видов интеллигенции и теневиков, так и профессиональные каталы.

Катран находился в пятикомнатной квартире одного известного московского скульптора, произведения которого красовались не на одной площади столицы и других российских городов.

Кирилл Александрович представил Меченосца хозяину квартиры Евлампию Викторовичу и поспешил на выход. Евлампий Викторович внимательно осмотрел нового игрока и пригласил его в гостиную, где за тремя столами шла игра в преферанс. Попросив извинения, Евлампий Викторович представил Меченосца игрокам и двум зрителям, которые, потягивая шампанское, наблюдали за игрой со стороны и изредка вполголоса комментировали ту или иную комбинацию играющих.

Так как места за столами были заняты, Меченосец присоединился к числу зрителей и стал с интересом наблюдать за поведением игроков. За двумя столами шла лобовая игра, то есть игра без шулерства, а вот за третьим столом наметанный взгляд Меченосца заметил исполнителя, то есть опытного шулера, делавшего различные манипуляции с карточной колодой.

– Ну, что ж, – подумал Меченосец, – будем иметь это в виду. Игра на верняк нами тоже не возбраняется, но наказать себя я не дам.

Пока он наблюдал за игроками, его, в свою очередь, очень внимательно изучала молодая светловолосая женщина, которой, как и Меченосцу, очень хотелось перебраться в преферанс, но напарников в эту ночь для нее не нашлось.

Заметив на себе ее пристальный взгляд, Меченосец подошел к женщине и представился:

– Павел Петрович, заядлый почитатель карточной игры.

– Виктория Рудольфовна, – в свою очередь представилась женщина, – я тоже очень люблю играть в карты.

– А Вы давно ходите в этот райский уголок, – спросил Меченосец.

Виктория Рудольфовна подозрительно посмотрела на Меченосца, и тот быстро поправился:

– Извините, ради бога, но мое любопытство вызвано только желанием с Вами познакомиться.

Виктория Рудольфовна сняла с лица гримасу подозрительности и проворковала:

– Ну, что ж, тогда я готова ответить на все Ваши вопросы. Они вышли в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой, присели на кожаный диван, и общение было продолжено.

– А можно называть Вас просто Викторией? – спросил Меченосец и, получив разрешение, попросил, – Вы не могли бы рассказать мне немного об играх?

– С удовольствием, вот только я сама о них знаю самую малость, – призналась Виктория.

– Ну, хотя бы эту самую малость, – попросил Меченосец.

– Тогда слушайте, – согласилась Виктория, – видите, за первым столом сидит седовласый мужчина? Это Иннокентий Павлович, режиссер одного из московских театров. Рядом с ним теребят картишки сын известного в Москве гинеколога Сергей, бравый генерал Федор Павлович и Гиви, о деятельности которого я ровным счетом ничего не знаю. Говорят, что его брат является каким-то известным спортсменом».

Виктория немного перевела дух и недвусмысленно показала на свой опустевший фужер.

Меченосец поспешил наполнить ее фужер шампанским и предложил выпить за прекрасную Викторию.

Лукаво улыбнувшись, Виктория пригубила шампанское и произнесла:

– А Вы, Павел Петрович, умеете производить на женщин хорошее впечатление.

– Ну, что Вы, Виктория, – будто бы сконфузившись, воскликнул Меченосец, – хорошие слова начинают роиться в моей голове только при виде настоящей красоты. Кстати, зовите меня просто Павлом.

От этих слов сердце Виктории забилось в два раза сильнее, а по телу пробежала первая возбуждающая волна. А когда Меченосец, в порыве откровения, дотронулся до локотка Виктории, вторая возбуждающая волна покатила в сторону ее груди.

– Неужели он может думать не только о картах, – пронеслось у нее в голове, – в последнее время мужчины, которые меня окружают, кроме

карт ни о чем больше и не помышляют. Правда, Гиви навестил меня разок, но после этого переключился на какую-то молодуху.

– Виктория, извините меня, – услышала она голос Меченосца, – а кроме карт Вы еще чем-нибудь занимаетесь?

– Я то, – переспросила Виктория, – конечно, занимаюсь. Я заведу одним из московских ресторанов.

– Вот как, – удивился Меченосец, – а разве мужу не хочется освободить Вас от излишних хлопот?

– Хочется, точнее, хотелось, – ответила Виктория, – оттого мы и расстались. Сами знаете, заведовать рестораном – дело хлопотное, а ревность – плохой советчик.

– Выходит, что он Вас сильно ревновал? – опять спросил Меченосец.

– Еще как. Мой ревнивый муженек только и делал, что следил за мной. В конце концов, мне это надоело, и я оставила его со всем нажитым скарбом.

– Вы смелая женщина, – похвалил ее Меченосец, – вот так вот взять и уйти.

– Да, вот так вот взяла и ушла, – подтвердила Виктория, – помыкалась несколько лет по общежитиям, потом поднакопила денег и купила себе кооперативную квартиру. А, кстати, что это мы все обо мне, да обо мне. Может быть, Вы расскажете что-нибудь о себе?

– Виктория, я Вам обязательно расскажу о себе, но только не здесь, – пообещал Меченосец, – может быть, прогуляемся по ночной Москве?

Предложение Меченосца Виктории очень понравилось. Чтобы не мешать играющим, они простились только с Евлампием Викторовичем и вышли в осеннюю Москву.

Вдохнув свежего воздуха, Меченосец начал свое житейское повествование:

– Родился я в Ленинграде, в интеллигентной семье со старыми дореволюционными традициями. Мой отец пошел по стопам бабушки и стал известным ученым, а моя мама никогда не работала, так как папа этого не хотел. Он, как и бабушка, считал, что настоящий мужчина должен обеспечить семью всем необходимым. Мне тоже была уготована судьба ученого человека, но началась война, и я записался в отряд ополченцев.

Пока я в составе ополченцев оборонял Ленинград от вражеского нашествия, наш дом разбомбили, и все мои родственники погибли под руинами. Всю войну я мстил фашистам за погибших родителей, а День Победы отмечал со своими сослуживцами уже в Варшаве. На польской земле я был тяжело ранен и попал в госпиталь, где повстречал свою первую любовь. Вместе с ней я приехал в Ленинград, поклонился роди-

тельской могиле, и любимая женщина увезла меня на свою родину. Там я устроился на оборонный завод, и зажили мы с любимой женщиной счастливо и в достатке. Но недолгим было наше счастье, по доносу одного из сотрудников осудили меня и отправили в сибирский лагерь. Только после смерти Сталина я смог вернуться на родину жены, но она меня не дождалась и выскочила за какого-то начальника. И вот теперь скитаюсь я по городам и весям с клеймом осужденного и надеждой на новое счастье.

Закончив рассказ, Меченосец глубоко вздохнул и надолго замолчал.

Рассказ Меченосца произвел на Викторию неизгладимое впечатление, на глазах у нее выступили слезы, а грудную клетку сдавила невыносимая боль.

– Это же надо столько перетерпеть, – подумала она и, прижавшись к Меченосцу, прошептала, – Павел, я хочу пригласить Вас на кофе. Меченосец нежно обнял Викторию и, в знак согласия, поцеловал ее в омытую слезами щеку.

Ночная Москва милостиво разрешила им поцеловаться, а потом поторопилась остудить их чувства, забравшись прохладным дуновением ветерка к ним за пазухи.

Павел хотел покрепче обнять Викторию, но та увернулась от его объятий и произнесла:

– Павел, давайте лучше ускоримся, ходу до моего дома всего пять минут.

И, действительно, через пять минут они подошли к двенадцатизатяжному зданию и юркнули в один из его подъездов.

Поднявшись на четвертый этаж, они вышли из лифта, и Виктория отворила дверь своей трехкомнатной квартиры.

Войдя в прихожую, Меченосец открыл от удивления рот. И не только потому, что площадь прихожей была чуть меньше двадцати метров, но еще и потому, что отделана она была по высшему разряду.

– Ну, что же Вы, – дернула за рукав Меченосца Виктория, – раздевайтесь, будьте, как дома.

Меченосец прикрыл рот и, сначала помог раздеться Виктории, а потом разделся сам.

Роскошь гостиной еще больше удивила его. Великолепная немецкая мебель органично сочеталась с китайским фарфором и чешским стеклом, с африканской экзотикой и русской живописью.

– Да, – подумал Меченосец, – красиво жить не запретишь.

Заметив удивление на лице Меченосца, Виктория воскликнула:

– Павел, ничего в этом мире просто так не достается.

Меченосец посмотрел на Викторию и произнес:

– Виктория, глядя на это великолепие, я

еще больше восхищаюсь Вами. Вы, действительно, сильная женщина. Сильная и красивая.

– Спасибо за приятные слова, – поблагодарила его Виктория, потом попросила, – Вы немного посидите, я только приготовлю кофе.

Она вышла на кухню и через несколько минут принесла оттуда две чашечки ароматного кофе. Достав из серванта бутылочку коньяку и пару бокалов, она попросила Меченосца налить в бокалы божественного напитка.

– За хозяйку этого уютного дома, – произнес Меченосец, – пусть этот дом посещают только радость и успех.

Ах, Меченосец, ты еще не научился обволакивать женщин красивыми словами.

А, может быть, это от чистого сердца?

В любом случае, не то от слов, не то от коньяка, голова Виктории пошла кругом, и Меченосцу не составило никакого труда, чтобы, как говорится, взять ее тепленькой. Точнее, тепленькой Виктория была только в самом начале эротической игры, но через несколько минут она так разгорячилась, что лежащий на ней Меченосец стал подлетать все выше и выше.

– Вот это женщина, – пронеслось в голове Меченосца, – вот это энергетическое сокровище.

Его размышления прервал продолжительный крик, точнее даже вопль, истосковавшейся и, наконец-то, получившей удовлетворение женщины. И от этого вопля все мышцы Меченосца напряглись, не дав вырваться наружу фонтану страстиизвержения. Но Меченосец только мгновение лежал без движения, потом принялся покрывать лицо и шею Виктории страстными поцелуями. На его поцелуи Виктория тут же откликнулась, и возбуждение вновь овладело ею.

А когда два сцепившихся в объятиях человека возбуждаются, сладострастие объединяет их желания, и это объединение вырывается наружу страстными стенаниями.

Ах, как прекрасны такие моменты, как они восхитительны.

И даже изнеможение, непременно приходящее после взрыва эмоций, кажется умиротворительно приятным.

А за приятным изнеможением наступает сонное умиротворение, которое уносит человека в галерею светлых образов и картинок.

Вот в таком сонном умиротворении и пребывали наши герои до самого обеда.

Первой проснулась Виктория. Посмотрев на безмятежно спящего Меченосца, она игриво улыбнулась. Вид внушительного мужского достоинства напомнил ей о приятных минутах любовной близости. Поце-

ловая Меченосца в полуоткрытый рот, она встала и удалилась в ванную комнату.

Стоя под теплой струей душа, Виктория мысленно перелистывала мгновения прошедшей ночи.

– Какой темпераментный мужчина, – думала она, – а какие красивые слова слетали с его сладких губ. Нет, этого мужчину я никому не отдам.

Утвердившись в своем решении, Виктория вышла из ванной, приготовила на кухне легкий завтрак и принялась будить Меченосца.

Несколько мгновений Меченосец не мог понять, чего хочет от него наклонившаяся над ним женщина. Потом сознание медленно вернулось к нему, и он притянул Викторию к себе. От ее тела исходил аромат свежести и приятных духов, который моментально возбудил Меченосца, но Виктория по-женски ловко выскользнула из его объятий и произнесла:

– Милый, я бы и рада составить тебе компанию, но работа требует.

– Ох уж, эта работа, – тоном обиженного ребенка произнес Меченосец, – какая она нехорошая, что отнимает у меня мою прелесть.

Виктория мило улыбнулась и сказала:

– Твоя прелесть уже успела приготовить тебе легкий завтрак, так что быстро вставай, а то яичница с беконом превратится в холодную подошву.

Сделав вид, что испугался, Меченосец тут же вскочил, подхватил Викторию на руки и донес ее до кухни. Сам же сходил в туалет, потом быстро умылся и сел за стол.

– Виктория, Ваш покорный слуга готов попробовать приготовленные деликатесы, – бодро сказал он.

Виктория положила на его тарелку внушительную порцию яичницы, пододвинула поближе бутерброды с икрой и воскликнула:

– Кушайте, мой повелитель.

Пока Меченосец аппетитно ел, Виктория, не говоря ни слова, с нежностью смотрела на него. Когда же он допил кофе, она предложила:

– Павел, ты можешь остаться дома, а я съезжу на работу и постараюсь придти пораньше.

Но Меченосец, поблагодарив Викторию за вкусный завтрак, согласился проводить ее до работы.

Субботняя Москва приняла их в оживленный поток пешеходов, и уже через пятнадцать минут они были возле ресторана, которым заведовала Виктория.

– А что ты, то есть Вы, будете сейчас делать, – спросила Виктория.

– А, может, действительно, стоит перейти на ты, – предложил Меченосец, после чего ответил, – сейчас я поеду в гостиницу, приведу себя в порядок, а потом, если ты не возражаешь, встречу тебя после работы.

– Конечно, не возражаю, – обрадовалась Виктория, – только заberi, пожалуйста, все свои шмотки. С этого дня ты будешь жить у меня.

Категоричный тон, которым Виктория высказала последнюю фразу, понравился Меченосцу, и, обняв женщину, он сказал:

– Милая Виктория, я буду рад находиться с тобой до тех пор, пока тебе не надою.

– Ну, вот и хорошо, – согласилась Виктория, – когда ты мне понадобишься, я тебе обязательно об этом скажу. А теперь, жду тебя в семь часов вечера у себя в кабинете.

– Слушаюсь, моя повелительница, – шутливо произнес Меченосец и, поцеловав Викторию, пошел в сторону автобусной остановки.

– Вот это женщина, – думал он, глядя сквозь автобусное окно на проплывающие мимо дома и людей, спешащих по своим делам, – разве мог я предположить, что встречу в столице такое сокровище. Нет, за эту женщину нужно держаться. Она не только умна, но и чертовски привлекательна. Уверен, что вместе мы сможем сделать очень и очень многое.

Остановившийся троллейбус прервал его размышления, и Меченосец едва успел выскочить из него.

Прежде чем начать собирать свой холостяцкий багаж, Меченосец достал начатую еще вчера бутылку коньяку и плитку шоколада.

Наполнив бокал, он произнес тост во здравие себя дорогого:

– Поднимая этот бокал, я хочу выпить за уважаемого Павла Петровича, к которому фортуна сегодня повернулась нужным ему местом.

Отпив солидный глоток коньяку, он отломил от плитки дольку шоколада и, закинув в рот, стал медленно ее сосать.

– Да, фортуна, наконец-то, повернулась ко мне лицом, и теперь я уверен, что смогу покорить столицу, – самоуверенно подумал он и, подойдя к окну, с высоты своего положения окинул омытую дождем столицу, – ну, что ж, дорогая моя столица, золотая моя Москва, будем знакомы.

Вернувшись к столу, он вновь поднял бокал и с пафосом произнес тост второй:

– За успех, в котором я с этого момента полностью уверен.

Забросив в рот вторую дольку шоколада, Меченосец опять ненадолго задумался:

– Теперь я должен подобрать к сердцу Виктории ключик и узнать ее заветные тайны. Так мне будет проще общаться с ней, точнее, ее ублажать, а ублажать ее я хочу очень и очень долго.

И тут в голове Меченосца созрел третий тост.

– Дорогая Виктория, – воскликнул он, – я поднимаю этот бокал за нашу долгую и счастливую жизнь, за большой успех, который ждет нас в будущем.

В общем, бог любит троицу, а после этого и за сбор пожитков. Быстро собрав свой чемодан, Меченосец спустился к администратору и, расплатившись, распрощался с гостиницей.

Выйдя из гостиницы и посмотрев на москвичей, он с аканьем прошептал:

– Не задирайте нос, гаспада масквичи, теперь я тоже квакать, то есть акать буду. Не откажите во внимании вашему собрату.

Ровно в семь часов вечера он зашел в ресторан, и одна из официанток проводила его в кабинет директрисы.

Виктория сидела за широким столом и с кем-то разговаривала по телефону. Увидев Меченосца, она попрощалась с телефонным собеседником и, указав на диван, предложила ему присесть.

– Ты, наверное, хочешь кушать? – заботливо спросила она.

– Милая Виктория, не осмелюсь отказаться, – ответил Меченосец.

– Хорошо, тогда возьми меню и сделай выбор, – протянув меню, посоветовала она, – а я пока вызову официантку.

Через пятнадцать минут официантка принесла в кабинет все необходимое, а именно, морские деликатесы на закуску, бутылочку белого сухого вина, а шашлык из осетринки обещала принести попозже.

Разлив вино по бокалам, Меченосец предложил выпить за хлебосольную хозяйку этого кабинета.

В знак благодарности, Виктория поцеловала Меченосца в щечку и только чуть-чуть пригубила вина.

– Ты тут наслаждайся морскими деликатесами, а я выйду в зал и встречу гостей, которые с минуты на минуту должны подъехать на ужин, – сказала Виктория и вышла из кабинета.

Чувствовалось, что морские деликатесы готовил искусный мастер. Меченосец с удовольствием уминал за обе щеки устриц и креветок, запивая их белым вином.

А через двадцать минут вместе с Викторией в кабинете появились и шашлыки из осетрины.

– Ну вот, высокие гости разместились, теперь можно и передохнуть, – сказала Виктория и уже хотела пригубить вина, но Меченосец удержал ее руку с бокалом.

– Виктория, – произнес он, – в твоём ресторане работают специалисты высшего разряда. Я с таким удовольствием уминал морские деликатесы и чувствую, что шашлычок из осетрины сделан на таком же высо-

ком уровне. Хочу выпить за женщину, которую окружают великие кулинарные мастера.

Да, Меченосец, как всегда, был в ударе, и удару этому во многом способствовали три внушительных глотка коньяка, которые он сделал перед отъездом из гостиницы.

А Виктории очень нравились слова Меченосца, и она готова была их слушать и слушать.

В половине десятого Виктория еще раз вышла в зал, убедилась в том, что официантки профессионально суетятся, гости удовлетворены, а оркестр играет на полную катушку.

Вернувшись в кабинет, она обняла Меченосца и прошептала ему на ушко:

– Милый, сегодня мне не хочется никуда идти. Поедем домой, повторим наше ночное уединение.

– С превеликим удовольствием, – подражая Виктории, прошептал Меченосец.

Они быстро оделись и, закрыв кабинет, вышли в озаренную огнями Москву. Но гулять по Москве у них не было никакого желания. Они तोпились домой, чтобы вновь насладиться ласками и полностью отдаться любовным страстям.

Любимая женщина, любовница или компаньон?

На следующий день Меченосец уговорил Викторию, и в одиннадцать часов вечера они появились в квартире Евлампия Викторовича. Их партнерами по преферансу оказались сын известной советской актрисы Валентин Сазонов и директор московского вино–коньячного завода Тигран Ашотович Меликян.

Валентин был уже в приличном подпитии и после каждой партии продолжал тянуться к бутылке коньяку. Тигран Ашотович, напротив, к коньяку не притрагивался, но сигареты курил одну за другой. Едкий сигаретный дым хоть и нервировал Викторию, но она делала вид, что это несколько ее не задевает.

Поначалу значительно везло Тиграну Ашотовичу, но потом разыгралась уже Виктория. То она заказала семь трэф и взяла свои взятки, то удачно сыграла девятерную, то на распасовке осталась без взяток. Да и «вист» она стала выкрикивать чаще и уверенней.

Меченосец первое время не проявлял особой прыти, он больше приглядывался к игрокам, да незаметно подыгрывал своей удачливой подружке. Но азарт профессионала взял верх, и уже через полтора часа Меченосец всерьез втянулся в игру. От этого втягивания досталось и Валентину, и Виктории, да и Тигран Ашотович значительно уменьшил величину своего первоначального выигрыша.

По истечении шести часов, на которые договаривались игроки, выигравшими были Меченосец и Тигран Ашотович. И если Виктория проиграла незначительную сумму, то Валентин проигрался вчистую.

Возвратившись под утро домой, Меченосец и Виктория в течение получаса обсуждали результаты игры.

– А ты, молодец, – с восторгом воскликнула Виктория, – вначале мне показалось, что ты слабо разбираешься в преферансе, но последние три часа меня просто потрясли. Ты был в таком ударе.

– Смотри, не захвали, а то в следующий раз фортуна отвернется от меня, – поспешил остудить пыл Виктории Меченосец.

– А мне кажется, что ты удивительно удачливый человек, – произнесла Виктория, – когда ты заказал мизер, я думала, что взятку тебе не избежать, а ты очень красиво вышел из этой ситуации.

– В том не было никакой моей заслуги, – возразил Меченосец, – мне просто подфартило.

– А когда ты заказал десятерную и выиграл, тебе тоже подфартило? – с улыбкой спросила Виктория.

– Тогда я выиграл потому, что Валентин с Тиграном не открыли свои карты. Если бы они играли в светлую, двух–трех взяток я бы не досчитался.

– Не прибедняйся, пожалуйста, я же видела, как классно ты играл, – настаивала на своем Виктория.

– Ну, хорошо, милая, – согласился с ней Меченосец, – просто я уверен, что ты – мой счастливый талисман.

Сказав это, он обнял Викторию, и она ответила ему взаимностью. Но в этот раз любовная игра завершилась у них очень и очень быстро.

В обнимку они проспали до самого обеда, после чего Виктория уехала в свой ресторан, а Меченосец, решил доехать до Чистых прудов, чтобы, не спеша, пройти по укрытой опавшей листвой аллее бульвара и, усевшись на скамейку, полюбоваться осенней рябью Чистого пруда. Поехать к Чистым прудам посоветовала ему Виктория, сообщив о том, что это ее любимое место. А еще Виктория сказала о том, что в следующий раз они, обязательно, поедут туда вместе, и она расскажет ему историю этого замечательного уголка Москвы.

Выйдя из метро на станции «Чистые пруды», Меченосец повернул налево и неспешной походкой пошел в сторону пруда. Облетевшая листва жалобно шуршала под ногами Меченосца, а сбросившие листву липы стояли смиренно в ожидании приближающейся зимы.

– Да, вот и октябрь уже смахнуло осенним ветром, – подумал Меченосец, – через неделю Великая Октябрьская, а там и Новый год не за горами. К Новому году нужно как следует потрудиться и одарить Victорию чем-нибудь существенным.

Дойдя до пруда, Меченосец сел на скамейку и, увидев двух лебедей, стал наблюдать за их элегантным плаванием.

– Говорят, что лебедь не может жить без своей лебедки, – пришла на ум Меченосца услышанная им ранее мысль, – интересно, смогу ли я выжить без женщины, которую когда-нибудь полюблю? Наверное, нет. И только потому, что слишком много я этих женщин попробовал. Каждую следующую я, обязательно, сравнивал с предыдущей, стремясь найти в ней какие-то недостатки. Этими недостатками я и оправдывал свое непостоянство. Неужели и с Викторией получится то же самое? Нет, Victорию я, кажется, начинаю по-настоящему любить. А почему только кажется?

Немного подумав, Меченосец нашел, по его мнению, подходящий ответ:

– А потому, что это еще совсем не любовь. Ишь, как тебя расперло, многоуважаемый Меченосец. В кои веки ты стал о любви вспоминать? Не будь сопливым юнцом. Любовь, дорогой, не для тебя. Твое предназначение только секс и удовлетворение, только риск и игра. А все остальное можно представить, как антураж, как декорации великолепно-го спектакля под названием «Мои любимые женщины».

А лебеди в это время подплыли к самому берегу и, будто бы, осуждающе посмотрели на Меченосца.

– И не смотрите на меня так осуждающе, – себе под нос пробубнил Меченосец, – у вас, может быть, и любовь до гроба, а у меня – удовольствие с мыслью о вечном. Для меня женщины – это эликсир, который необходимо периодически обновлять, ибо застоявшийся эликсир подобен яду.

Словно поняв его кощунственные слова, лебеди отвернулись от него и поплыли к середине Чистого пруда. Да, мир людей для них был загадочным и непонятным.

Меченосец еще минут пятнадцать посидел на бульварной скамейке, потом поднялся и медленно побрел в сторону станции метро.

В этот момент шуршание листвы под ногами показалось ему злобным шипением. А, может быть, оно и было таким?

В восемь часов вечера он приехал в ресторан, чтобы вместе с Викторией вернуться домой.

Виктория сидела за директорским столом и просматривала какие-то документы. Оторвавшись от бумаг, она приветливо улыбнулась Меченосцу и сообщила о том, что в ресторане присутствует директор автомобильной базы со своим приятелем.

– Я хотела бы тебя с ним познакомить, – сказала Виктория, – это нужный человек, так как половина легковых автомобилей реализуется через его базу.

Да, с таким человеком целесообразно познакомиться, и поэтому Меченосец сразу же согласился.

Вместе с Викторией он прошел в зал, и та представила его директору базы:

– Семен Леонидович, познакомьтесь, пожалуйста, это мой друг Павел Петрович, о котором я Вам уже говорила.

– Очень приятно, очень приятно, – с небольшой картавинкой произнес Семен Леонидович, – присаживайтесь за наш стол, выпьем по соточке за знакомство.

Меченосец с Викторией приняли приглашение директора базы, и Семен Леонидович представил им своего приятеля:

– Директор небольшого гастрономчика Савелий Александрович, большой знаток женщин и прочих деликатесов.

И с этим человеком Меченосцу было полезно познакомиться, поэтому он с удовольствием пожал протянутую ему руку.

За столом завязалась непринужденная беседа. Семен Леонидович оказался большим знатоком и великолепным рассказчиком анекдотов.

– Дорогой Павел Петрович, – в очередной раз обратился он к Меченосцу, – люди должны помогать друг другу, иначе они не люди. Помните анекдот:

Встретились два еврея. Один другого и спрашивает:

– Хайм, а ты сколько получаешь?

– Я то, сто двадцать и еще кое-что, ответил Хайм, – а ты Мойша сколько получаешь?

– Сто десять и еще кое-что, – признался Мойша.

– Тогда нам нужно, обязательно, помочь Соломону, он получает пятьсот и больше ничего, – предложил Хайм».

Закончив анекдот, Семен Леонидович первым заразительно засмеялся, за ним стали смеяться сидящие за столом.

Отсмеявшись, Виктория произнесла:

– Вы совершенно правы Семен Леонидович, люди должны помогать друг другу. А как же иначе. Вот и я хочу сказать большое спасибо Саве-

лию Александровичу, если бы не он, то и кормить-то гостей ресторана было бы нечем.

– Ну, что Вы, Виктория Рудольфовна, – будто бы смутившись, произнес Савелий Александрович, – как говорится, взаимовыручка по-социалистически, ты мне, я тебе.

– Вот-вот, – поддержал его Семен Леонидович, – именно по-социалистически. Человек человеку – друг, товарищ и брат.

Сказав это, Семен Леонидович опять задорно рассмеялся.

– Ни хрена себе социалисты, – подумал Меченосец, а вслух произнес, – а не повторить ли нам за взаимовыручку?

Семен Леонидович и Савелий Александрович с удовольствием подержали предложение Меченосца. Очередная порция выдержанного коньяку проскочила в их капризные утробы, а вслед за коньяком туда же отправились и бутерброды с черной икрой.

Нужные люди удовлетворяли свои не совсем скромные потребности.

Посидев с нужными людьми еще минут двадцать, Виктория извинилась за занятость и, забрав Меченосца, проследовала с ним в свой кабинет.

Прикрыв за собой дверь, Виктория произнесла:

– Павел, вот с такими нужниками следует дружить, с их помощью ты сможешь заработать неплохие бабки.

– Это, каким таким образом, – с удивлением спросил Меченосец.

– Все очень просто, – ответила Виктория, – на дефиците любой здраво мыслящий человек может заработать. Ты, с помощью Семена Леонидовича или Савелия Александровича, помогаешь людям доставать машины или дефицитный продукт и получаешь свои неплохие проценты. Кроме того, с помощью таких связей ты сможешь заручиться поддержкой других, нужных тебе людей.

– Неужели на этом можно заработать? – удивился Меченосец.

– Можно, еще как можно, – подтвердила Виктория.

– Да, отсталые мы люди, – тяжело вздохнул Меченосец, – в провинции еще до этого не дошли.

– Вот и помоги провинции дойти до такого взаимовыгодного обогащения, – предложила Виктория.

– Ну, что ж, над этим нужно подумать, – сказал Меченосец.

– Чего тут думать, дело верное, – уверенно произнесла Виктория, – необходимо просто решиться и начать.

Сказано, сделано. Первую наводку подсказала Меченосцу Виктория. Дело в том, что доблестный генерал Федор Павлович уже давненько подыскивал себе машину, но длинная очередь, в которую ему пришлось

встать, двигалась очень медленно, и до своей машины он мог, просто, не дожить.

За очередной карточной игрой Меченосец и намекнул Федору Павловичу, что готов оказать ему содействие в приобретении машины.

Недолго думая, Федор Павлович согласился и уже через неделю рассекал московские улицы на новенькой Волге.

Итак, первый навар на дефиците Меченосец сделал. Мало того, теперь он стал лучшим другом Федора Павловича.

Вторым его клиентом стал режиссер Иннокентий Павлович, который щедро отблагодарил Меченосца за новенький Москвич.

Вспомнил Меченосец и о Ярославле. Туда он стал поставлять деликатесы от Савелия Александровича, налаживая связи с представителями обкома, облисполкома и другими официальными лицами.

А спрос на деликатесы к Новому году был ажиотажным. Всем хотелось заполучить на праздничный стол сервелату или черной икорочки, копченого балычка или буженинки, да и от спиртного заморского не отказывались.

Не отказывалась от деликатесов и Анастасия Владимировна. Наоборот, она изъявила большое желание помогать Меченосцу в реализации деликатесов на волжской земле.

Одаривал деликатесами он и Екатерину Ильиничну, с которой встречался в каждый свой приезд. За это Екатерина Ильинична ублажала его легким поцелуем и многозначительным взглядом.

Вернувшись из Ярославля в очередной раз, он отпустил машину и, как обычно, проехал к Виктории в ресторан. После продолжительных обниманий и целований, он поведал заждавшейся Виктории о своих успехах, которые были совсем неплохими. Если в первый раз он ездил туда с приличной авоськой деликатесов, то перед Новым годом отвез их на берег Волги целый грузовой фургон.

Виктория с удовольствием разделила радость Меченосца, потом, как следует, накормила его, не забыв наполнить бокал коньячком.

Уже в восемь часов вечера они вышли из ресторана и, поймав такси, поехали домой. Виктории не терпелось утонуть в объятиях Меченосца, поэтому, войдя в дом, она потащила его в ванную.

Первый сеанс любви состоялся под тугой струей теплого душа. Виктория с такой страстью намыливала пропотевшее тело Меченосца, что он почти не сопротивлялся. Более того, его тело напряглось, и даже обильная мыльная пена не могла скрыть мужского напряжения. А напряжение это стало упираться в симпатичный пупок Виктории, и ей ничего не оставалось делать, как только привстать на носки. Нет, лучше повернуться, привстать на носки и наклониться.

А что, это даже очень и очень удобно, очень и о ч е н ь у у у д о о о о о б а а а а а

Про второй сеанс, который состоялся в спальне, рассказывать не буду, так как он очень затянулся и меня утомил. В тот раз я, действительно, понял, что мучительнее подглядывания за двумя истекающими истомой и чем-то еще людьми нет ничего на свете.

Новый год и новые нужники

Новый год Меченосец с Викторией отмечали в большой и шумной компании на квартире у Евлампия Викторовича. Кроме знакомых нам Федора Павловича и Иннокентия Павловича в гости к Евлампию Викторовичу пришли его друзья: художник Михаил Шамкин, бард Всеволод Непряев, а также известная поэтесса Юлия Дружкина с менее известным летчиком-испытателем Николаем Быковым.

Федор Павлович познакомил приглашенных со своей женой Ритой Григорьевной, работавшей в министерстве здравоохранения, а Иннокентий Павлович представил собравшимся свою молодую пассию – актрису руководимого им театра Лялю Затонскую.

Чуть позже к этой компании присоединились директор табачной фабрики с молодящейся женой и ректор университета с симпатичной блондинкой.

Когда часы пробили десять часов вечера, жена Евлампия Викторовича пригласила гостей к столу, который красовался яствами в большой гостиной.

Редкий новогодний стол мог похвастаться такими деликатесами.

Бутерброды с красной икрой и семушка, бутерброды с черной икрой и осетринка, золотистые шпротки и упитанная селедочка, нарезанные тонкими ломтиками сервелат и ветчинка. О спиртном я уж не упоминаю, дабы окончательно не расстраивать читателя. В общем, как говорит мой хороший друг при очередном заглатывании обильной слюны:

– Деликатесами сыт не будешь, но зато и от обжорства не умрешь.

Когда гости заняли за столом свои места, Евлампий Викторович предложил им выпить за уходящий год, который, по его мнению, для большинства присутствующих был удачным.

Гости с удовольствием поддержали хозяина квартиры, после чего вилки собравшихся дружно застучали по тарелкам мейсенского фарфора.

– А не хотите ли вы попробовать бутербродик с икоркой? – спрашивали одни.

– Не могли бы вы мне положить кусочек ветчины? – просили другие.

– А не выпить ли нам по второй? – предлагали третьи.

В общем, можно было констатировать тот факт, что задушевная беседа с интеллигентным причмокиванием началась и активно развивалась.

А когда бой курантов стал оповещать гостей, что прекрасный момент, ради которого они собрались, наступает, интеллигентное причмокивание сменилось оживленными возгласами восторга. В потолок полетели пробки от шампанского, а само шампанское, шипя и искрясь, стало перетекать из бутылок в фужеры.

– С новым годом, с новым счастьем, – прокричали гости, и звон хрустальных фужеров возвестил о том, что Новый год, действительно, наступил.

Откуда-то появились Дед Мороз и Снегурочка, и началась новогодняя развлекательная программа.

Юлия Дружкина с поэтическим надрывом прочитала стихи, написанные ею в канун праздника:

«Я могла бы мечтать,
но мечта растворилась в шампанском.
Я хотела бы петь,
но мелодию стон заглушил.
Мой любимый дружок
темпераментным был по-испански.
Он речами зажег
огонек моей юной души ...».

Заканчивая стихотворение, Юлия закрыла глаза, запрокинула голову и, тряхнув завитушками, провалилась в нирвану. Из полуобморочного состояния ее вывели только бурные и продолжительные аплодисменты собравшихся.

За Юлией выступил бард Непряев со своей новой песней о дальних странствиях. Никуда не выезжая из Москвы, он с необычайным мастерством сочинял песни о походах и палатках, о рюкзаках и кострах. В своих песнях не забывал он и про любовь, которая уводила его в завтрашнее счастливое нигде.

Когда отзвучал последний аккорд Непряевской гитары, гости принялись уговаривать Иннокентия Павловича.

– Иннокентий Павлович, – воскликнули одни, – просим Вас за рояль.

– За рояль, за рояль, – поддержали другие.

Польщенный таким вниманием, Иннокентий Павлович отпил из бокала внушительный глоток коньяка и медленно переместился к роялю. Ляля Затонская последовала вслед за ним, и в гостиной зазвучал ее приятный голос:

– У любви, как у птички крылья, ее никак нельзя поймать

Гости внимательно слушали Лялино исполнение, а Меченосец, глядя на Лялю, представлял ее в своих объятьях.

– Интересно, в какой позе было бы ее лучше иметь, – подумал он, – судя по соблазнительному заду, ей больше бы понравилось И тут приятные мысли его прервала Виктория:

– Павел, что с тобой. Чему это ты улыбаешься?

– Извини, дорогая, – встрепенулся Меченосец, – я, просто, вспомнил, как эту песню пела когда-то моя мама.

– Прости, что я прервала твои воспоминания, – погладив его по плечу, произнесла Виктория.

– Да ничего страшного, – игриво произнес Меченосец, – сегодня Новый год и веселиться рекомендуется.

В гостиной раздались звуки быстрого танца, и гости поднялись со своих стульев. Да разве можно усидеть на месте, если: «Twist again

Нет, гости не могли отставать от моды, а модным в настоящее время был твист.

– Умеют же на Западе сочинять музон, – восхищался Михаил Шамкин, изгибаясь своим худосочным телом.

– Эта музыка так ритмична, – поддержала его симпатичная блондинка ректора.

– Да, нам еще до такой музыки далеко, – философски заявил ректор, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

В общем, танцы продолжались до самого утра, но между танцами Виктория все же успела познакомить Меченосца с директором табачной фабрики. А как же не познакомишь, если тот был еще одним нужным человеком, так как хороший табачок был в большом дефиците, а на дефиците можно было неплохо заработать.

Прощался Меченосец с директором, как с большим давнишним другом. Целуя руку его молодящейся жены, Меченосец, будто бы невзначай, лизнул ее язычком, отчего у той задрожали пальчики.

Выпрямив спину, он посмотрел в ее глаза и уловил озорную искорку, которая предвещала в будущем что-то приятное.

– Значит, контакт налажен, – подумал Меченосец, – нужно будет обязательно с ней встретиться.

Эта мысль не покидала его до самого приезда домой.

Дома Виктория попыталась его обнять, но он сослался на усталость и, сполоснувшись под душем, плюхнулся в разобранную постель.

Подарок, о котором он мечтал

Проснулся Меченосец от ласк Виктории. Сначала она нежно гладила его мускулистое тело, но, не заметив обратной реакции Меченосца, принялась ласкать его губами и язычком. На такие ласки Меченосец откликнулся и, не открывая глаз, притянул Викторию к себе. – Ах, ты, моя бессонница, – начал нашептывать он Виктории на ухо, – и чей же это неутомонный язычок исследует мое еще не проснувшееся тело? Наверное, это язычок моей любимой Викули.

От его слов сердце Виктории учащенно забилося, пустив волну приятной дрожи по всему ее телу, и она стала покрывать лицо Меченосца жаркими поцелуями. Ее руки машинально опустились вниз и помогли Меченосцу окончательно возбуждаться.

А сесть на его возбуждившееся хозяйство было делом техники и желания.

По поведению его сильных рук Виктория регулировала скорость движения своего тепла. Если руки Меченосца нежно гладили ее зад и спину, она ускоряла движение, но как только его руки начинали интенсивно тискать ее ягодицы, энергичность движений тут же уменьшалась. Таким образом, Виктория продлевала сеанс любовной близости, но с каждой минутой ей становилось все труднее сдерживать себя. Наконец, ее тело забилося в приятных конвульсиях, а из груди вырвался стон необычайного наслаждения, которое медленно разлилось по ее удовлетворенному телу.

Несколько минут они остывали после продолжительного оргазма, потом Виктория нежно поцеловала Меченосца и прошептала:

– Милый, загляни, пожалуйста, под подушку.

Меченосец с удивлением посмотрел на Викторию, потом привстал и отодвинул подушку.

Под подушкой лежали какие-то ключи.

Уже догадываясь о назначении ключей, Меченосец все же спросил:

– Дорогая, а что это за ключи? – Это, Павел, мой новогодний подарок тебе, – воскликнула Виктория, – можешь на него посмотреть.

Сказав это, она встала с кровати и потянула Меченосца к окну гостиной.

Под окном стояла блестящая черная Волга. Весь ее вид говорил о том, что она в любой момент готова рвануть с места и мчаться вслед за оленем, украшавшим ее спереди.

Меченосец схватил Викторию и закружил по гостиной, непрерывно целуя ее раскрасневшееся лицо и напряженные соски. — Милая, — шептал он ей, — я так люблю тебя. Ты — мое самое прекрасное создание.

От счастья она запрокинула назад голову, и ее светлые волосы стали развеиваться по ветру, делая Викторию еще более привлекательной и сексуальной.

Меченосец тут же отреагировал на эту самую сексуальность, и постель вновь приняла два разгоряченных тела.

Давай, давай, Меченосец, отрабатывай такой ценный подарок, ведь ты давно мечтал о своей машине.

На фоне машины подаренное Меченосцем бриллиантовое кольцо выглядело довольно-таки скромным подарком, но Виктория очень обрадовалась ювелирной прелести. Во-первых, потому, что ей раньше никто ничего подобного не дарил, а, во-вторых, потому, что этот подарок сделал человек, которого она безумно полюбила.

Через месяц Меченосец, с помощью нужных людей, получил права и уже загонял машину в свой гараж, который, через других нужных людей, ему удалось поставить прямо во дворе.

Да, Новый год начался для Меченосца очень и очень удачно.

Теперь он рассекал Москву на своей черной Волге, и Москва смотрела на него сотнями тысяч завидующих глаз. Хотя не только завидующих. Большинство московских красоток смотрели на обладателя машины с нескрываемым восхищением и надеждой на приятное знакомство, но Меченосец, стиснув зубы, терпел. Терпел, правда, совсем немного. Да и как утерпишь, если, взяв на борт голосующую красотку, выслушиваешь ее приятное воркование и ловишь на себе ее ласкающий взгляд.

А времени на знакомства у Меченосца было предостаточно, так как, проводив Викторию до ресторана, он делал две-три деловых встречи, потом колесил по Москве, чтобы часов в девять вечера быть вновь в ресторане.

В один из таких весенних дней он проезжал мимо театра, которым руководил режиссер Иннокентий Павлович и увидел Лялю, которая медленно шла в сторону станции метро.

Остановив машину, Меченосец дал задний ход и, поравнявшись с Лялей, предложил ее подвезти.

Ляля кокетливо повела плечами, потом, также кокетливо, села на переднее сиденье. Расстегнув пальто, она показала Меченосцу глубокое декольте, точнее то, что это самое декольте не смогло скрыть. А скрывать

там было что. Лялины белоснежные груди бесстыдно пялились на Меченосца, отвлекая его от дорожного движения. Благо, что в то время Москва не задыхалась от газующих в пробках машин.

Несколько минут они ехали молча, после чего Меченосец не выдержал и спросил:

– Вы, Ляля, я так понимаю, после репетиции? – Вроде того, просто репетицию отложили из-за болезни Иннокентия Павловича, – ответила Ляля. – И часто болеет Иннокентий Павлович, – опять спросил Меченосец. – Он здоров, как бык, – капризно сказала Ляля, – наверное, опять всю ночь протрахался с кем-нибудь из кордебалета. – А, может быть, он, действительно, заболел, – поспешил вступить за Иннокентия Павловича Меченосец. – Не смешите меня, ради бога, – уже злее возразила Ляля, – такие люди, как Кеша, могут заболеть только венерией.

Обида так и вырывалась из очаровательной Лялиной груди. – Значит, шалунишка Иннокентий предпочел Лялю другой, – подумал Меченосец, – и этим стоит воспользоваться. – Ляля, пожалуйста, не огорчайтесь, – попытался успокоить ее Меченосец, – весной нужно радоваться жизни и предаваться любви. – Вот я и радуюсь, – обиженно произнесла Ляля. – А не поехать ли нам за подснежниками, – вдруг предложил Меченосец.

Какая же умная женщина Ляля.

Она с нескрываемой улыбкой посмотрела на Меченосца, потом выгнула спину, сделав грудь еще привлекательней, и любезно согласилась.

Остановившись возле ближайшего гастронома, Меченосец затарился шампанским и конфетами, и Волга помчалась по Ярославскому шоссе.

Минут через двадцать машина свернула с шоссе и поехала по проселочной дороге мимо стройных и ошетилившихся почками берез и не менее стройных зеленых елок.

Снежные лохмотья еще прикрывали в некоторых местах проснувшуюся землю, но солнечные лучи уже разогрели ее, и молодая зелень с любопытством посматривала на страшное существо о четырех колесах. Птичье пение на секунду прекратилось, а потом возобновилось с новой силой. Никуда не денешься, весна не может быть безголосой.

Метров через пятьсот машина остановилась и, заглушив мотор, Меченосец вышел на свежий воздух. Обойдя Волгу, он открыл дверцу и помог Ляле выйти из машины. – Посмотрите, какая прелесть, – обратился он к ней, – только на природе можно воочию убедиться в весеннем пробуждении. – А я еще в городе заметила, как Вы пробудились, – с улыбкой произнесла Ляля. – Ох, и умная эта бестия, – подумал Меченосец, а в слух произнес, – Ляля, разве можно дремать, когда сидишь рядом с таким прекрасным созданием.

От этих слов даже у умной бестии слегка закружилась голова, а большой глоток шампанского вскружил Лялину голову окончательно.

Ни о каких подснежниках не могло быть и речи. Если щепка на щепку пытаются забраться друг на друга весной, то мужчине и женщине этого хочется значительно больше.

На волговские рессоры энергичные движения Меченосца и Ляли не оказывали серьезного давления, но рессорам все равно очень хотелось помогать двум разгоряченным телам.

А Ляле так понравилось держаться за руль, прыгая на Меченосце, что она попробовала даже крутить его влево и вправо.

Впервые в жизни она получала эротическое удовольствие в двойном размере. Во-первых, потому, что Меченосец был отличным сексуальным партнером, а, во-вторых, оттого, что в ее представлении, насилая руль, она управляла не только машиной, но и мычащим под ней мужчиной.

А Меченосец не только мычал, но и активно исследовал Лялино тело своими крепкими руками.

Но солнце стало клониться к закату, и Меченосец засобирился в обратный путь, чем огорчил вошедшую в раж Лялю. Ей хотелось попробовать еще не одну позу в этой тесной, на первый взгляд, машине, а Меченосец заупрямился. Он торопился в ресторан, так как осложнения с Викторией не входили в его ближайшие планы.

Весь обратный путь они ехали молча. Меченосец думал о встрече с Викторией, а Ляля в очередной раз переживала события последних двух часов. — Надо же, — думала она, — я еще никогда не чувствовала такого возбуждения. Неужели это только от природы? Вообще-то и мужчина оказался на высоте. А какие красивые слова он мне говорил, прямо как на спектакле. А почему бы этот спектакль нам не повторить?

Прощаясь, она услышала из уст Меченосца именно те слова, которые и хотела услышать:

— Ляля, ты не будешь против, если я приглашу тебя на природу в следующий раз, ведь подснежников мы так и не нарвали. — Ну, если только за подснежниками, то я согласна поехать, — игриво посмотрев на Меченосца, воскликнула Ляля. Поцеловав Меченосца в щечку, она вышла из машины и быстро скрылась в подъезде двухэтажного дома. — А что, в машине секс более чем хорош, — подумал Меченосец, — да и Ляля оказалась темпераментной партнершей. Жаль, что времени для любви было так мало.

Попутчики

Через неделю Меченосец подготовил очередную машину с товаром для своих ярославских знакомых, и, простившись с Викторией, выехал на Ярославское шоссе. Но если раньше он ехал в Ярославль в кабине грузовика, то теперь его несла по шоссе черная «ласточка», а именно так Меченосец называл свою Волгу.

Утреннее солнце еще только начинало свой путь по безоблачному небу, и его робкие лучи аккуратно касались верхушек деревьев. Редкие машины проносились мимо в предвкушении встречи со столицей, а Меченосец ехал впереди грузовика и мысленно готовился к встрече с ярославскими друзьями. – Сегодня сдам весь товар и, обязательно, встречу с Екатериной Сергеевной, – подумал он, – думаю, что она не откажется поехать со мной на природу.

Вдруг внимание его привлек лось, вышедший из леса на солнечные лучи. От неожиданности Меченосец чуть не выпустил руль, но вовремя спохватился, и машина пронеслась мимо лося без особых зигзагов. – Вот это да, – пронеслось в голове Меченосца, – до этого я только раз видел живого лося, который прогуливался вдоль берега Волги. С борта туристического теплохода он был едва заметен. А тут всего каких-нибудь метров десять. Жаль, что ружья под рукой не оказалось.

Еще немного попереживав, Меченосец посмотрел в зеркало заднего вида и убедился в том, что грузовик с товаром следует за ним.

Примерно через час впереди показались церквушки Переславля-Залесского. – Значит скоро крутой подъем, а там и выезд из города, – подумал Меченосец.

Преодолев подъем, Меченосец хотел разогнать свою «ласточку», но увидел голосующих на обочине людей и вновь сбавил газ. – А что, – подумал он, – заодно и на обед заработаю.

Остановив машину возле голосующих, Меченосец открыл дверцу и спросил:

– Куда торопитесь, люди добрые? – Да в Ярославль, конечно, – хором ответили голосующие. – Больше четырех не возьму, – сообщил Меченосец, и голосующие ринулись к машине. – Да не ломитесь вы, – крикнул Меченосец, – вот ты с корзиной куда лезешь. Пропусти-ка лучше женщину с ребенком.

Мужик с корзиной пробурчал что-то невразумительное, но женщину пропустил.

Кроме женщины с ребенком в машину сели молоденькая девушка и пожилой мужчина.

Мужчина захлопнул дверцу машины, и Меченосец нажал на педаль газа. Волга стрелой полетела по шоссе, догоняя грузовик с товаром. – Мил человек, а нельзя ли помедленней, – попросил пожилой мужчина. – Неужели испугался, – спросил Меченосец. – Чего мне пужаться-то, – обиделся мужчина, – кто войну прошел, тот пугалово-то там и оставил. – Верно говоришь, папаша, – согласился Меченосец, – я ведь тоже не в тылах прохлаждался.

И тут в разговор вступила женщина:

– А вы думаете, что мы в тылу только и делали, что прохлаждались? – Не обижайся, мать, – попробовал извиниться Меченосец, – это так, к слову пришлось. – А хоть к слову, хоть к полслову, – обиженно произнесла женщина, – нам здесь тоже ой как досталось. – Ну, извини, не хотел я тебя обижать, – извинился Меченосец.

В кабине воцарилось неловкое молчание, которое прервала молоденькая девушка. – А вы не знаете, где в Ярославле военкомат? – спросила она

– Как не знать, конечно, знаю, – ответил Меченосец, – а ты никак в армию собралась? – шутливо спросил он.

– Да не я, а парень мой в армию собрался, – ответила девушка, – говорят, что их в областном военкомате держат.

– Так ты что, никак проститься с ним едешь? – спросил мужчина.

– Да мы только вчера простились в Переславле, а сегодня уже соскучилась, – призналась девушка.

– Значит, любишь сильно своего парнишку, – заключила женщина.

– А как же его не любить, – призналась девушка, – он у меня такой самостоятельный. После семилетки в техническое училище пошел, выучился на токаря.

– Ишь, какой сознательный, – произнес мужчина, – значит, выйдет из него толк.

– Конечно, выйдет, – согласилась девушка, – он ведь у меня еще и на гармошке играет.

– Ну, тогда совсем не пропадет, – заключила женщина.

– А куда это такой голубоглазенький малец едет? – спросил Меченосец у женщины.

– Да вот, нагостился у бабушки, теперь к родителям его везу, – ответила женщина, – дочка-то у меня на Новый год вторым разродилась, так я Егорку и забрала к себе. Все ей полегче.

– Так, значит, Егорка у бабушки гостил? – обернулся Меченосец к мальчику.

– У бабушки и у дедушки, – ответил Егорка и еще плотней прижался к женщине.

Меченосец хотел задать ему еще какой-то вопрос, но машина въехала в Ростов Великий, и Меченосец переключил свое внимание на обшарпанные стены местного Кремля и колокольню Успенского собора.

– Красотища-то какая, – подумал он, – вот только хозяйской руки совсем не чувствуется. Отремонтировать бы все, да обиходить, как следует.

– Товарищ водитель, – услышал он голос женщины, – не могли бы вы машину остановить, а то Егорка пописать захотел.

Меченосец остановил машину возле автобусной станции, и женщина с внуком вышли на свежий воздух. За ними потянулась и девушка.

Мужчина немного поерзал на заднем сиденье, а потом тоже решил прогуляться до туалета.

Через несколько минут они вернулись к машине, и Меченосец, поздравив их с облегчением, вновь надавил на газ.

Ростов Великий проводил их хмурыми новостройками и скрылся за косогором. Только колокольня Успенского собора еще долго смотрела вслед удаляющейся машине.

– А ты уверена, что найдешь в военкомате своего парнишку? – обратилась женщина к девушке.

– Конечно, найду, – ответила девушка, – мне в нашем военкомате сказали, что они до завтрашнего утра будут в Ярославле.

– Нам перед войной тоже много чего говорили, – вступил в разговор мужчина, – а как немчура напала, так сразу же забыли обо всей говорильне.

– Так то война, – возразила женщина, – теперь, чай, не военное время.

– Война – не война, а дело служивое, – заупрямился мужчина, – прикажут, и с места в карьер.

– Да не каркай ты, Митрич, не расстраивай Алenu, – попыталась одернуть Митрича женщина.

– А я и не каркаю, Пелагея, – ответил Митрич, – только я так понимаю, в Ярославле ко всему нужно быть готовым.

– А и то верно, – согласилась с Митричем Пелагея, – служба дело такое, да и суетно в городе-то большом.

– А я суеты не боюсь, – вступила в разговор Алена, – если что, переночую у тети, а завтра в обратный путь.

– Ишь, какая смелая, – забрызжал Митрич, – тебе годков-то сколько?

– Скоро будет восемнадцать, – ответила Алена, – в этом году я в институт собираюсь поступать.

– В какой, если не секрет? – задал вопрос Меченосец.

- В ярославский педагогический, – ответила Алена.
- Молодец, – похвалила ее Пелагея, – тогда к Ярославлю привыкать надо.
- А я уже в том году начала привыкать, да не прошла по конкурсу, – призналась Алена, – но в этом году обязательно поступлю.
- А родители-то тебя не ругали? – спросил Митрич.
- Ругали за то, что я хотела в Ярославле остаться, – ответила Аленка, – отец приехал за мной, да и увез в Переславль.
- Ну и правильно, – произнесла Пелагея, – а то у нашей соседки дочь уехала в Ярославль, связалась там с дурной компанией, да и привезла мамаше дите в подоле.
- Это у них быстро получается, – поддержал разговор Митрич, – так и норовят из родного гнезда вылететь.
- Да ничего мы не норовим, – возмутилась Алена, – только в Переславле так неучем и останешься.
- А девкам и не обязательно в институтах-то просиживать, – воскликнула Пелагея, – им замуж выходить, да детей рожать. Вот у меня только начальная школа, но зато шестеро детишек, и все в люди вышли.
- Вот и я хочу в люди выйти, – сказала Алена.
- Ну–ну, хочешь, так пробуй, – согласилась Пелагея. А Митрич с осуждением посмотрел на Алену, но решил промолчать. Да и Ярославль показался на горизонте.

Ярославские встречи

Высадив попутчиков, Меченосец поехал в сторону гастронома, который находился на улице Кирова. Вслед за ним тронулась и груженная деликатесами машина.

Немного посекретничав с директором гастронома Самуилом Аркадьевичем, он прихватил с собой пару бутылок армянского коньяку, копченой осетринки, две палочки сервелата, по банке красной и черной икорочки и проехал до гостиницы «Волга».

Там он одарил директора гостиницы Владимира Геннадьевича палкой сервелата и копченой осетринкой, за что получил от него шикарный одноместный номер на третьем этаже.

Смыв под душем дорожную пыль, он позвонил второму секретарю обкома партии Кедрову Андрею Германовичу, которого с недавних пор записал в свои новые друзья. Услышав голос Меченосца, Андрей Герма-

нович очень обрадовался и согласился отобедать с ним в ресторане гостиницы.

Через час они уже обнимались в ресторанном зале. Андрей Германович не уступал Меченосцу в комплекции, но голос у него был побасовитей.

– Рад, рад, очень рад, – пробасил он, по–волжски окая. Рассказывали, что до приезда в Ярославль окать Андрей Германович совсем не умел, но став вторым секретарем обкома, как-то уж больно быстро заокал, подражая первому секретарю. Злые языки поговаривают, что нынче второй секретарь окает даже лучше первого.

– Ну, рассказывай, как там Златоглавая поживает, – попросил Андрей Германович, усевшись за стол.

– Андрей Германович, может, сначала по коньячку, а потом и покаляем? – спросил Меченосец.

– По коньячку это можно, – согласился Андрей Германович, – от хорошего коньяка не откажусь.

Меченосец разлил коньяк по бокалам и предложил:

– Андрей Германович, хочу выпить за нашу встречу, давненько хотел тебя навестить, да вот текучка замучила.

– Знаем, знаем мы твои текучки, – пробасил Андрей Германович, и, хитро улыбнувшись, спросил, – молода ли нынешняя текучка-то?

– Обижаешь, Андрей Германович, пожилых не держим’с, – ответил Меченосец.

– Да уж, ты, парень не промах, – подтвердил Андрей Германович, – помню я прошлый приезд, когда ты и меня втянул в авантюру.

– Но я заметил, что авантюра-то тебе тогда тоже понравилась, – засмеялся Меченосец, – вот за нее, за эту самую авантюру и выпьем.

Они выпили по первой, и Меченосцу пришлось удовлетворить просьбу Андрея Германовича и рассказать о Москве.

А в Москве уже вовсю распространился послефестивальный вирус западных музыкальных течений и вольнодумство Высоцкого. Вместе с «Подмосковными вечерами», из московских окон вырывались звонкие голоса Битлс и хриловатый голос Высоцкого. Люди, как оглашенные, бегали за виниловыми пластинками или магнитофонными бобинами с песнями малоизвестного в провинции земляка. Столичные стилиаги своим поведением раздражали толпу, и она готова была в любой момент броситься на развращенных Западом юнцов. И это раздражение с особым усердием подогревалось разномастными партийными и комсомольскими активистами. Партийными назидательно, а комсомольскими истерично. И кто из них больше кричал на публике, тот темпераментней танцевал под мелодии Битлз в теплых компашках.

Меченосец, конечно, не акцентировал внимание на всевозможных запретах, но о Высоцком отзывался с необычайным почтением.

Закончив рассказ и наполнив бокалы, он предложил выпить за Владимира Высоцкого. Андрей Германович не только его поддержал, но и попросил привезти ему песни этого российского барда.

Выпив за Высоцкого, Меченосец тут же отложил просьбу Андрея Германовича в своей памяти.

Перекинувшись малозначащими фразами, они решили выпить по третьей.

И третья была выпита за прекрасных женщин, которые попадались на их жизненном пути и, без сомнения, еще попадутся.

После третьей Андрей Германович заторопился на какое-то совещание, а Меченосец решил позвонить Екатерине Ильиничне.

– Екатерина Ильинична, – прокричал он в трубку, – здравствуйте, это я, Павел Петрович.

– Павел Петрович, – обрадовалась Екатерина Ильинична, – а Вы откуда звоните?

– Как это откуда, из Ярославля, конечно, – сообщил Меченосец, – а если точнее, то из гостиницы «Волга».

– Так, значит, Вы опять в Ярославле, – переспросила Екатерина Ильинична, – очень рада Вашему приезду.

– Очень рада, очень рада, – подумал про себя Меченосец, – рада, а как дело доходит до ласк, так вся радость куда-то девается.

Вслух же он произнес:

– Я тоже очень рад Вас слышать, но еще больше обрадуюсь, если сегодня увижусь с Вами.

– Хорошо, давайте увидимся, – согласилась Екатерина Ильинична.

– Тогда жду Вас у волжской беседки в семь часов вечера, – предложил Меченосец.

И Екатерина Ильинична с удовольствием приняла его предложение.

Времени до свидания было еще предостаточно, и Меченосец решил прогуляться до ярославского кремля. Выйдя на улицу, он посмотрел на свою черную ласточку, возле которой крутились любопытные пацаны.

Первым желанием у него было отогнать любопытных мальчишек от своей ласточки, но, немного подумав, он подошел к ним и спросил:

– Ну, что, нравится?

Мальчики на мгновение притихли, а потом самый смелый из них произнес:

– Конечно, нравится.

И тут пацаны хором заголосили:

– Нравится, нравится. Вон как она блесит.

Меченосец с улыбкой посмотрел на мальчишек и произнес:

– Если нравится, значит нужно к этому стремиться. Вот выучитесь, заработаете и будете рассекать ярославские улицы на такой же машине.

Мальчишки с недоверием посмотрели на взрослого дядю, но слова его им явно понравились. И вообще, другой бы отогнал их от машины, вот и весь разговор, а этот, хоть и большой начальник, но с ними поговорил.

Закончив осмотр машины, удовлетворенные мальчишки веселой ватагой пошли в сторону Советской площади, а улыбающийся Меченосец повернул в сторону Знаменских ворот.

До кремля было минут пятнадцать ходу, но Меченосец прошел этот путь почти за полчаса. Спешить ему было некуда, поэтому шел он к кремлю вихляющей походкой, с удовольствием рассматривая никуда не спешащих жителей и гостей города. Это в Москве все куда-то бегут, сломя голову, не замечая ни друзей, ни знакомых, а здесь жизнь течет своим провинциальным чередом, и в этом течении чувствуется какое-то умиротворение и основательность.

– Да, вроде бы всего чуть более двухсот километров отделяют ярославцев от Москвы, а жизненный уклад здесь совершенно другой, – подумал Меченосец.

Дойдя до кремля, он вошел в его внутренний двор, забрался на колокольню, с которой открывался великолепный вид на спокойное течение Которосли. На другом берегу реки дымил своими трубами Краснопекопский комбинат, на котором, еще совсем недавно, работала первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова.

– Вот так вот, господа империалисты, утерли мы вам нос нашими первыми космонавтами, – подумал Меченосец и посмотрел налево. А там открывался великолепный вид на знакомую нам Стрелку, где встречались две, совершенно не похожие друг на друга реки.

Спустившись с колокольни, Меченосец прошел к Медвежьему оврагу и там присел на скамейку, чтобы перевести дух и подумать о жизни.

– Вот встречусь я сегодня с Екатериной Ильиничной и буду очень рад этой встрече. Мне, действительно, очень приятно ее видеть. Общение с ней вызывает у меня противоречивые чувства, но, чем больше я ее узнаю, тем желанней она становится. Иногда мне даже кажется, что я начинаю ее любить. А что же тогда с Викторией? Нет, Викторину я оставить не могу. Она так много для меня сделала и все потому, что у нее ко мне настоящие чувства. А я к Виктории пока не испытываю таких чувств, но, может быть, потом эти чувства проснутся во мне? Пока я руководствуюсь только тем, что мне с Викторией очень комфортно.

– Павел, – услышал он знакомый голос, – здравствуй Павел.

Меченосец обернулся на голос и увидел Зою, которая медленно подходила к скамейке, на которой он сидел.

– Ну, сейчас начнется нытье, упрёки в мой адрес, – подумал Меченосец, но, как можно дружелюбней, ответил на приветствие.

– А что ты тут делаешь? – спросила подошедшая Зоя.

– Дышу свежим воздухом, размышляю о жизни, – ответил Меченосец.

– А я думала, что ты уехал из Ярославля, – сказала Зоя и присела рядом с Меченосцем.

– Ты меня, Зоя, извини, – будто бы сконфузившись, произнес Меченосец, – мне нужно было срочно уехать из города, иначе я вряд ли бы дожил до сегодняшнего дня.

– Что, тебе опять угрожали? – с тревогой в голосе спросила Зоя.

– Мне не только угрожали, но меня просто заказали, – с грустью произнес Меченосец.

– Это как это заказали? – переспросила Зоя.

– А вот так, дорогая. Ты разве не знаешь, что у меня было и есть много врагов. И вот эти самые враги хотели меня убить. Только поэтому я так быстро сорвался и уехал, – не моргнув глазом, соврал Меченосец.

– А что теперь? – спросила расстроенная Зоя.

– А теперь, я приехал, чтобы встретиться со своими друзьями, – ответил Меченосец, – вечером с ними побалакаю, и опять в бега.

– А почему же ты ко мне не зашел? – вновь спросила Зоя.

– А потому и не зашел, что не хочу тебя подставлять, – уже сердитей произнес Меченосец.

– Как это подставлять? – переспросила Зоя.

– Просто я не хочу, чтобы из-за меня тебя доставали мои недруги, – еще сердитей заявил Меченосец.

– Значит, только поэтому ты со мной не общался? – с ноткой надежды спросила Зоя.

– Конечно, только поэтому, – уже мягче произнес Меченосец.

Услышав это, Зоя оживилась и, обняв Меченосца, поцеловала его в губы.

Меченосец не стал сопротивляться, а, даже наоборот, притянул голову Зои к себе и крепко поцеловал.

– А ты что подумала? – отдышавшись после затяжного поцелуя, спросил он.

– А я уж подумала, что ты меня бросил, – ответила Зоя.

– Ну, как ты могла так подумать, – наигранно возмутился Меченосец, – таких красивых и ласковых, как ты, мужчины не бросают. Вот разберись со своими врагами, тогда и встретимся.

Посмотрев на часы, он заторопился:

– Извини, Зоенька, но мне нужно идти на стрелку.

– А хочешь, я пойду вместе с тобой, тем более, что Стрелка здесь недалеко, – попыталась попроситься Зоя.

– Глупенькая, на той стрелке, о которой я говорю, проходят серьезные разборки, и там очень опасно, – серьезным тоном заявил Меченосец, – так, что иди-ка лучше домой и жди меня. В следующий раз может и свидимся.

Сказав это, Меченосец быстро пошел в сторону площади Подбельского, а Зоя еще долго смотрела ему вслед, смотрела до тех пор, пока он не скрылся за аккуратненькой белой церквушкой.

– Бедненький мой, – подумала она, – сколько же тебе приходится переживать. Но я обязательно дождусь тебя, мой любимый.

Затеplившая надежда обрадовала ее и с приподнятым настроением она появилась на работе.

А Меченосец в это время бежал по улице в сторону набережной Волги, так как до встречи с Екатериной Ильиничной оставалось всего десять минут.

Пробежав через рынок, он купил там большой букет алых роз и через десять минут уже стоял возле беседки.

Проходящие мимо женщины с завистью смотрели на алые розы, которые предназначались, увы, не им, и их это очень и очень расстраивало.

– Да, дорогие женщины, эти цветы предназначены не для вас, – глядя на завидующих женщин, думал Меченосец, – эти цветы я подарю моей желанной, но упрямой Екатерине Ильиничне, и может тогда ее упрямство растворится в цветочных благоуханиях или, уколовшись о шипы, исчезнет на долгие годы.

Гудок белого туристического теплохода прервал ход его мыслей, и Меченосец переключился на волжский пейзаж. На борту теплохода играла музыка, и взволнованные туристы высыпали на палубу, чтобы поподробнее обозреть волжскую набережную и поскорее выйти на берег.

Вдруг глаза Меченосца закрыли чьи-то женские руки, от которых исходил аромат нежности и теплоты.

– Екатерина Ильинична, – воскликнул Меченосец и повернулся к женщине, которую он, быть может, по-настоящему любил.

– Я очень рад Вас видеть, милая Екатерина Ильинична, – произнес Меченосец и протянул ей букет ее любимых цветов.

– Какой чудесный букет, – воскликнула Екатерина Ильинична, – я тоже рада Вас видеть.

– Екатерина Ильинична, сегодня я хочу предложить Вам ужин на двоих в речном ресторане, – сообщил Меченосец, – общение при убаюкивающей качке, что может быть приятней.

– Я с удовольствием принимаю Ваше предложение, – согласилась Екатерина Ильинична и взяла Меченосца под руку.

Не спеша, они спустились к пристани, на которой и размещался речной ресторан. В это раннее время ресторан был заполнен только на половину, поэтому Меченосец без особого труда нашел свободный столик возле окна, выходящего на Волгу.

Пока официант выполнял их заказ, они обменялись несколькими, ничего не значащими фразами, а под шампанское и коньячок беседа их стала более эмоциональной и откровенной. Правда, ждать откровенности от Меченосца не представлялось возможным, но в этот раз он, хотя бы, не загибал так откровенно, как всегда.

– Екатерина Ильинична, помнится мне, что в прошлый раз мы собирались перейти на ты, – напомнил ей Меченосец.

– Да, мне тоже так показалось, – согласилась с ним Екатерина Ильинична.

– Тогда в чем же дело, – воскликнул Меченосец, – я предлагаю поднять бокалы за торжественный и долгожданный переход двух симпатичных людей на ты.

Звон бокалов оповестил ресторанный публику о столь значимом событии, но эта долбаная публика даже на секунду не оторвалась от своих закусок. Да и черт с ней, нам до нее тоже нет никакого дела. Хотя, напрасно, к ресторанной публике следует тоже внимательно присматриваться.

Выпив коньяку, Меченосец спросил:

– Ты не будешь против, если я стану называть тебя Катенькой?

Екатерина Ильинична озорно посмотрела на Меченосца голубыми глазами и с достоинством произнесла:

– Не Катенькой, а Екатериной.

Потом ненадолго задумалась и сказала:

– А что, неплохое царственное сочетание – Екатерина и Павел.

– Неплохое, – подтвердил Меченосец и продолжил, – только мне бы хотелось быть Петром.

– Ну, чего не дадено, того не дадено, – шутливо произнесла Катерина.

– А я все же постараюсь им стать, – упрямо сказал Меченосец.

Сказав это, он, вдруг, встал и, обойдя стол, подошел к Катерине. Вытащив из кармана красную бархатную коробочку, он достал из нее кулон с бриллиантами и закрепил его на шее Катерины.

– Прими от меня этот скромный подарок, – прошептал он Катерине на ушко.

Катерина внимательно осмотрела кулон, после чего, в знак благодарности, расцеловала опешившего Меченосца.

– Так она еще никогда не целовала меня, – подумал Меченосец и хотел, было, ее обнять, но Катерина вновь увернулась от его объятий.

– Ну, за что такие мученья, – не на шутку возмутился Меченосец, – столько месяцев мы знаем друг друга и даже поцеловаться, как следует, не можем.

– Почему не можем, можем, но всему свое время, – назидательно произнесла Катерина.

Меченосец ничего не ответил на реплику Катерины, но надулся, как разгневанный индюк.

Посмотрев на его надутую физиономию, Катерина весело рассмеялась и произнесла:

– Прошу тебя, Павел, ради бога, не обижайся на меня. Поверь, я совсем не хотела тебя обидеть.

Услышав эти слова, Меченосец сдул свою физиономию и тоже улыбнулся Катерине.

– Ну, вот, это совсем другое дело, – весело произнесла Катерина.

– Тогда давай выпьем за то, чтобы свое время пришло как можно раньше, – предложил Меченосец.

– Давай, – согласилась Катерина и с удовольствием пригубила шампанское.

Потом о чем-то задумалась и тихо сказала:

– Павел, я не хотела тебя огорчать неприятным известием, но подумала, что будет лучше, если я сообщу тебе об этом.

– Милая, неужели что-то случилось, – не на шутку расстроился Меченосец.

– Да, случилось ужасное. Месяц тому назад какие-то подонки убили Анастасию Владимировну и вынесли из ее квартиры все самое ценное, – сообщила Катерина.

– Не может быть, у кого могла подняться рука на такую прекрасную женщину, – воскликнул он.

– Следователи предполагают, что преступники действовали по наводке кого-то из ее знакомых, – сообщила Катерина, – а, может быть, один из преступников не единожды был у нее.

От последних слов у Меченосца предательски заныло под левой лопаткой, но он собрался с мыслями и произнес:

– Какое ужасное известие. У меня даже голова разболелась от этого сообщения.

– Если бы ты знал, каким ударом это известие было для моей тети, да и я целую неделю не могла прийти в себя. Ведь Анастасия Владимировна была лучшей тетиной подружкой, – с огорчением произнесла Катерина.

После такого известия им совсем расхотелось сидеть в ресторане. Рассчитавшись с официантом, они вышли на набережную и, не говоря ни слова, пошли в сторону Народного переулка. Дойдя до Советской площади, они суетно простились, договорившись встретиться вновь при очередном приезде Меченосца.

Меченосец медленно поплелся в гостиницу, вспоминая последние часы, проведенные с Анастасией Владимировной.

В тот вечер, разругавшись с Зоей, он пришел к ней поддатый и как-то уж больно грубо попытался ею завладеть.

Анастасия Владимировна совсем не сопротивлялась его грубости, она только безмолвно лежала под ним, уставившись в потолок. А Меченосец все больше распалялся, уткнувшись в ее плечо, и только, когда произошло извержение, он приподнял голову и посмотрел на Анастасию Владимировну.

Она продолжала безмолвно лежать под ним, а скупая слеза медленно катилась по ее щеке. Заметив слезу на отрешенном лице Анастасии Владимировны, Меченосец моментально протрезвел и принялся целовать ее мокрые щеки.

– Анастасия, милая, что с тобой, прости, ради бога, если чем-то тебя обидел, – прошептал он.

И так нашептывал он ей на ухо минут десять, а, может быть, и больше. Наконец, Анастасия Владимировна шевельнулась, потом тихо произнесла:

– Павел, разреши мне подняться.

Меченосец быстро вскочил и попытался помочь Анастасии Владимировне, но та отстранила его руку и, встав с кровати, молча, проследовала в ванную комнату.

Минут через пятнадцать она вышла из ванной и пригласила его в гостиную.

– Павел, я давно хотела с тобой поговорить, но все никак не решалась, – начала она разговор, – но время, видимо, настало, потому что все чаще меня посещают какие-то нелепые предчувствия. В последнее время я боюсь оставаться в квартире одна, и каждый звонок или стук в дверь бросают меня в дрожь. Надеяться на твою помощь или даже простое участие я не в праве, да ты к этому и не стремишься. Поэтому, прошу тебя, не приходи ко мне больше. С каждым твоим приходом я все сильнее привязываюсь к тебе, и может наступить такой момент, когда отвязаться

от тебя мне будет совсем невозможно. Так, пока не поздно, давай примем окончательное решение и разойдемся красиво.

Меченосец долго осмысливал сказанные ею слова, но, когда еще раз посмотрел в покрасневшие от слез глаза Анастасии Владимировны, понял, что уговаривать ее бесполезно. Да и, какой смысл в этих уговорах, если через неделю—другую он покинет этот город. Покинет, может быть, навсегда.

Так, углубившись в воспоминания, Меченосец добрал до гостиницы и только хотел открыть дверь, как его кто-то окликнул.

Обернувшись, Меченосец увидел раздобревшего Кудлатого. Тот с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего, приближался к Меченосцу в окружении своих корешей.

Оказывается, какая-то шавка засекла Меченосца в речном ресторане и тут же доложила об этом Кудлатому, а Кудлатый давно хотел побазлать с пропавшим в столице Меченосцем.

— Не хочу спрашивать, как живешь, потому что и так вижу, что живешь ты кайфово, — начал Кудлатый, подойдя к Меченосцу.

Потом похлопал Меченосца по плечу и предложил:

— А не заглянуть ли нам в местный ресторанчик. Там будет поуютней языками помести.

— Ну, что ж, в ресторан, так в ресторан, — подумал Меченосец, — никуда от вас не денешься.

В слух же он с улыбкой произнес:

— О чем базар, конечно, в ресторане сподручней.

— Вот, вот, именно, сподручней, — подтвердил Кудлатый и подтолкнул Меченосца к лестнице, ведущей в ресторан.

За столом у них произошел следующий разговор.

— Не хорошо, Меченосец, друзей забывать, — прищутив глаза, произнес Кудлатый.

— Кудлатый, да я, вроде, и не забывал, — попытался защититься Меченосец.

— Вроде, может быть, и не забывал, а вот на самом деле совсем скурвился, — угрожающе прошипел Кудлатый, — поговаривают, что ты харчишки сюда доставляешь, а с нами не делишься.

— Да какие харчишки, так по пустякам, — попытался возразить Меченосец, но Кудлатый его перебил:

— Не держи меня за лоха, Меченосец, а то обижусь я на тебя. А обиженный я впадаю в беспамьятство и творю всякую хрень.

Меченосец понял, что шутить с Кудлатым будет себе дороже, поэтому попытался перевести стрелки на московского знакомого.

– Послушай, Кудлатый, попал я в Москве в кабалу к одному из крутых и теперь отстегиваю ему почти весь свой навар, – сообщил он.

– Это что же за крутизна появилась на твоём пути? – с ехидцей спросил Кудлатый, и Меченосец поведал ему историю о знакомстве с Кириллом Александровичем.

Он, конечно, опять приврал о том, что, кроме картежных выигрышей, ему приходится отдавать Кириллу Александровичу и всю заработанную от деликатесов выручку.

Он так жалостливо рассказывал о своих мытарствах, что на некоторое время усыпил подозрительность и агрессивность Кудлатого.

В общем, Кудлатый захотел сам разобраться с каким-то фрайерком по кликухе Кирилл Александрович, а основную прибыль от игорного бизнеса и реализации деликатесов потребовал привозить ему.

Ну и влип ты, Меченосец, влип по самое некуда.

Простившись с Кудлатым, Меченосец пришел в свой номер и поспешил под душ, чтобы моментально смыть неприятности сегодняшнего дня. Но прохладная вода не смогла в полной мере остудить его растревоженное сознание.

– Надо же, – думал он, – я, как-то, уже и забыл о Кудлатом, а тут, на вот тебе, нарисовался собственной персоной. Мало того, что нарисовался, так еще и на счетчик поставил. А, может быть, все обойдется? Нет, с Кудлатым шутки плохи. И зачем я только Кирилла Александровича приплел. Зачем, зачем, да потому что труханул и труханул по-взрослому.

Да, надо что-то предпринимать. А, может быть, в Москве они меня не достанут?

С этой мыслью Меченосец немного успокоился и даже сумел вздремнуть, а рано утром, расплатившись за гостиницу, заторопился в обратный путь.

Проезжая мимо Московского вокзала, он заметил знакомый силуэт и, притормозив машину, открыл окно и крикнул:

– Алена, а ты что тут делаешь?

Алена обернулась на голос и, увидев Меченосца, подбежала к машине:

– Здравсте, а Вы, случайно, не в Москву?

– Случайно в Москву, – ответил Меченосец.

– Ой, а Вы меня до Переславля не подбросите, а то автобус еще не скоро? – с надеждой глядя на Меченосца, произнесла Алена.

– Ну, если автобус еще не скоро, тогда садись, – предложил он.

Обрадованная Алена влетела в машину, чмокнула Меченосца в щеку и с благодарностью произнесла:

– Большое Вам спасибо.

Меченосец нажал на педаль газа, и машина полетела по московскому шоссе.

Когда последние избушки остались позади, Меченосец спросил:

– Ну, как, голубоглазая, встретила со своим солдатиком?

– Встретилась, но виделась с ним только двадцать минут, – сообщила Алена, – потом их усадили в машины и повезли на вокзал. Говорят, что служить будут где-то в Казахстане.

– Далековато же занесет твоего кавалера, – сказал Меченосец.

– Ничего, время пролетит незаметно, и вернется мой Вася из этого самого Казахстана, – мечтательно заявила Алена.

– А дождешься ли ты его? – полушутя, полусерьезно спросил Меченосец.

Алена осуждающе посмотрела на Меченосца и уверенно произнесла:

– Конечно, дождусь. Я ведь ему это обещала.

– Эх, ты, голубоглазая, мало ли мы чего обещаем, – подумал Меченосец, но, посмотрев на Алену, произнес, – ну, раз обещала, значит, дождешься.

Любопытное солнце уже полностью появилось из-за горизонта, медленно заливая своим светом ярославскую землю, на которой, то тут, то там, копошились техника и люди. Посевная была в полном разгаре, и колхозники торопились облагородить своим трудом матушку-землю, чтобы по осени получить богатый урожай.

Посмотрев на колхозников, Алена произнесла:

– Вот и мои родители копошатся сейчас где-нибудь в поле.

– А ты, я так понял, не хочешь копошиться в земле? – спросил Меченосец.

– Не то, чтобы не хочу, просто в Переславле мне не стать настоящим специалистом, – ответила Алена, – а я хочу быть учительницей.

– Если сильно хочешь, значит, быть тебе учительницей. А какой предмет тебе хотелось бы преподавать, – задал он новый вопрос.

– Я хочу быть учительницей по литературе и русскому, – без заминки ответила Алена.

– Похвально, а у меня по русскому не всегда получалось, – сказал Меченосец.

– Ничего, вот выучусь на преподавателя и подтяну Вас по русскому, – пообещала Алена.

– Ну, смотри, ловлю тебя на слове, – с улыбкой произнес Меченосец, – а не исполнишь обещание, сам тебя найду, и тогда держись.

– А что держись? – игриво спросила Алена.

– А то и держись, что всех женщин, которые мне обещают и не выполняют, я нахожу и зацеловываю до беспамятства – сурово произнес Меченосец.

– Скажите, как страшно, – воскликнула Алена, – разве женщину поцелуями запугаешь?

– Значит, ты поцелуев совсем не боишься? – спросил Меченосец.

– Раньше боялась, а как Вася меня поцеловал, так и бояться перестала, – откровенно призналась Алена.

– Значит, если я тебя сейчас поцелую, ты не испугаешься? – раздухавшись, спросил Меченосец.

– Если в щечку, то нет, а в губы не дамся, – уже серьезнее произнесла Алена.

– В щечку мне не интересно, – с сожалением произнес Меченосец, – я лучше дождусь того дня, когда будет позволено в губы поцеловать.

– И не дождетесь, – улыбнувшись, сказала Алена.

Меченосец внимательно посмотрел на Алену, потом вновь перевел взгляд на убегающую под капот дорогу.

– Да, сидит рядом со мной сама непосредственность, смотрит на меня чистыми, голубыми глазами и даже не подозревает, что были в моей жизни и девчонки помладше. И делал я с ними все, что только мог. Их неопытность меня даже заводила. С ними я чувствовал себя великим мастером секса, мастером, который с удовольствием передавал свой сексуальный опыт неопытным дурашкам. Всех уж теперь и не упомнишь.

А Алена, посмотрев на задумавшегося водителя, решила ему больше не мешать своими глупостями.

– Глупостями, ничего себе глупости, – подумала она, – разоткровенничалась, тут, про свои поцелуи. Интересно, а чтобы я сделала, если бы этот симпатичный мужчина меня поцеловал? Он, конечно, уже не молод, но чувствуется в нем мужская сила, излучающая то самое обаяние, которое, наверное, и нравится женщинам. Вряд ли он пьет, как наши деревенские мужики, от которых обходительностью и не пахнет. Чего–чего, а ласкового слова от них не дождешься. Они, видите ли, стесняются говорить задушевные слова. Как грубостью сыпать, так не стесняются. Ну, хватит, хватит, что это я так разволновалась.

Она еще раз внимательно посмотрела на Меченосца и чему-то улыбнулась.

А что, эти фантазии ей очень и очень понравились.

При въезде в Переславль, Меченосец остановил машину, а когда Алена протянула ему деньги, он нежно сжал ее руку и произнес:

– Алена, мне было очень приятно тебя подвезти. А за приятность я не привык брать деньги.

Алена с удивлением посмотрела на Меченосца и, в знак благодарности, поцеловала его в щеку, но это был уже не тот скороспелый поцелуй, которым она только чуть тронула небритую щеку водителя. Это был зажатой поцелуй женщины, которая тоже испытала большую приятность от поездки в машине Меченосца.

Московские страсти

Высадив Алену, Меченосец еще некоторое время находился под впечатлением разговора с ней.

– Значит, я еще могу нравиться молоденьким девушкам, – с чувством нахлынувшей гордости, подумал он, – какой приятный поцелуй я получил от Алены, а как она на меня посмотрела при выходе из машины. Ее озорные глаза излучали такую благодарность, что, если бы не прохождение, я затащил бы ее в машину и целовал, целовал, целовал.

Сигнал встречного автомобиля вывел его из мечтательного состояния, и он переключил свое внимание на дорогу и руль.

На него вновь навалилось тревожное чувство, вызванное вчерашним разговором с Кудлатым. Правда, с приближением к Москве это чувство немного притупилось.

– Ничего они со мной не сделают, – утешал он себя, – руки у них короткие, чтобы отыскать меня в Москве. Это в Ярославле они сильны, а в Москве затеряться несложно.

Как обычно, он проехал до ресторана, в котором работала Виктория, сообщил ей о результатах своей поездки в Ярославль, подзабыв, конечно, проинформировать о встречах с прекрасным полом.

Они вместе пообедали, и Меченосец поехал рассчитывать с источником деликатесов. Встреча с источником заняла у него не более часа, поэтому времени у него было достаточно, чтобы приехать домой и привести себя в порядок после дороги.

Вечером умытый и отдохнувший Меченосец вновь появился в ресторане, и, как не пытался заглушить тревожное чувство, но за ужином Виктория заметила, что он чем-то озабочен.

– Дорогой, тебя в Ярославле кто-то расстроил? – спросила она.

– Да, так, пустяки, эти провинциалы такие упрямые. Просишь меньше, дают больше, а когда просишь больше, начинают торговаться, – попробовал отшутиться Меченосец.

– Нет, я серьезно, у тебя взгляд какой-то потухший, – еще настойчивей попыталась выяснить причину Виктория.

– Пожалуйста, не переживай, мой взгляд потух от усталости после длинного пути, – улыбнувшись, сказал Меченосец.

– Извини, я и забыла, что ты теперь сам за рулем, – извинилась Виктория и переключилась на люля-кебаб.

Быстро поужинав, они поехали домой, и в этот раз их ласки ограничились двумя-тремя поцелуями и пожеланием «Спокойной ночи».

А через неделю, когда Меченосец в очередной раз повез долю от выигрыша в карты Кириллу Александровичу, он узнал о том, что того кто-то расстрелял в упор возле подъезда дома, в котором тот жил.

И рассказала ему об этом расстроенная Софи. Не переставая заливать в свое нутро шампанское и шмыгать носом, она поведала Меченосцу о том, что три дня тому назад у Кирилла Александровича состоялась беседа с какими-то хмурыми ублюдками. Беседа проходила на повышенных тонах и очень расстроила Кирилла Александровича. А на следующий день его нашли мертвым.

Меченосец опросил Софи относительно примет этих самых ублюдков, но, кроме того, что они слишком окали, ничего интересного от нее не узнал.

И вообще, она меньше говорила, а больше причитала:

– Ну, что же с нами будет, что же с нами со всеми будет?

Оставив расстроенную Софи, Меченосец быстро покинул Континенталь и на бешеной скорости поехал в ресторан к Виктории.

– Да, Кудлатый не любит шутить, – засвербило у него в голове, – значит, надо что-то предпринимать и предпринимать немедленно.

В ресторане он рассказал Виктории про ярославскую встречу с Кудлатым и про убийство Кирилла Александровича.

Выслушав Меченосца, Виктория, конечно, очень расстроилась, но собравшись с мыслями, предложила ему проехать к Евлампии Викторовичу. Там она хотела встретиться с Гиви и обсудить с ним создавшуюся ситуацию.

Если читатель помнит, то у Гиви был брат Отари, известный в недавнем прошлом спортсмен, сколотивший из бывших спортсменов неслабую компашку.

Евлампий Викторович с нескрываемой радостью встретил Меченосца и Викторию:

– Проходите, проходите, гости дорогие, а то Федор Павлович совсем заскучал.

– А что так, неужели для него не нашлось партнеров по преферансу? – пересилив волнение, спросила Виктория.

– Да есть там один новенький любитель преферанса, вот только вас и не хватает, – ответил Евлампий Викторович.

– А Гиви еще не приходил? – вновь спросила Виктория.
– Здесь, здесь ваш Гиви, уже целый час играет, – успокоил ее Евлампий Викторович.

– Ну, слава богу, – с чувством облегчения произнесла Виктория и направилась в игровую залу.

Подойдя к столу, за которым играл Гиви, она наклонилась и что-то прошептала ему на ушко.

Гиви, которому сегодня по крупному фартило, выразил некоторое недовольство, но, переговорив с партнерами, разрешил Федору Павловичу занять свое место, а сам, вместе с Викторией и Меченосцем, прошел в соседнюю комнату.

Сбиваясь от волнения, Меченосец пересказал Гиви все, что ранее рассказал Викторией.

А когда он закончил, Виктория умоляюще посмотрела на Гиви и произнесла:

– Гиви, я знаю, что ты сможешь нам помочь.

Почувствовав свою значимость, Гиви выпятил худосочную грудь и надолго задумался.

И вот какие мысли зароились у него в голове:

– Интересное кино получается. Еще совсем недавно я хотел навести на тебя, дорогуша, своих домушников, чтобы они обнесли твою квартиру, и только появление нового хахала по имени Паша помешало мне это сделать. А теперь ты слезно просишь меня, чтобы я тебе помог. Ну, что ж, я тебе, обязательно, помогу, но моя помощь будет не бескорыстна, и даже очень не бескорыстна Я– то знаю, что у тебя есть чего взять.

Сделав озабоченный вид, Гиви, наконец-то, вымолвил первые сообщения:

– То, что главный московский развратник нашел свой конец, для меня не оказалось неожиданностью. Я давно подозревал, что этим все и закончится. Ему не единожды советовали подумать о своей защите, но он, видите ли, сам с усам. У него, видите ли, вся милиция в охране служит. Вот тебе и милиция, не уберегла проказника. А мы бы его берегли, как зеницу ока. Так, кажется, по–русски говорят.

Сказав это, Гиви с чувством собственного достоинства посмотрел на собеседников. Вот, мол, я какой мудрый и дальновидный. Собеседники с особым рвением закачали головами в знак полного согласия с ним.

Получив моральную поддержку, Гиви еще больше напыжился и, вспомнив о грузинском акценте, воскликнул:

– Дарагие, канечно, я пастараюсь вам памочь, но моя помощь будэт трэбовать и врэмья, и дэньги. Причем основной акцент он сделал на слове «деньги».

– Гиви, дорогой, о чем речь, – принялась уговаривать его Виктория, – конечно, мы тебя отблагодарим.

– Ну, харашо, – согласился Гиви, – я пагаварю со своими партнерами и в ближайшее время пастараюсь уладить ваши дела, но сегодня я должен доиграть партию в преферанс.

– Конечно, конечно, – хором заголосили Виктория и Меченосец.

Когда Гиви ушел, Виктория повернулась к Меченосцу и сказала:

– Этот гусь сдерет с нас за помощь не одну тысячу американских рублей.

– Виктория, ты же не хочешь, чтобы меня где-нибудь замочили? – вопросительно взглянув на женщину, спросил Меченосец.

– Замочили, слово-то какое, – сделав брезгливую гримасу, сказала Виктория, – словно белье грязное, а не человек.

– Ну, извини, тогда не замочили, а кокнули, – поправился Меченосец.

– Да, один черт, замочили или кокнули. В общем, задал ты мне задачку, – нервно произнесла Виктория.

Уже в машине, заметив испортившееся настроение Виктории, Меченосец спросил:

– А может мне взять и уехать куда-нибудь?

– Сиди уж, – раздраженно произнесла Виктория, – они тебя теперь везде отыщут, так что будем ждать помощи от Гивиных дружков.

Виктории было, конечно, жаль расставаться с некоторой частью своих сбережений, но она уже всем сердцем прикипела к сидящему рядом с ней мужичку. Именно с ним она впервые почувствовала себя желанной, именно он разбудил в ней такие эмоциональные ощущения, о которых она раньше только мечтала.

– Да и спокойней мне с ним, – подумала она, – вот уляжется все, и мы снова будем счастливы.

Но тревожные чувства не покидали их целых две недели. В эти дни Виктории приходилось добираться до работы на общественном транспорте, так как она запретила Меченосцу высовываться из дому.

И вот, по истечении двух недель, в ресторан к Виктории приехали Гиви и его старший брат Отари. Виктория позвонила домой, и через полчаса в ее кабинете появился Меченосец.

Больше говорил Гиви, а Отари только одобрительно покачивал головой, да снисходительно поглядывал на Викторию и Меченосца.

Из рассказа Гиви нашей паре стало известно о том, что Кудлатого и еще двух его дружанов на этом свете больше нет, а что касается света того, то братья не в курсе. Но, если Виктория с Меченосцем захотят об этом узнать, то братья расстараются и разузнают даже об этом.

За свою помощь они попросили по-божески, как выразился Гиви, всего десять тысяч зелененьких и ежемесячные чаевые за крышевание Викиного ресторана.

Гиви так и сказал:

– Дорогая Виктория, время сейчас беспокойное, всякой шпаны в Москве развелось видимо-невидимо, поэтому мы предлагаем тебе свою помощь, от которой, я думаю, ты не откажешься.

А так как эти слова были высказаны с грузинским акцентом, да еще под софитами пронзительного взгляда Отари, то Виктория сопротивляться не стала и тут же согласилась, хотя ее печенка при этом жалобно за-ныла.

Перед самым уходом Отари раскрыл рот и, обратившись к Меченосцу, произнес:

– Дорогой Паша, с уходом на тот свет Кирюхи, то есть Кирилла Александровича, валютные девочки остались без своего покровителя, а этого допускать никак нельзя. Поэтому, я хочу, чтобы их папиком стал ты, а то они совсем разбалуются, а от разбалованных женщин можно ожидать всяческих неприятностей. От выручки за их шалости я хочу получать всего пятьдесят процентов, а остальные пятьдесят процентов ты можешь использовать по своему усмотрению. С милицией мы разберемся сами, ты только вовремя информируй нас о наездах.

Услышав такое, Виктория попробовала возразить, сославшись на то, что у Меченосца и так много работы по снабжению.

Лучше бы она этого и не говорила. Отари так на нее посмотрел, что у бедной Виктории подступил к горлу большущий ком, и кресло под ней предательски скрипнуло.

– Кстати, от его деликатесных прогулок в Ярославль и другие подмосковные окрестности я тоже хочу получать некоторый процент, – твердо сказал Отари, потом немного подумал и уточнил, – сорок процентов от прибыли и у вас никаких проблем.

Твердый тон Отари окончательно добил разволновавшуюся Викторию. Будучи женщиной рассудительной, Виктория поняла, что возражать этому динозавру с атлетическим торсом будет себе дороже.

Пустили козла в огород

Через несколько дней Меченосец приступил к выполнению своих обязанностей в должности родного отца большинства московских протитутков.

Приехав в Континенталь, он отыскал Софи, и прошел с ней в выделенный для выполнения его обязанностей трехкомнатный офис.

Когда за ними закрылась дверь офиса, Софи попыталась обнять Меченосца, но он отстранился от нее и, сев в кресло, важно произнес:

– Софи, ты уже, наверное, знаешь, что теперь я буду курировать вашу почетную трудовую деятельность. За особые заслуги по отношению ко мне я назначаю тебя своим основным помощником. В твои обязанности будет входить поиск и отбор девочек, организация всей их работы и сбор средств, полученных ими от удовлетворенных клиентов. Кстати, последней стадией отбора буду заниматься я сам, то есть все отобранные девочки должны представляться тобою мне».

Услышав такую приятную для себя новость, Софи хотела ласками отблагодарить Меченосца, но он вновь охладил ее пыл, сказав: «Софи, всему свое время, мы еще успеем потрахаться, а сейчас необходимо собрать к вечеру всех ночных бабочек, я хочу с ними пообщаться.

– Но всех бабочек собрать не удастся, – предупредила Софи, – или для этого нужно будет снимать какой-нибудь спортивный зал.

– Гм, а что же тогда делать? – спросил удивленный Меченосец.

– А лучше собрать бригадирш, которые и занимаются девочками, – предложила Софи.

С предложением Софи Меченосец, естественно, согласился, и та пообещала выполнять его поручение по сбору бригадирш.

Вечером в номере Меченосца собрались десятка два разномастных жриц любви. Были среди них, в основном, опытные акулы зарождающейся сексиндустрии. Почему зарождающейся, да потому что на тот период назвать это индустрией никому и в голову бы не пришло. Ну, баловались некоторые любвеобильные представительницы прекрасного пола занятиями сексом, но, как вещала с телевизионного экрана одна женщина, секса у нас в стране не было, и нет. Ах, она, наивная простушка, ах она сексуальная тихушница.

Но мы немного отвлеклись от торжественного момента знакомства бригадирш с новым папочкой.

Окинув строгим взором собравшихся, Меченосец произнес:

– С сегодняшнего дня я буду для вас родным отцом и все, чем раньше вы были обязаны Кириллу Александровичу, будете обязаны мне. Никаких вольностей я не потерплю. Моим заместителем будет Софи...

– А почему Софи, а почему Софи....? – послышались возгласы.

– А потому, что этого хочу я, – с нескрываемым раздражением сказал Меченосец, и женские голоса тут же притихли.

– И впредь я не желаю слышать вопросов, – еще тверже заявил Меченосец, – с этого дня вы должны меня слушать и отвечать только тогда, когда я вас спрошу. Это вам понятно.

– Понятно, – неохотно ответили женщины.

– А если понятно, тогда клиентура ждет вас. В конце недели все заработанное должно быть у Софи, – тоном приказа сообщил Меченосец.

Притихшие жрицы потянулись к выходу, а Меченосец еще раз внимательно осмотрел их тыловые части. Одна из тыловых частей ему особо понравился, и он воскликнул:

– А ты, кучерявенькая, останься.

На его просьбу откликнулись сразу несколько кучерявеньких, и Меченосцу пришлось указать на ту из них, которая ему больше всего понравилась.

Когда остальные женщины вышли из номера, Меченосец, разглядев ее приятный фронт, спросил:

– Для начала, как тебя зовут?

– Меня, Анжелика, – ответила женщина, но через мгновение поправилась, – вообще-то, Лиза.

– Очень приятно, Лиза, – улыбнулся Меченосец, а скажи-ка ты, Лиза, давно ли занимаешься этим приятным делом?

– Я-то, – переспросила Лиза, – уже третий год.

– А откуда приехала, если не секрет, – вновь спросил Меченосец.

– А какой же секрет, из Вологды, – ответила Лиза, – приехала поступать в институт, да не поступила, а домой возвращаться не захотела.

– И нравится тебе эта работа? – поинтересовался Меченосец.

– Сначала не нравилась, а потом втянулась, да и заработать здесь можно неплохо, – призналась Лиза.

– И сколько же тебе перепадает? – допытывался Меченосец.

– Пять процентов от своей выручки, а, как стала бригадиршей, пять процентов от выручки моих девчонок, которых у меня одиннадцать, – ответила Лиза.

– То есть, в среднем, девчонка получает по пять зелененьких с клиента, – предположил Меченосец.

– Когда как, но, чаще всего, клиент платит за ночь по 100 – 150 зеленых, – сообщила Лиза, – попадают, конечно, и жлобы, которым и по пятьдесят баксов жалко, но их не так много.

Калькулятор в башке у Меченосца заработал на полную мощность, и он убедился в том, что дело это для него будет, действительно, прибыльным и, что не менее важно, приятным.

Оживившись, он озорно предложил:

– А не отметить ли наше сотрудничество бокалом шампанского?

Уловив его поднывшееся настроение, Лиза с радостью согласилась.

После первого тоста последовал тост второй за прекрасную Лизу, после чего Меченосец прикинулся шлангом и попросил Лизу научить его азам сексуальных услуг.

Услышав такую просьбу, Лиза с недоверием посмотрела на сидящего перед ней симпатичного мужчину, но, после некоторой паузы, решила включиться в предложенную ей игру в невинность.

Поднявшись с кресла, она подошла к Меченосцу и стала медленно снимать с себя облегающие одежды. Причем делала она это так сексуально, что Меченосец, забыв про свою неопытность, притянул Лизу к себе и стал покрывать ее тело жаркими поцелуями. Уже давненько он не испытывал такого страстного желания для сексуального удовлетворения, как себя, так и женщины, которая профессионально его охмуряла.

А Лиза, забыв про свой профессионализм, полностью отдалась ласкам мужчины, который, как оказалось, был отличным любовником.

После обильного проявления страстей они оба пожалели о том, что обстоятельства заставляют их прекратить ласкательные процедуры.

Меченосец заторопился к Виктории, дабы та не заподозрила его в измене, а Лиза поспешила к своим девчонкам, которые готовились к охмурению иностранцев и других гостей первопрестольной.

Меченосцу хорошо, а Виктории тревожно

Как не спешил Меченосец, но своим женским чутьем Виктория почувствовала изменения, произошедшие с ним. Злую шутку, конечно, сыграли и благовония, которые перенеслись с Лизы на Меченосца.

Правда, когда Виктория спросила его о женских запахах, Меченосец тут же нашелся:

– Дорогая, эти сумасшедшие потаскушки накинудись на меня, когда я обещал им всяческую поддержку и защиту.

– Ну–ну, – сказала Виктория, с подозрением посмотрев на Меченосца, но сердце ее, все же, немножко успокоилось. Может быть, в полной мере, она и не поверила Меченосцу, но желание верить ему взяло верх в этот раз. Такова уж женская натура. Натура, которая позволяет женщине быть терпеливой и отходчивой.

В общем, жизнь у них перестала быть безоблачной и любвеобильной.

Если раньше они, довольно-таки, часто проводили время друг с другом, то теперь Меченосец был занят работой со жрицами любви и

еженедельными развозками деликатесов, а Виктория большее время пропадала в ресторане.

Со жрицами любви у Меченосца сложились неплохие отношения. Правда, полностью оградить их от нервических вспышек клиентов он, конечно, не мог. То одну из них заманят на какую-нибудь квартиру и затрахают гопой до беспамятства, то с другой забудут расплатиться, то третью отмутозят за некачественное исполнение своих обязанностей. Но, в основном, такого рода опасность исходила от нашего брата командированного, с иностранцами, как правило, больших недоразумений не возникало.

И не возникало больше всего потому, что уж очень нравились иностранцам наши красивые герлы, отличавшиеся особой ласковостью и неприхотливостью. Да и как не приласкать, если некоторые из них уже успели выскочить замуж за этих самых иностранцев. Вот только случаи эти были пока еще очень и очень редкими.

Естественно, что разряжавшиеся ряды жриц любви заполнялись новыми любительницами острых ощущений и большого заработка. Каждая из кандидаток проходила через строгий контроль и шаловливые руки Меченосца. С помощью этих рук многие девчонки впервые в жизни ощутили мужскую прелесть и эротический кайф. А ощутив этот самый кайф, они раскрепощались и представляли перед клиентом во всей своей красоте.

Так что слава нашему неудержимому сексапилу, а также любителю обольщений и знатоку женских грез. Необходимо заметить, что его вклад в дело дружбы народов и налаживание международных связей современники так по достоинству и не оценили. Ну, да черт с ними, главное, что его оценили женщины, и от этой оценки он получал большое удовольствие и не меньший навар.

Я уже говорил о том, что каждую неделю он садился на свою ласточку и отъезжал в сторону Ярославля или какого-нибудь другого города, сопровождая машину с деликатесами.

В каждый приезд ему, конечно, не удавалось встретиться с Екатериной Ильиничной, но частенько он созванивался с ней, и всякий раз она радовалась его звонку.

Однажды он даже ухитрился уговорить ее, и она посетила его гостиничный номер.

Все началось, как обычно, с фужера шампанского и красивых речей Меченосца. При высказывании первого тоста о приятности встречи, Меченосец только дотронулся до руки Екатерины Ильиничны. После второго тоста он уже ее поцеловал, а третий тост завершился попыткой обнимания.

Екатерина Ильинична опять умело увернулась от шаловливых рученок Меченосца и произнесла:

– Неужели тебе трудно держать себя в руках?

Меченосец вытаращил свои налитые кровью глаза и воскликнул:

– Я уже и так несколько лет только и делаю, что держу себя в руках. Мне было бы лучше, если б я удерживался в твоих руках.

Заметив его раздражение, Екатерина Ильинична ласково произнесла:

– Милый Павел, ради бога, не обижайся на меня. Ты мне очень дорог, может быть, поэтому я и не хочу сейчас твоей близости. Однажды в моей жизни уже случилось такое. Выйдя замуж по любви, я разочаровалась в любимом человеке после первой брачной ночи. Его пьяная грубость оказалась такой омерзительной, что каждый раз, когда этот человек вновь ласкает меня, я с содроганием вспоминаю ту самую грубость.

Говоря это, она с такой грустью посмотрела на Меченосца, что у того защемило сердце и, обняв ее, он сказал:

– Милая, милая моя Катенька, я обещаю тебе, что никогда впредь не поступлю против твоей воли.

Услышав такие слова, Екатерина Ильинична встала и впервые поцеловала Меченосца не в щеку, а в его увлажненные губы.

Я знаю, что вкус этого поцелуя на всю жизнь остался в памяти Меченосца.

Новая кадра со знакомым лицом

Прошло около двух лет. Спрос на проституток не только не уменьшился, но даже в значительной степени увеличился, так как с появлением полупустых прилавков, командированным стало некуда девать свои деньги. Читатель, конечно, знает, что залежавшиеся в кармане деньги начинают мужчину раздражать, и это раздражение заманивает его или в ближайший кабаk, или в постель к одинокой женщине. Нередко бывает и так, что в постель к одинокой женщине мужчина попадает через кабаk, но это характерно, в большей степени, для наших мужчин.

В общем, с увеличением спроса, под крыло папы Меченосца стали попадать все новые и новые, склонные к проституции дети.

Этих детей он, по возложенным на него обязанностям, тщательно просматривал, после чего передавал кому-нибудь из бригадирш.

Кстати, за просмотр, прохвост Меченосец денег не брал, но всякий раз намекал девушкам на то, что появившуюся задолженность он вправе

взыскать с них в удобное для него время. Девушки от такого взыскания никогда не отказывались, а некоторым из них это было даже очень приятно.

В один из вечеров в его офисе появилась Софи с какой-то новенькой претенденткой на высокое звание проститутки, нет, лучше жрицы любви, так как жрица любви правдоподобней сочетается с высоким званием. И это, вполне резонно, могут подтвердить представители законодательной и исполнительной властей нашей необъятной родины. Им ли не знать предмета обсуждения.

Но я опять отвлекся, а это, сейчас, ни к чему, потому что в этот самый момент в офисе вытянулись лица сначала у двух присутствующих. А когда третий присутствующий увидел два вытянутых лица, его лицо вытянулось еще впечатляюще.

Немая сцена продолжалась недолго, после чего Меченосец попросил Софи покинуть офис.

Когда Софи удалилась, Меченосец, дабы убедиться в реальности происшедшего, спросил:

– Алена, ты ли это?

И кивком головы девица подтвердила сей удивительный факт.

– Как ты сюда попала? – вновь спросил Меченосец.

Прежде чем ответить на поставленный Меченосцем вопрос, Алена испросила разрешения присесть.

Меченосец не только разрешил ей сесть, но и наполнил бокал шампанским, чтобы перед повествованием Алена смогла смочить свое горло.

Отпив солидный глоток шампанского, Алена приступила к повествованию:

– Павел Петрович, вы же, конечно, помните, что я вернулась в Переславль с искренним желанием дожидаться своего Васю. И я, действительно, целых полгода старалась нигде не появляться, а через день или два отправляла ему письма. Но, перед Новым годом я не выдержала и приняла приглашение моих подружек. У одной из них в Новый год собралась веселая компания, которая не только веселилась, но и изрядно пила. В общем, я тогда напилась, и меня изнасиловал один из парней. Не знаю, как смогла пережить я этот позор, но когда Василий приехал в отпуск, я сбежала из дома и оказалась в Москве. К родичам я идти не хотела, поэтому слонялась по городу в поисках ночлега. На одной из улиц я и познакомилась с женщиной, которая оказалась бригадиршей девиц. И вот я перед Вами.

Меченосец с сочувствием посмотрел на Алену и вместе с ней выпил, чтобы прийти в себя после услышанного.

В первый раз ему не захотелось использовать свое служебное положение, чтобы завладеть девушкой. В его голове стали роиться мысли с поиском вариантов помощи этой искренней девчонке. Так и не найдя ничего подходящего, он разрешил Алене переночевать в офисе, а когда та изъявила желание его отблагодарить, он сердито посмотрел на нее и сказал:

– Спокойной ночи, утро вечера мудренее.

На следующий день у него родился план, который показался ему вполне выполнимым. Суть плана заключалась в том, что он хотел представить Виктории Алену в качестве своей двоюродной племянницы, которая ни с того, ни с сего свалилась на его голову. Зная о том, что Виктория до сих пор очень переживает из-за отсутствия ребенка, Меченосец решил сыграть на этом, разжалобив ее рассказом объявившейся племянницы.

Приехав в офис, он рассказал Алене о своем грандиозном плане и, получив ее согласие, а также узнав имя ее отца, вновь куда-то заторопился.

В офис он вернулся часа через два с каким-то стареньким чемоданом, в котором находились потрепанные деревенские одежды. Вручив Алене письмо, Меченосец настойчиво произнес:

– Прочти его и продумай план твоего появления в нашей квартире.

В письме, корявым почерком и с ошибками, было написано следующее:

– Дорогой мой братеньник Пашка! Во-первой раз пишу тебе прозубу. Моя-то жинка спадобилась и приказала долго жить. Не ровен час и меня скovyрнет окаянная, совсем ноне плох стал. Ты уж меня извеняй, но прими мою единую кровинушку Аленку, а то туго ей будет в столицах-то. Жить ей в деревне совсем несподручно, а я здесь, уж как-нибудь обойдусь.

Написал бы боле, но рука ослабела. На том кончаю, твой брат, Емельян.

Когда Алена закончила читать, Меченосец приступил к ее инструктажу.

Прежде всего, он рассказал Алене, как проехать до дому, в котором они с Викторией живут. Затем проинструктировал о вариантах общения, которые сумеют разжалобить Викторию.

Убедившись в том, что Алена с большим желанием хочет сыграть роль несчастной племянницы, Меченосец вышел из офиса и поехал к Виктории в ресторан.

Там, отказавшись от ужина, Меченосец поторопил Викторию, и уже через час они были у себя дома.

С проснувшейся нежностью поцеловав Викторию, Меченосец изъяснил желание приготовить ужин и скрылся на кухне.

Пока он возился с курицей, в дверь квартиры кто-то позвонил. Виктория с нескрываемым удивлением подошла к двери и взглянула в глазок. За дверью стояла какая-то деревенская девчонка в повязанной на голове косынке.

Виктория открыла дверь и спросила:

– А вы, девушка, собственно, к кому?

– Я-то, – переспросила девушка, – я ищу моего дядю, Павла ... Петровича.

Сказав это, девушка протянула Виктории потрепанную бумажку, на которой и было написано то слезливое письмо.

Прочитав письмо, Виктория пригласила девушку в прихожую и позвала Меченосца:

– Павел, это, кажется, к тебе.

Меченосец вышел в прихожую и недоуменно посмотрел на девушку:

– Кто это тут ко мне?

– Да, вот, эта девушка говорит, что твоя племянница, – указала Виктория на Алену.

– Какая еще племянница, – возмутился Меченосец.

И тогда Виктория передала ему письмо, которое ей всучила эта деревенская размазня, так она окрестила Алену.

Читая письмо, Меченосец моментально поменялся в лице, а закончив читать, он воскликнул:

– Емеля, мой двоюродный брат. Только год прошел с того дня, как я с тобой повидался. Вика, в прошлом году, по дороге в Ярославль, я заехал к нему в деревню, а тебе об этом совсем забыл сказать.

– Так ты же говорил, что у тебя совсем нет родных, – с подозрением уточнила Виктория.

– Правильно, дорогая, родных нет, а двоюродных и не пересчитать, – не моргнув глазом, выпалил Меченосец.

Виктория еще раз с подозрением посмотрела на Меченосца, потом на девушку, и произнесла:

– Ну, что ж, в ногах правды нет, проходи в комнату. Хотя, постой, а как же тебя зовут?

– Меня-то, Аленой кличут, – сообщила девушка.

– Ну, проходи, Алена, гостей будешь, – пригласила Виктория.

А тут и курица поспела.

Виктория дала Алене полотенце и отправила в ванную, чтобы за обеденный стол она села умытой.

Второй раз Алену просить не пришлось. Она быстро переоделась и, вымывшись, появилась в гостиной.

За ужином завязался сдержанный разговор о деревенском житье и Алениных планах на ближайшее будущее.

Оказывается, Алена приехала в Москву для того, чтобы поступить в театральное училище. Ей, оказывается, с детства хотелось быть артисткой.

Виктория с Меченосцем внимательно слушали заезжую гостью. Виктория потому, что ей было очень интересно узнать об Алениных планах, а Меченосец потому, что опасался, как бы Алена не сказала чего-нибудь лишнего. Но опасения его были напрасны, Алена так вошла в свою роль, что Виктория начинала все больше ей верить. И не только верить, но и искренне переживать.

В общем, после ужина, Виктория постелила Алене в маленькой комнате и, пожелав спокойной ночи, вернулась в гостиную.

Сев за стол, она внимательно посмотрела на Меченосца и спросила:

– Ну, что будем делать?

– Что, говоришь, делать, – с раздражением сказал Меченосец, – а то и будем делать, что завтра определим ее куда-нибудь в общежитие.

Подлив в свой бокал коньяку, Меченосец выпил и нервно продолжил:

– Вот деревня, прут и прут в Москву, словно она резиновая.

– Ну, зачем же ты так, – с сочувствием в голосе сказала Виктория, – она же тебе никак родственница.

– Вот то-то и оно, что никак, – не скрывая раздражения, произнес Меченосец.

– Павел, ты можешь говорить потише, а то девочка услышит, – в голосе Виктории появились ранее отсутствовавшие теплые нотки.

– Ага, уже срабатывает, – подумал Меченосец, а вслух произнес, – ну и пусть слышит, ее сюда никто не приглашал.

И тут Виктория взорвалась, но шепотом:

– Павел, как ты можешь, ведь это дочь твоего брата. Причем, брата, которому и жить-то осталось, может быть, совсем немного.

– Ну, извини, погорячился, – также шепотом произнес Меченосец, – просто свалилась, словно снег на голову.

– Ничего, пусть у нас поживет, а там видно будет, – сказала Виктория.

Меченосец встал из-за стола и, подойдя к Виктории, ее поцеловал:

– Какая же ты у меня хорошая, моя милая Вика.

Ну, ты и артист, Меченосец. Я уже думал, что с годами ты растерял свой артистический дар, а тут на вот тебе, этот дар расцвел у тебя новы-

ми красками. Да, не буду вспоминать про могилу, но, по всей видимости, именно она тебя и исправит.

В постели благодарности Меченосца не было конца. Сегодня он ласкал Викторию, как тогда, в первые дни их знакомства, и только присутствие Алены сдерживало Викторию от проявления всей гаммы эротических эмоций. И все равно, лежа в маленькой комнате, Алена слышала их ахи и охи, и в ее впечатлительной головке всплывали сцены половой... Фу, слово-то какое неприличное. Лучше, сцены ее эротических забав с Васей.

Но, хватит прислушиваться, пора спать и видеть приятные сны, может быть, и любовного характера.

Утром первой проснулась Виктория и, чтобы не мешать Меченосцу, она тихо встала и прошла в ванную комнату. Сполоснувшись под душем, она заглянула в маленькую комнату и посмотрела на Алену, волосы которой разметались по подушке, а одеяло съехало к ее ногам.

– А что, с такими данными она вполне может стать актрисой, – подумала Виктория и прикрыла за собой дверь.

Подойдя к Меченосцу, она потормошила его за плечо и, когда он открыл глаза, тихо спросила:

– А ты разве не отвезешь меня сегодня на работу?

Меченосец смачно потянулся и повернулся на другой бок. Сегодня ему ужасно не хотелось ехать в ресторан, но, представив, что Виктория будет переживать, а любые переживания могут вызвать новую волну поздравлений, Меченосец вскочил и поспешил в туалет.

Написав Алене записку, они вышли из дома, и черная Волга понесла их к ресторану.

– Как ты думаешь, она сможет поступить в театральное училище? – вдруг спросила Виктория.

– Да какое там театральное училище, – сердито сказал Меченосец, – ей, наверное, и в ПТУ-то не поступить.

– Послушай, Павел, если ты хоть чуть-чуть уважаешь своего брата, сделай так, чтобы Алена не чувствовала себя в нашем доме лишней, – попросила Виктория Меченосца.

– Хорошо, попробую, – пообещал Меченосец.

– Вот и прекрасно, – удовлетворенно произнесла Виктория, – более того, мы должны помочь ей поступить в училище.

– Ничего себе поворот, – подумал Меченосец, – кажется, мою Викулю тронули Аленыны байки, и она искренне хочет ей помочь. А это значит, что материнские чувства в Виктории просыпаются. Ну, дай бы бог.

Они вместе позавтракали в ресторане, после чего Меченосец поехал к Отари, чтобы отдать ему причитающийся процент.

В последнее время Отари очень внимательно присматривался к Меченосцу, и чем больше он его узнавал, тем больше тот ему нравился. Во-первых, потому, что прибыль от направлений, которыми руководил Меченосец, становилась все больше. Во-вторых, потому, что тщательные проверки убедили в том, что Меченосец его не обманывает. В-третьих, потому, что обученные Меченосцем девочки доставляли Отари истинное удовольствие. И не только ему, но и сильным мира сего, которые стояли у власти. Не без помощи этих девочек Отари смог получить кучу компромата, которым умело пользовался. Не случайно его побаивались даже представители силовых структур. Из-за этого он с каждым днем становился сильнее и наглее. А сила с наглостью обеспечивали ему новые источники обогащения. И получался всепоглощающий круговорот, в котором гибли одни и безжалостно подминались другие.

Будучи компаньоном Отари, Меченосец избежал попадания в этот круговорот. Напротив, он сам помогал Отари затягивать в круговорот других, и это доставляло ему глубочайшее удовлетворение.

Ничего не поделать, такова, увы, се ля ва или, проще говоря, проза анархического беспредела.

Но мы опять отвлеклись и забыли про Алену.

Аленина адаптация

Несколько дней Алена нежилась в пуховых перинах Виктории, следила за порядком в доме и по вечерам готовила ужин на троих. И все это время Виктория с Меченосцем думали, как бы ей помочь.

Вступительные экзамены в театральное училище совсем недавно закончились, поэтому только через год можно было рассчитывать на пробу таланта.

Сидеть дома Алене стало надоедать, и Виктория решила взять ее к себе в качестве официантки.

Она так и сказала Алене:

– Послушай, девочка, если тебе, действительно, надоело сидеть дома, то у меня для тебя есть дельное предложение. Этот год ты поработаешь у меня в качестве официантки. Представь, что это первая роль, которую тебе нужно будет играть ежедневно и не всегда под возгласы «бис» и «браво». Ты согласна попробовать себя в этом качестве?

– Конечно, согласна, – не то обрадовалась, не то удивилась Алена, – для своей будущей профессии мне не помешает практика общения с ресторанной публикой.

За такое умное решение Виктория похвалила Алену, и на следующий день взяла ее с собой.

Через неделю Алена, действительно, вжилась в роль официантки, и ее уже не пугали беспричинные придирки некоторых посетителей. Наоборот, по внешнему виду посетителя она пыталась определить его внутренний мир и сделать все, чтобы войти в его мир, не вызывая у того отрицательных эмоций. К сожалению, внутренний мир некоторых посетителей менялся в сторону ухудшения с каждой новой порцией спиртного, но это только у некоторых. А, в основном, посетители были доброжелательны и интеллигентны.

Нередко она ощущала на некоторых частях своего стройного тела чей-то масляный взгляд. Порой обладатель масляного взгляда подходил к ней и недвусмысленно намекал на ночное randevu. Но бдительный Меченосец и не менее бдительная Виктория предохраняли Алену от опрометчивых шагов. Да ей и самой не очень-то и хотелось эти самые шаги делать.

В свободные от работы часы Алена подолгу стояла перед зеркалом, изображая из себя великую актрису. Она стреляла глазками и жеманничала, напускала на себя туман загадочности и озабоченности, билась в истерику и безутешно плакала. В общем, мечта, о которой она и не догадывалась до прихода в дом Виктории и Меченосца, полностью завладела ей.

В свободные вечера они втроем выходили в театры, и от этих походов вся троица получала истинное удовольствие.

Меченосцу было приятно идти в окружении двух красивых женщин. И если Виктория своим видом подчеркивала его успешность, то Алена аура действовала на него возбуждающе.

Виктория наслаждалась тем, что ее давнишняя мечта выхода в свет с симпатичным мужчиной, наконец-то, сбылась. Более того, ей было приятно и присутствие Алены, которая становилась для нее все ближе и родней.

Алена, вообще, радовалась жизни, а совместные походы в театр ее просто окрыляли.

Ведь она могла видеть великих артистов и, по-хорошему, подражать им.

А еще Алена любила поездки за город, когда ресторанные повара готовили им два-три вида шашлыков, и кавалькада из четырех-пяти машин выезжала на Истринское водохранилище. Менее часа пути по, сравнительно прямому, Ленинградскому шоссе или по вихляющему Пятницкому тракту, и перед глазами открывался великолепный пейзаж искусственного водоема, кишящего различными видами рыб.

Прекрасный воздух осторожно обволакивал вырвавшихся на природу горожан, как только они выходили из машин.

Вот и в этот раз вышедшие из машины Виктория и Алена первым делом наполнили свои легкие ароматами природы.

– Какая же все-таки красота, – воскликнула Виктория, в очередной раз глубоко вдохнув.

– Да, Виктория Рудольфовна, места, действительно, прекрасные, – согласилась с ней Алена.

– Ну, если нравится, то быстрее за работу, – поторопил их Меченосец, – а то скоро солнце пожелает нам спокойной ночи, а мы даже палатку не успеем установить.

Виктория подмигнула Алене и произнесла:

– Как всегда наш несносный попутчик начинает нас подгонять.

– И не говорите, Виктория Рудольфовна, – с улыбкой поддержала ее Алена, – время еще детское, а нас уже хотят спать уложить.

– Да уж, уложишь вас спать, – пробурчал Меченосец, вытаскивая из багажника палатку, – никак на танцы навострились?

– А что, мы и постанцевать можем, – игриво подбоченясь, ответила Виктория.

– Это кто тут на танцы собрался? – любопытствовал подошедший Семен Леонидович.

Читатель должен помнить директора автомобильной базы, через которого преодолевался автомобильный дефицит.

– Семен Леонидович, да это женщины мои расшалились, – с наигранной досадой произнес Меченосец.

– Не переживай Павел Петрович, я с удовольствием составлю им компанию, хи хис, – захихикал Семен Леонидович.

– Ну, ты смотри, и этот туда же, – будто бы возмутился Меченосец, – а кто к ночлегу будет готовиться?

– А кто приехал сюда спать, тот и готовиться должен, – ответил подошедший к ним Федор Павлович, – вон Тигран Ашотович уже давно матрацы разложил.

Напомню читателю, что директора вино-коньячного завода зовут Тиграном Ашотовичем.

И вообще, пока наши знакомые устанавливают палатки, я познакомлю читателя с другими любителями природы.

Вместе с Семеном Леонидовичем приехали его жена Лариса Аркадьевна и великовозрастный сын Илья, который в свои тридцать лет никак не мог оторваться от мамкиной титьки. Я надеюсь, что читатель правильно поймет фигуральное значение этого выражения.

С Федором Павловичем приехала только его жена Рита Григорьевна, так как дети их уже давно разлетелись из родительского гнезда.

А Тигран Ашотович, кроме жены Елены Витальевны, привез на природу дочь Манану с зятем Игорем и внучкой Алиной.

Когда палаточный городок был оборудован, приехавшие накрыли общий стол и сервировали его привезенными деликатесами.

Выпив за прибытие коньячку Тиграна Ашотовича, они закусили деликатесами Савелия Александровича, который в этот раз сам приехать не смог.

Меченосец хотел налить по второй, но Федор Павлович его остановил:

– Послушай, Павел, пусть остающиеся пьют, а мы с тобой должны поспешить на вечерний клев.

Сказав это, Федор Павлович подхватил рыболовные снасти, а Меченосцу досталась резиновая лодка с веслами и якорем.

– Ни пуха, ни пера, – пожелал им в догон Семен Леонидович.

– К черту, – ответили хором любители рыбалки.

Да, Федор Павлович был заядлым рыбаком. Даже отличный коньяк не мог отвадить его от вечернего клева. Меченосец тоже любил порыбачить, но к заядлым он, конечно же, не относился. – Это надо же, – про себя брюзжал он, шагая к водоему, – не дал мне даже вторую пригубить.

Но, брюзжи – не брюзжи, а лодку накачивать надо.

Через пятнадцать минут наши рыбаки отчалили от берега, а еще через пятнадцать минут уже увидели первую поклевку. А потом как началось. То косяк плотвы подошел и набросился на опарыша, то полосатые окуни стали спешно заглатывать навозного червя, а то разбойник судак уцепился за ерша, проглотившего, в свою очередь, крючок с наживкой.

Вот, чертова рыба, даже поговорить некогда.

Тигран Ашотович с Игорем в это время готовили мангал с шампурами, а женщины суетились возле стола, нарезаая овощи и хлеб. Им пыталась активно помогать маленькая Алинка, и, чем больше она суетилась, тем хуже у нее получалось. Но женщины все равно ее хвалили, и от этих похвал она суетилась еще больше.

Семен Леонидович о чем-то оживленно рассказывал Илье, а тот только и делал, что кивал периодически головой, да протирал платком запотевающие очки.

Сверхактивному директору базы ужасно не нравилась сыновняя апатичность, и он иногда высказывал Илье свои претензии. И, действительно, уйдя с головой в науку, Илья совершенно забыл о личной жизни. Кроме мыслей о маме и множества научных терминов у него в сознании ничего не помещалось.

Иногда Семен Леонидович не выдерживал и начинал сам заниматься поиском невесты для сына, но одно дело найти, а другое дело заставить Илью переключить на претендентку свое внимание.

Но оставим наедине отца с сыном и обратим внимание на людей у мангала.

А там здоровяк Игорь неторопливо готовил березовые и ольховые чурки и периодически подкладывал их в мангал, поддерживая огонь. Тигран Ашотович в это время занимался нанизыванием мяса на шампура. Его знакомые знали, что эту процедуру он не доверяет никому, поэтому попыток ему помочь, никогда не делали.

Когда первые шампура чинно разместились на мангале, Тигран Ашотович подошел к берегу и зычно крикнул: «Наливай».

Это был сигнал, по которому рыбаки начинали спешно сматывать удочки и торопиться к берегу, ибо шашлыки ждать не будут.

И как ни хороша была рыбалка, Федор Павлович и Меченосец тут же откликнулись на знакомый призыв и снялись с якоря.

Причалив к берегу, Федор Павлович вынес из лодки внушительный улов со снастями, а Меченосец вытащил на берег лодку и все остальное.

Когда Федор Павлович показал у мангала улов, все присутствующие дружно захлопали и стали нахваливать удачливых рыбаков. Показав улов присутствующим, Федор Павлович опять спустился к воде и аккуратно опустил садок с рыбой в воду.

— Пусть до утра еще поплавает, — сказал он и вернулся к мангалу.

А на свежем воздухе, да под хороший шашлычок коньячок и красное вино Тиграна Ашотовича были ой, как кстати.

Тщательно прожевывая мясо, Семен Леонидович не забывал рассказывать анекдоты, а Федор Павлович иногда успевал вставлять свои рыбацкие истории. Даже замкнутый Илья раскраснелся и стал чаще улыбаться.

Отдыхающие и не заметили, как Манана с Алинкой отошли от мангала и скрылись за ближайшими кустиками. А через несколько минут из кустов раздался истошный женский крик.

Игорь, Меченосец и Федор Павлович, прихвативший на всякий случай охотничье ружье, бросились на крик и метров через пятьдесят выскочили на поляну, на которой горел костер и трое подвыпивших парней пытались содрать платье с сопротивляющейся Мананы. Один из парней держал заплаканную Алину, прикрывая грязной лапой ее рот.

Увидев троих здоровяков, выскочивших на свет, парень выпустил Алину и быстро скрылся в кустах.

Но пьяная троица продолжала мять Манану, а когда Игорь бросился к ним, один из них вытащил нож и злобно оскалился.

Только когда Федор Павлович выстрелил из ружья в воздух, парни труханули и скрылись в темноте кустов.

Да, в это раз прекрасный отдых был испорчен несколькими подвыпившими подонками, но, слава богу, что все так обошлось.

Ночью Меченосец и Игорь поочередно дежурили с ружьем возле палаток, но пьяные подонки так и не объявились.

Рано утром Меченосец разбудил Федора Павловича и тот принялся чистить рыбу. Если Тигран Ашотович никому не доверял приготовление шашлыка, то Федор Павлович был специалистом по ухе и к котлу подпускал только с миской.

В полдень обитатели палаточного городка проснулись и, умывшись, потянулись на запахи готовой ухи.

Уху в этот раз ели без тостов, так как в обратный путь собирались поехать уже через два часа. Все-таки вчерашний инцидент с Мананой подпортил всем настроение.

Продолжение истории незаконченной протитутки

Новый год Меченосец с Викторией решили, по традиции, отметить в резиденции Евлампия Викторовича. Услышав об этом, Алена очень обрадовалась, так как по рассказам Виктории в эту ночь у Евлампия Викторовича собирались не только разного рода деловые люди, но и представители искусства.

В этот раз у Евлампия Викторовича собрались те же, что и в прошлом году, только режиссер Иннокентий Павлович пришел на вечеринку с другой молоденькой актрисой, а поэтесса Юлия Дружкина появилась без летчика-испытателя, объяснив это тем, что испытания новой техники для него того были дороже.

Да, молодящаяся жена директора табачной фабрики была тоже одна, так как тот кому-то помешал, и этот кто-то его убил. Говорят, что кому-то понадобилась фабрика, которой он руководил, но это только говорят.

Увидев жену директора табачной фабрики, Меченосец вспомнил со школьной поры, на который он приехал без приглашения.

Провожая вечером подвыпивших родственников и близких, она попросила его остаться, и когда все ушли, разрыдалась у него на груди.

А мы знаем, что Меченосец умел утешать женщин, и утешал он несчастную вдову до самого утра. Оказывается, женские слезы возбуждают мужчину не хуже, чем ее ласки ниже пояса.

Перед Викторией он оправдывался долго и темпераментно. Он рассказал ей жуткую историю о том, как два подонка попытались силой взять одну из его девочек, и ему пришлось вступить с ними в неравную схватку. Для большей убедительности, перед тем, как появиться перед очами разгневанной Виктории, он стукнулся головой о косяк подъездной двери и оторвал рукав у совсем еще новенькую рубашку. Страдать, так страдать.

Из приятных воспоминаний Меченосца вывела Виктория, так как гостей пригласили за стол.

Опять красноречивые тосты сменялись интеллигентным чавканьем и ритмичными стуканями вилок об мейсенский фарфор. И снова, после боя курантов со звоном бокалов начались выступления присутствующих.

Раскрасневшаяся поэтесса Дружкина рассказала свое новое стихотворение о неразделенной любви, а бард Всеволод Непряев спел присутствующим новую песню о дальних странствиях, в которых он не бывал, и о прелестях костра, у которого он не грелся.

Улучив момент, Виктория пригласила Иннокентия Павловича в соседнюю комнату и рассказала ему об Аленеиной мечте.

Иннокентий Павлович глубокомысленно задумался и обещал, естественно, ей помочь. Он обещал не только поговорить со своими друзьями из театрального училища, но и, как следует, поработать с самой Аленой.

На что Виктория ответила так:

– Милый Иннокентий Павлович, ну зачем же так себя утруждать, мы уже наняли для Алены одного из театральных педагогов. Но будем Вам очень признательны, если замолвите слово за нашу племянницу.

Иннокентий Павлович без удовольствия, но обещал Виктории Рудольфовне это сделать.

Пока Виктория общалась с Иннокентием Павловичем, Меченосца в оборот взяла утешенная им совсем недавно вдова. Она смотрела на него такими влюбленными глазами, она признавалась ему таким надрывным дискантом, что Меченосец на мгновение забылся и, если бы не Виктория, вовремя появившаяся в комнате, он завалил бы безутешную вдову на широченную тахту.

После Нового года наступили унылые будни с обязательным исполнением своих служебных обязанностей.

По утрам Меченосец отвозил Викторину и Алену в ресторан, потом растворялся в московских улицах по своим делам. И, если доставка деликатесов не доставляла ему больших хлопот, так как механизм получения и доставки был отработан до автоматизма, то с проверкой вновь поступающих девочек дело обстояло несколько иначе. Он все чаще стал замечать за собой сексуальную усталость, все-таки возраст давал о себе

знать. Даже ласки ниже пояса перестали его возбуждать. Если раньше он находил в женщинах массу достоинств, то теперь стал выискивать у них недостатки. У одной он находил слишком вялые груди, у другой замечал излишнюю небритость, у третьей неопрятное влагалище, у четвертой Нет, лучше не продолжать.

Я бы назвал этот жизненный отрезок Меченосца периодом сексуального брюзжания.

Ну, давайте, на время не будем о нем, обратим наши взоры на поведение Алены.

А Алена ото дня ко дню становилась все краше и, как утверждали некоторые мужчины, все аппетитней. Девчоночье угловатости пришли на смену женская привлекательность и заманчивое коварство. Ее глаза стали меньше излучать детскую искренность и больше обворожительную наивность, на которую так западали мужички. Но за этой наивностью скрывались энергия трезвого расчета и желание быть, действительно, любимой.

Несколько раз она откликалась на мужские заигрывания, но каждый раз убеждалась в том, что ее хотят только на несколько дней, часов или, даже, минут. Но она уже не хотела быть женщиной, на которую бы смотрели, как на жрицу любви. Она хотела любить и быть любимой.

В один из весенний дней ей, именно так, и показалось. Она встретила с ним на чертовом колесе парка имени Горького. Так уж случилось, что парень оказался в одной с ней кабинке.

Несколько минут они сидели молча, а когда кабинка поднялась на самый верх, Алена непроизвольно ойкнула, почувствовав некоторую робость.

– Что, испугались? – улыбнувшись, спросил парень.

– Нисколечко, – попробовав улыбнуться, ответила Алена.

– Я так и понял, наверное, вы ойкнули от избытка чувств, когда увидели с высоты нашу столицу, – предположил он.

Алена внимательно посмотрела на парня и в знак согласия кивнула головой.

– Меня, между прочим, зовут Дмитрием, – представился он.

Алена снова посмотрела на него и, улыбнувшись, сказала:

– А меня Аленой.

– Какое хорошее имя. Это не в вашу честь, случайно, назван известный шоколад? – спросил Дмитрий.

Озорно посмотрев на Дмитрия, Алена воскликнула:

– Может быть, и в мою.

Дмитрий помог Алене выйти из кабинки и пригласил ее в ближайшее кафе, в котором, как он сказал, продавалось самое вкусное на свете мороженое.

За мороженым у них завязался оживленный разговор, во время которого Алена узнала о том, что Дмитрий работает прорабом в одной строительной организации и учится на вечернем отделении юридического факультета.

Весь вечер они пробродили по Москве и договорились встретиться вновь уже завтра.

Придя домой, Алена рассказала Виктории о встрече с молодым человеком, и та, посоветовав ей быть повнимательней, освободила ее от вечерней смены.

Так они встречались целый месяц, а через месяц Дмитрий с институтскими друзьями решил в ресторане отметить очередную сдачу сессионных экзаменов.

И надо было ему выбрать именно тот ресторан, в котором работала наша Алена.

Увидев Алену в фартуке официантки, он чрезвычайно удивился, а вечером, дождавшись ее после работы, решил действовать решительно и дерзко. К таким действиям его подтолкнуло не только выпитое спиртное, но и застрявшая в его голове мысль о том, что девушка, работающая официанткой, легко отдается налево и направо.

Алене с трудом удалось вырваться из его пьяных объятий, и, как он, в дальнейшем, ее не упрасивал, пьяной выходки она простить ему не смогла.

Да и вообще, наступила пора вступительных экзаменов в театральное училище, и времени на свидания у Алены не осталось.

Обещавший помощи Иннокентий Павлович уехал в это время с театром на гастроли, и без влияния всесильного Отари, Алена вряд ли бы поступила в театральную Мекку.

Но экзамены позади, и Виктория с Меченосцем решили прокатить ее до юга. Отпуск есть отпуск и проводить его надо так, чтобы не было мучительно больно за упущенную возможность кому оздоровиться, а кому расслабиться на полную катушку.

Юг, что может быть прекрасней после ощущения радости от исполнения недавно зародившейся мечты.

Юг, навеявший воспоминания

Дорога до черноморского побережья заняла два дня, так как ночь они спокойно переспали в Курске. Выехав из Курска, Меченосец профессионально вел свою черную ласточку, а Виктория и Алена не переставали восхищаться мелькающими за окном пейзажами.

Впервые в жизни Алена ехала так далеко и ехала не куда-нибудь, а на Черное море, которое, как пелось в одной из песен, было самым синим в мире.

И вот, наконец, Туапсе, у ног которого плещется Черное море. Конца и края этого моря невозможно рассмотреть даже в бинокль.

Ошеломленная Алена, как малое дитя, забегала по морской воде, а Меченосец неторопливо разделся и, зайдя в воду, медленно поплыл в сторону буйков.

Виктория, присев на высушенный солнцем песок, с нескрываемой любовью смотрела на дорогах ее сердцу людей.

– Как хорошо, что мы собрались отдохнуть на юге, – подумала она.

Радостная Алена подбежала к ней и обрызгала ее морской водой.

– Ах, ты, проказница, – вскочила с песка Виктория и побежала догонять смеющуюся Алenu.

Плывущий от буйков Меченосец с умилением наблюдал за игрой милых ему женщин.

– Вот и дожил я до того времени, когда на женщин смотрю не как самца, а как любящий муж и счастливый отец, – подумал Меченосец и еще быстрее поплыл к берегу.

Солнце уже медленно заходило за горизонт, поэтому решено было заночевать в Туапсе, а после завтрака тронуться в путь вдоль черноморского побережья.

Остановившись в гостинице, они исследовали свой трехместный номер, после чего решили поужинать в местном ресторане. И там Алена впервые почувствовала на себе такое количество масляных глаз. В Москве этих черных глаз было значительно меньше, а здесь эти глаза выстреливали в нее от каждого стола.

Почувствовав Аленино беспокойство, Меченосец заказал ужин в свой номер, и они покинули зал ресторана, оставив ни с чем пускающих слюни мужчин.

Да, Алена, тебе придется пройти еще не одно серьезное испытание, потому что твоя внешность так обворожительна и прекрасна.

А ужин в номере оказался не менее приятным.

Когда официант доставил ужин в номер, Виктория по-хозяйски накрыла стол, достав из заглазника бутылку коньяку и бутылку сухого вина, и тосты начались. А как же без тостов, мы же не пьяницы какие-нибудь. Мы же интеллигентные люди, а интеллигентные люди без красивых слов не употребляют.

Не буду подробно останавливаться на всех тостах, которые высказали друг другу наши путешественники, но один из них хочу представить дословно.

Вот что сказала Алена, подняв свой бокал:

– Дорогие Виктория Рудольфовна и Павел Петрович, я хочу выпить за вас, за вашу доброту и отзывчивость. Еще совсем недавно я даже думать не могла о том, что поступлю в театральное училище, а теперь, находясь рядом с вами, я наполнена таким счастьем, которого хватило бы не на один десяток таких, как я. Большое спасибо вам за это, я очень-очень вас люблю.

Сказав это, она поочередно подошла к Виктории и Меченосцу и крепко их поцеловала.

Аленины слова так взволновали Викторию, что, не скрывая слез, она обняла ее и произнесла:

– Спасибо тебе, доченька, за такие теплые слова.

Меченосец же, обняв Алену, тут же отдернул свою руку, почувствовав некоторое возбуждение от молодого и стройного тела.

А поутру они проснулись и, попив свежесжатого соку, вышли из гостиницы.

Южное солнце уже изрядно поднагрело остывший за ночь воздух, а морской бриз стал заигрывать с нашими путешественниками, нехотя тербя их распущенные волосы.

Меченосец помог женщинам разместиться в машине, потом сел за руль и машина помчалась вдоль черноморского побережья.

Алена во все глаза смотрела на зеленоватую морскую воду, на счастливых обладателей представившейся возможности искупаться в этой самой воде, на катера и яхты, снующие вдоль берега.

И вдруг машину накрыла крошечная темнота. Женщины в один голос вскрикнули от неожиданности и моментально притихли.

Через несколько секунд машина выехала из тоннеля и женщины с недоумением посмотрели друг на друга.

– Что, испугались, – спросил Меченосец и, не дожидаясь ответа, пояснил, – на этой трассе нам будет встречаться еще не один тоннель, поэтому не пугайтесь и продолжайте любоваться пейзажем.

– Теперь-то мы не испугаемся, – пообещала Виктория, – верно, Алена?

– Не знаю, не знаю. Все это так неожиданно, – ответила Алена.

– Это только первый раз неожиданно, а потом вы будете заранее видеть приближение к тоннелю, – успокоил их Меченосец.

И, действительно, въезд в следующий тоннель почти не испугал наших путешественниц.

Так от тоннеля к тоннелю, от поворота к повороту они и добрались до курортного города «Сочи».

Не задумываясь, Меченосец подвез их к санаторию «Приморье» и, узнав о том, что свободные места еще есть, заплатил за трехместный люкс с видами на море.

Разместившись в номере, они быстро переоделись и поспешили на пляж, даже не думая об обеде.

Сегодня они постараются насытиться морем и солнцем, которое с интересом посматривало на них с недостижимой высоты.

С трудом найдя свободный пятачок, они расстелили свои покрывала, и Меченосец сказал:

– Я пойду, окунусь, а потом и вы искупаетесь.

Но Алене не терпелось окунуться в морскую воду, поэтому, посмотрев на Викторию, она просительно произнесла:

– Виктория Рудольфовна, разрешите и мне окунуться.

– Конечно, окунись, – с нежностью посмотрев на Алену, разрешила Виктория.

Алена чмокнула Викторию в щечку и быстро побежала к воде.

И опять Виктория с нескрываемой радостью смотрела с берега на дорогих ее сердцу людей.

Меченосец размашисто плыл в сторону буйков, а Алена плескалась метрах в трех от берега, и ее плавание по-собачьи умиляло Викторию.

Возвратившийся от буйков Меченосец поднырнул под Алену и невольно залюбовался ее обтянутой купальником фигурой с выпирающим лбом. Погладив ее по животику, он резко всплыл и поплыл к берегу.

– Нет, я не должен себя возбуждать, находясь рядом с Аленой, – думал он, выходя на берег, – она для меня совсем еще девчонка. Более того, она мне, почти, что родная.

Виктория не заметила сомнений Меченосца и, поцеловав его в щечку, направилась в сторону воды.

Накупавшись досыта, наши путешественники вернулись в номер и, переодевшись, вышли в город. Сегодня Меченосец решил показать им вечерний Сочи с его парком «Ривьера».

Так же, как и тогда, мимо Меченосца проходили легко одетые женщины, но они уже не смотрели на него откровенно зовуще. Может быть, потому, что рядом с ним шли две симпатичных женщины, а, может быть, потому, что он, сам того не подозревая, начинал выходить в тираж.

Первое предположение для него было более приятным, а о выходе в тираж он старался не думать в принципе.

Но, думай – не думай, а седину никому не скроешь. А, впрочем, зачем ее скрывать, если, как гласит народная молва: «Седина в бороду, а бес в ребро».

– И это вполне закономерно, – подумал Меченосец, – я еще докажу всем, что в моем ребре сидит не бес, а бесило.

Обласканный этой мыслью, он успокоился и продолжил курортное дефиле.

А потом был ужин в одном из прибрежных ресторанов и танцы на открытой веранде.

Наконец-то, Виктория смогла вволю натанцеваться с любимым Павлушей, а Алена с настойчивыми мужчинами, которым она не могла отказать.

По дороге в санаторий Меченосца настойчиво преследовала мысль о том, чтобы уложить женщин спать, а самому пуститься в свободное ночное плавание по забегаловкам Сочи.

Ему ужасно хотелось тряхнуть ста..... Нет, ни в коем случае не стариной, а его внушительным хозяйством, которое, хоть и нечасто, но взбрыкивало.

Но этим мечтам не суждено было сбыться, так как две красивых женщины оберегали его от безрассудных поступков.

Да, тяжела шапка женатого, хоть и условно, человека. Но будем еще посмотреть, как говорил при проигрыше один из его собутыльников.

На следующий день они с утра были уже на пляже. Поиграв с морской волной, они разлеглись на широких полотенцах с целью принятия солнечных ванн.

И, если Виктория с Аленой прикрыли от удовольствия глаза, то глаза Меченосца никак не хотели закрываться. Они бесстыдно пялились на фланирующих мимо него женщин. Глядя на них, Меченосец, как в молодости, пытался определить их семейное положение и социальный статус.

– Вон та, кудрявенькая, всего скорей, замужем за каким-нибудь бюрократом, который, кроме своих бумаг, ничего не замечает. А раз ничего, значит, и никого. А эта толстушка с трогательной наивностью наставляет своему супругу рога и искренне думает, что ему это приятно. А эта короткостриженная брюнетка держит своего муженька под каблуком, и тот

даже пикнуть не может. А вон та И вдруг у одной из женщин он заметил знакомые до боли черты.

– Ритка, неужели это челябинская Ритка, которая кормила его когда-то уральскими пельменями и, как заботливая сиделка, просиживала возле больничной койки, чтобы он поскорей поднялся, – подумал он.

Женщина тоже посмотрела на Меченосца, потом поспешно отвела от него свой взгляд, но через мгновение снова посмотрела в его сторону. И этот взгляд говорил о том, что она тоже его узнала.

Меченосец резко встал и, ни слова не говоря, пошел к воде. Занырнув, он, как и утром, размашисто поплыл в сторону буйков.

Ему не было видно, что женщина тоже встала и направилась к воде. Войдя в воду, она медленно поплыла в сторону буйков.

Когда Меченосец обернулся, женщина уже подплывала к буйкам. Приблизившись к нему, она тихо спросила:

– Вы, Павел?

– Да, Рита, я Павел, – ответил Меченосец.

– А куда же ты пропал, Павел, все эти годы я только и делала, что ждала тебя в Челябинске, ведь ты же обещал, – призналась она.

– Извини меня, Рита, но обстоятельства сложились так, что я не смог к тебе приехать, – ответил Павел.

– А с кем ты сейчас? – вновь спросила Рита.

– С женой и дочерью, – соврал Меченосец. Хочу напомнить читателю, что когда Меченосец врал, он никогда не моргал глазами.

– Поздравляю, у тебя красивая жена, а дочь еще красивей, – сказала Рита.

– Ну, а ты как живешь? – в свою очередь спросил Меченосец.

– А я до сих пор работаю заведующей столовой, – ответила Рита.

– А как дела на семейном фронте? – опять спросил Меченосец.

– А на семейном фронте без перемен, – грустно ответила Рита, – я уже говорила, что все эти годы я жила мыслью о тебе.

– Ну, прости, прости, если можешь, – искренне извинился Меченосец, – а где ты в этот раз остановилась?

– В этот раз в «Приморье», – ответила Рита.

– А в каком номере? – обрадовавшись, спросил Меченосец, и когда Рита назвала ему номер, он пообещал, обязательно, прийти к ней.

На том и закончили они этот непростой разговор. Меченосец развернулся и поплыл в сторону берега. Рита еще немного проплыла вдоль буйков, а потом тоже повернула к берегу.

Вот тебе и раз, вот тебе и встреча.

Когда Меченосец вернулся к своим женщинам, Виктория спросила его:

– А что это за женщина крутилась возле тебя?
– Да, какая-то сумасшедшая доплыла до буйков, а отцепиться от них боялась, – ответил Меченосец.
– Ну, что ты за человек, – скрывая улыбку, возмутилась Виктория, – вечно возле тебя крутятся женщины, которые чего-то боятся.
– А я, что виноват, что ли, – потупился Меченосец.

Весь оставшийся день он безрезультатно искал повод для того, чтобы завтра, хоть на пару часов выйти из поля зрения своих женщин.

Так и не найдя повода, он беспокожно проспал всю ночь, а под самое утро ему пришла, на первый взгляд, блестящая идея. Утром, еще до завтрака, он отыскал лечащего врача и рассказал ему о своем желании проходить ежедневные процедуры уже с сегодняшнего дня. Лечащий врач немного удивился, так как еще только вчера Меченосец отказался от всяких процедур, но, дослушав отдыхающего до конца, решил ему подсобить. А как не подсобить своему брату – мужику, сам в таких ситуациях оказывался не раз.

В общем, за завтраком Меченосец сообщил Виктории, что лечащий врач, прослушав его, рекомендовал ему несколько процедур, которые он будет вынужден проходить.

Для большей убедительности он, вместе с Викторией, прошел после завтрака к врачу, чтобы уточнить время процедур.

Врач, конечно, напустил туману неопределенности, из которого Виктория поняла, что процедуры лучше пройти, чем их игнорировать. Причем, процедуры назначались на послеобеденное время, когда отдыхающим рекомендовалось часика два–три полежать в номерах, дабы переждать полуденный зной, при котором им было вредно загорать и купаться.

Выйдя от врача, Виктория с Меченосцем пошли на пляж, и там ему удалось сообщить Рите время их первого свидания в ее номере.

После обеда он проводил Викторию с Аленой до своего номера и, убедившись в их намерениях поваляться на мягких кроватях, смело отправился на процедуры.

Процедурная сестра по имени Рита с нетерпением его ждала, и, как только он появился в номере, повисла у него на шее и присосалась к его губам своими жаркими губами.

Как тогда она целовала его страстно и продолжительно. – Ах, Рита, ах, проказница, ты совсем не изменилась, – подумал Меченосец и, сорвав с нее легкий халатик, осторожно положил дрожащую Риту на приготовленную кровать.

И хотя силы Меченосца были уже не те, Рита чувствовала его желание удовлетворить ее по полной программе. Он ласкал ее тело всеми

имеющимися источниками ласк. Губы и язык с юношеским задором исследовали ее тело, а шаловливые руки с мужской страстью тискали крепкий зад и затвердевшие соски. И, наконец, самый желанный источник вошел в нее и окончательно разбудил ее алеющий цветок. Рита импульсивно дернулась, на секунду застыла, а потом стала подбрасывать Меченосца все выше и выше. А когда восторженный крик попытался вырваться из ее груди, она еще сильнее прижала мускулистое тело Меченосца к себе и задрожала всем своим телом. Восторженный крик она удержать так и не смогла.

Потом они еще около получаса исследовали друг друга под струей теплого душа.

Возвратившись в свой номер, Меченосец пожаловался, что очень устал от пройденных процедур.

Прервать процедуры ему помог только Ритин отъезд. Итого он проделал более десяти процедур, возвративших его в годы своего полового совершенства.

Через пять дней наши путешественники тоже тронулись в обратный путь.

Их загорелые лица выражали полную удовлетворенность от благодатного отдыха на черноморском побережье.

Обнаруженные гены

А в сентябре у Алены начались занятия в театральном училище, и Меченосцу приходилось делать крюк для того, чтобы сначала завести в училище возбужденную Алену, а потом подвозить к ресторану собранную Викторину.

По вечерам они ужинали вместе, реже в ресторане и чаще дома. Алена, с нескрываемым темпераментом, делилась новыми впечатлениями от учебы, рассказывая им об известных артистах, с которыми она запросто встречалась, об интересных преподавателях и своеобразных однокурсниках.

Было видно, что она с большим удовольствием посещает училище, и эти посещения делают ее более жизнерадостной и раскованной.

О своем поступлении она в письме сообщила родителям, не указав, правда, ни названия училища, ни адреса своего проживания. Ищите, мол, меня по адресу «До востребования».

Родители, конечно, обрадовались весточке от любимой дочери, но невозможность ее повидать их изрядно расстроила.

Но, что поделаешь, дело молодое. Главное, что она нашлась и, судя по письму, довольна жизнью.

А Алена, действительно, радовалась жизни, все в этом мире ее устраивало, и, наверное, от этого у нее многое получалось. Она успешно училась актерскому мастерству, в нее влюбился по уши однокурсник Никита. Кстати о Никите. Никита приехал в Москву из того самого сибирского городка, в котором родился и Меченосец.

Об этом Меченосец узнал в один из ноябрьских вечеров, когда Алена привела Никиту к ним в гости.

Когда хозяева и гость выпили за знакомство, у Виктории возник естественный вопрос о том, откуда Никита пожаловал в Москву. И Никита назвал город детства нашего главного героя.

Меченосец даже бровью не повел, услышав название города, но сердце у него защемило, и он с трудом удержался, чтобы не задать Никите пару-тройку вопросов.

– Вот тебе и да, – подумал он, – встретил земляка, а как общаться с ним, ума не приложу.

Но, после третьего тоста, Меченосец решил, все же, порасспросить Никиту о своей родине, конечно, не называя ее родиной.

– Да, бывал я Никита в вашем городишке, – начал он издалека, – помнишь, Виктория, я тебе рассказывал, что томился в сибирском лагере?

– Конечно, помню, – ответила Виктория, – на тебя столько мытарств выпало, что хватило бы не на один десяток людей.

– Вот я и говорю, – продолжил Меченосец, – когда меня освободили, я как раз и проезжал через ваш город, Никита.

– Ой, как интересно, – воскликнула Алена.

– Да, интересного-то, как раз, мало, – возразил Меченосец, – запомнил я там только здание милиции, где отмечался, да пивнушку, что стояла на взгорке.

– Павел Петрович, так милиция и сейчас там находится, и пивнушка на взгорке красуется, – ответил Никита.

– Вот оно как, – задумался Меченосец, – и пивнушка, значит, стоит.

– Стоит, стоит, – подтвердил Никита, – там моя мама заведует.

– А как зовут-то твою маму? – вроде бы без всякого любопытства спросил Меченосец.

– Мария Андреевна, – сообщил Никита.

– Вот ведь как, неужели это Машкин сын, – промелькнуло у него в голове.

В слух же Меченосец сказал:

– Хорошее имя, поди и отец у тебя есть?

– Был, да куда-то уехал, – ответил Никита.
– Как это куда-то, – переспросил Меченосец.
– Да, мама говорила, что в Ленинград, вроде, подался, – с неохотой ответил Никита.

Заметив Никитино недовольство, Виктория произнесла:

– Ну что ты пристал к человеку, неужели других тем у тебя не нашлось.

– Ладно, Викуля, не обижайся, пойдем лучше на кухню, а то, как бы курицу не прозевать, – предложил он.

Они вышли на кухню, и, прежде чем заглянуть в духовку, Меченосец обнял свою Викторину и нежно поцеловал:

– Золотце ты, мое.

Виктория с нежностью посмотрела на Меченосца и произнесла:

– А раз золотце, так и береги это золотце.

– Да я уж и так стараюсь, – признался Меченосец и ухватил Викторину за зад, который она подвернула ему, нагнувшись за курицей.

– Ну что ты будешь делать, – выпрямилась Виктория, – так и норovit поозорничать, ста..... не стареющий конь.

Когда они вернулись в гостиную, молодые как-то уж больно резко отодвинулись друг от друга.

– Целовались, видать, – подумал Меченосец, ну и что, пусть целуются, их дело молодое.

Под курочку они выпили еще немного, точнее выпили только Меченосец да Виктория, а Алена с Никитой только чокнулись и капельку пригубили. У них и без выпивки аппетит разгулялся при виде курочки, да в золотистой корочке.

Наевшись курочки, молодые засобирались на танцы, а пожилые проводили их до дверей.

На прощание Меченосец все же спросил:

– Никита, а величать-то тебя как?

– Меня-то, – переспросил Никита, потом произнес, – Павловичем по паспорту, но меня еще рано по отчеству величать.

– Рано, да не совсем, – произнес Меченосец, – пора привыкать к полному имени-то. Никита Павлович, по-моему, звучит.

– Звучит, звучит, – поддержала его Виктория.

Когда молодые ушли, Меченосец помог Виктории убрать со стола и, включив телевизор, тупо уставился в экран. У него из головы не выходила мысль о том, что Никитино отчество было производным от его имени, да еще и про Ленинград Никита приплел.

– А ведь я только Машке тогда обмолвился, что собираюсь в Ленинград, – подумал он, – неужели это мой сын? Судя по времени, очень даже может быть.

– О чем задумался, детина? – услышал он голос Виктории.

Меченосец встрепенулся и произнес:

– Да вот думаю, когда в Ярославль ехать, завтра или на послезавтра оставить.

– Езжай лучше завтра, скорей вернешься, – посоветовала Виктория.

– Хорошо, тогда пойду готовиться, – согласился он, – завтра пораньше выеду.

В этот раз Меченосец в Ярославле не задержался. Получив причитающийся ему навар, он позвонил Екатерине Ильиничне, любезно с ней пообщался и, сославшись на большую занятость, уехал в обратный путь.

Екатерина Ильинична была немало удивлена тем, что Павел Петрович не захотел с ней встретиться. Этот факт ее очень расстроил, и, чтобы хоть как-то успокоиться, она после работы прошла на волжскую набережную.

Медленно шагая в сторону Стрелки, Екатерина Ильинична до мельчайших подробностей вспоминала самые приятные моменты их несчастных встреч.

– Вот здесь он меня нежно обнял, – пронеслось у нее в голове, – а здесь подарил мне большущий букет роз, а здесь я увернулась от его поцелуя. А надо ли было уворачиваться?

Вместо того, чтобы успокоиться, она еще больше расстроилась и поспешила домой.

К дому она подходила с полной уверенностью, что в ближайшее время обязательно встретится с милым Павлом Петровичем.

Приехав из Ярославля, Меченосец стал все внимательней присматриваться к Никите, и чем больше он всматривался в его лицо, движения и походку, тем острее ощущал Никитино сходство с собой.

– Вот и бычится он так же, как я, когда обижается, – обнаруживал Меченосец, – и глазами зыркает на женщин, как я в молодости.

Новый год они встречали вчетвером, но после боя курантов молодые уехали к своим друзьям, а Меченосец с Викторией пустились в долгие рассуждения о том, получится ли у Алены с Никитой что-нибудь серьезное.

– Мне кажется, что Никита парень неплохой, – осторожно начала Виктория, – по Алениным глазам я вижу, что он ей нравится.

– Да, – согласился с ней Меченосец, – но не слишком ли он категоричен. Не успел еще в столице обжиться, а критикует всех налево и направо.

– А что ты хочешь, нынешняя молодежь вообще категорична и прямолинейна, – произнесла Виктория, – разве мы были такими?

– Конечно, нет, – без сомнения произнес Меченосец, – мы были скромней и почтительней.

– Ну, допустим, скромностью некоторые из нас не отличались, – с улыбкой посмотрев на Меченосца, сказала Виктория, – а что касается почитания родителей и авторитетов, то это, действительно, так.

– Ну, что поделаешь, нынче время такое, – с грустью произнес Меченосец, – сегодня каждый норовит быстрее самоутвердиться, отбросив моральные принципы.

– Ох, ты мой брюзгливый моралист, – ласково посмотрев на Меченосца, сказала Виктория, – пойдем-ка лучше спать, а то второй час ночи уже заканчивается.

Они поочередно сходили под душ и, забыв про мораль, занялись любовью. Ласковый женский взгляд пробудил в Меченосце теплые чувства, и окатившее его тело тепло стало активно переливаться в Викторию.

В эту ночь Меченосец потряхнул стариной и выдал Виктории сеанс одновременной игры на всех ее чувствительных точках.

Ай, да Меченосец, не потеряли еще его шаловливые ручки профессиональных навыков. А, может быть, дело вовсе не в этом? Может быть, свет любви все же забрезжил в его душевных потемках?

Расстроенная Алена появилась дома часов в девять утра. Она долго смывала со своего тела не то грязь, не то нервное напряжение, а, выйдя из ванной, увидела проснувшуюся Викторию.

– Девочка, у тебя ничего не случилось? – спросила Виктория.

– Нет, Виктория Рудольфовна, ничего, – быстро ответила Алена и, так же быстро, скрылась в своей комнате.

– Значит, что-то случилось, – подумала Виктория.

На обед Алена в гостиной не появилась, и Виктория решила заглянуть в ее комнату.

Алена лежала на спине, уставившись в потолок. На приход Виктории она никак не отреагировала.

– Девочка, ответь мне, у тебя все хорошо? – подойдя к постели, спросила Виктория.

И тут Алена не выдержала и разрыдалась. Ее стройное тело забило в истерике, и, присев на кровать, Виктория попыталась, хотя бы, своим вниманием помочь плачущей девушке. Она гладила Алену по волосам и машинально приговаривала:

– Не плачь, милая, не плачь золотце, все будет хорошо.

Минуты через две Алена повернулась к Виктории и, обняв ее за шею, тихо произнесла:

– Виктория Рудольфовна, ну разве так можно?

– Что можно, о чем ты говоришь? – спросила расстроенная Виктория.

– Разве можно оставлять женщину, с которой пришел, – в свою очередь спросила Алена.

Виктория, поняв смысл ее слов, уточнила:

– Это Никита тебя оставил?

– Да, через час после нашей встречи с друзьями он ушел с другой, – призналась Алена.

– Глупенькая, стоит ли из-за этого так убиваться, – посоветовала Виктория.

– Но мне казалось, что мы любим друг друга, – сказала Алена.

– Ну, вот, теперь выяснилось, что тебе это только казалось, – глядя Алену по волосам, как можно спокойней сказала Виктория.

– Ну, что же мне делать? – вновь спросила Алена.

– Тебе нужно встать, привести себя в порядок и вести себя так, будто между вами совсем ничего не случилось, – посоветовала Виктория, – если у него к тебе, действительно, серьезные чувства, то в самое ближайшее время он подойдет и извинится перед тобой.

Слова Виктории немного успокоили Алену, и она встала с постели.

Хоть и без аппетита, она все-таки поела в компании Меченосца и Виктории. Чтобы не оставлять расстроенную Алену одну, Виктория предложила ей и Меченосцу поехать к Евлампии Викторовичу, у которого вечером собиралась знакомая компания.

Алена с благодарностью приняла предложение Виктории, а Меченосцу уже давненько хотелось поиграть в преферанс.

Когда Виктория повязывала Меченосцу галстук, он спросил:

– А чем это Алена так расстроена?

– А тем и расстроена, что Никита ушел с вечеринки с другой девушкой, оставив Алену одну, – ответила Виктория.

Меченосец сделал вид, что ужасно рассердился, а про себя, спрятав хитрую улыбку, подумал:

– Никуда не денешься, гены-то не пересилишь.

Последний аккорд

Ближе к весне конкурентов у Меченосца значительно прибавилось, потому что увеличилось количество девушек, прибывающих в Москву за своим счастьем. Большинство из них попадали под влияние больших и малых бандитских формирований, состоящих, в основном, из отморозов, глаза которым совсем недавно застил зеленый цвет иностранных банкнот.

На различные разборки уходила уйма времени, и поездками с дефицитами в Ярославль и другие окрестности пришлось заниматься нанятому Меченосцем специалисту.

Екатерина Ильинична очень переживала из-за столь долгого расставания. Она все больше корила себя за то, что в свое время уворачивалась от объятий любимого мужчины.

— Конечно, — думала она, — кто же выдержит столько лет безнадежных ухаживаний. А почему безнадежных? Всем своим видом я пыталась поддерживать теплившуюся в его сердце надежду. Однажды, на берегу Которосли я совсем потеряла рассудок, и позволила ему снять с меня трусики, но, в самый последний момент, какая-то неведомая сила заставила меня вскочить и наговорить ему всяких глупостей. Я, как сейчас, помню его менявшийся на глазах взгляд. Он вскочил вслед за мной и гневно посмотрел на меня налитыми кровью глазами, но, постепенно, краснота сошла с его глаз и они наполнились такой нежностью и любовью, что я бросилась ему на шею и, заливаясь счастливыми слезами, все шептала и шептала:

— Милый, мой милый Павел, я очень люблю тебя, очень, очень люблю». Я, действительно, его очень люблю, люблю и обязательно дождусь.

Но свидания с Меченосцем ей пришлось ждать недолго. В солнечные майские дни в Москве состоялся учительский съезд, делегатом которого стала и Екатерина Ильинична.

Приехав в Москву, она тут же позвонила Меченосцу, и вечером они встретились у нее в номере.

Поначалу они стеснялись друг друга, но коньячок и шампанское сделали свое дело, и Меченосец сначала ласковыми словами, потом набором других ласк возбудил Екатерину Ильиничну так, что она сама подтолкнула его к кровати.

И, даже сев на широкую кровать, Меченосец никак не решался растегнуть пуговицы ее халата. Заметив его замешательство, Екатерина

Ильинична пустила в ход свои дрожащие руки и принялась нервно развязывать ему галстук, расстегивать рубашку и все остальное. Выйдя из шока, Меченосец снял с нее шелковый халатик, потом В общем, потом он очень осторожно и очень нежно принялся ласкать ее еще напряженное тело. Через несколько секунд ее тело расслабилось, и она полностью отдалась его жарким ласкам.

А Меченосец вновь творил чудеса секса и женского удовлетворения, забыв про возраст и про житейские проблемы, которые в последние дни его все больше доставали.

Он думал только о ней, о женщине, которую все эти годы любил и с нескрываемой надеждой ждал желанной близости с ней.

И лежащая под ним Екатерина Ильинична, всеми частичками своего тела ощущала сейчас его любовь и трепетное к ней отношение.

Они вместе забились в очаровательном экстазе и также вместе мгновенно расслабились.

Меченосец посмотрел на Екатерину Ильиничну, потом, из его холодящих уст вырвалось слово «виктория» и он, как-то сразу обмяк.

И было совсем непонятно, что могло означать это слово, то ли долгожданную победу над Екатериной Ильиничной, то ли имя женщины, с которой он, сравнительно, счастливо прожил последние годы жизни.

Дорогой Меченосец, светлая тебе память. Значительная часть мужского сословия была бы рада уйти в иной мир, находясь на любимой женщине. Я тоже этого бы хотел.

Послесловие

Эта книга меня вновь подтолкнула на поэтическую стезю, и милым женщинам я посвятил следующие стихи.

Моим любимым женщинам

Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.
Все в этом мире или временно, иль тленно,
И только женщина — константа бытия.

И только женщина – вершина мироздания,
Источник мудрости, хранительница грез.
Сегодня милое и хрупкое создание,
А завтра озеро из выплаканных слез.

А завтра птица, улетающая в вечность
Или виденье, приходящее на миг,
Или застенчивое, тихое: «наверно»,
Или надрывный и настойчивый каприз.

В ее хранилище и нежность, и бунтарство,
Слепая преданность и ревность без причин,
Чуть-чуть открытости, немножечко коварства,
И бездна страсти для обласканных мужчин.

И, без сомненья – это лучшее творенье
Родимой матушки по имени «Земля».
Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.

Георгий Скрипкин

Содержание

Явление на свет	3
Детские забавы	5
А где-то была война	8
Любовь на линии фронта	13
Раненый, но е., то есть верткий.....	16
С Викой не соскучишься	31
Слесарные будни с налетом эротики	37
На нарах жестко и тревожно	43
Возвращение на родину	45
Дорога на запад.....	53
Здравствуй, Ленинград.....	64
Не все коту масленица.....	71
Исповедь Степаныча	80
Встреча с сыном	86
Семейный Новый год	89
Где работаю, там и	95
В семье не каждый день масленица	99
Там тепло, там женщины	101
Анна и другие	107
Лечение закончено, и жизнь прекрасна	116
Рита, Рита, Маргарита	121
Возвращение блудного сына.....	130
Ехал в Челябинск, а вышел в Ярославле	134
Волга и его новая любовь.....	142
Рыжеволосая москвичка и влюбчивая саратовка	147
Ярославское затишье.....	153
Разлучница	159
Мечь или отдача долгов.....	168

Любви все возрасты покорны	173
Знакомство с долей риска	179
Сначала любовник, а потом	185
Виктория	192
Любимая женщина, любовница или компаньон?.....	200
Новый год и новые нужники.....	206
Подарок, о котором он мечтал	209
Попутчики.....	213
Ярославские встречи	216
Московские страсти.....	229
Пустили козла в огород.....	233
Меченосцу хорошо, а Виктории тревожно.....	236
Новая кадра со знакомым лицом	238
Аленина адаптация	244
Продолжение истории незаконченной проститутки	249
Юг, навеявший воспоминания	253
Обнаруженные гены.....	259
Последний аккорд.....	265
Послесловие.....	266

Скрипкин Г.В.

ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
МЕЧЕНОСЦА

Издательство ООО «ИРИС ГРУПП»

Подписано в печать 06.11.2013.

Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура «Times». Печать цифровая.

Бумага 70 гр/м2. Усл. печ. л. 17.

Издание выпущено в авторской редакции с сохранением орфографии, пунктуации и стилистики автора.

Отпечатано в типографии

ООД «ИРИС ВАРНА»

ЕС

www.irisbook.eu